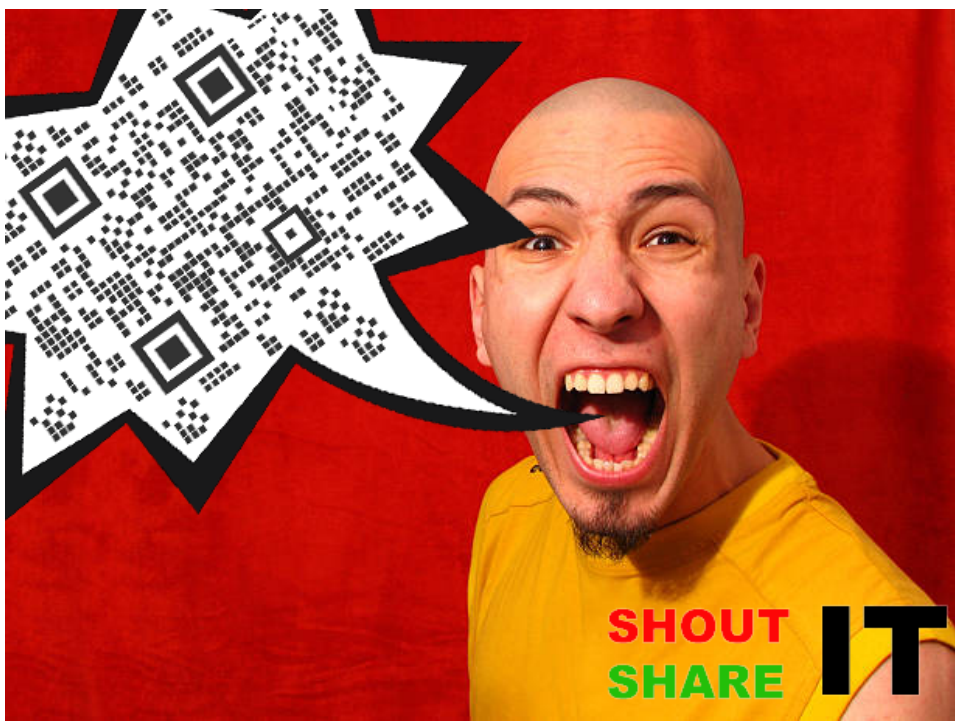

А. Веймер

МЕЧТЫ И СВЕРШЕНИЯ

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Автор книги доктор экономических наук Герой Социалистического труда Арнольд Тынувич Веймер рассказывает в своих воспоминаниях об упорной борьбе, которая привела Эстонию к свободе, об участии в Великой Отечественной войне, о послевоенной жизни республики

А. Т. Веймер в 19 лет вступил в Коммунистическую партию, более 15 лет просидел в тюремных застенках буржуазной Эстонии. Он был председателем Совета Министров ЭССР, заместителем председателя, председателем Совнархоза республики, президентом Эстонской Академии наук.

- А. Т. Веймер

- Годы юности

- Эстонская деревня
 - Что такое мыза?
 - Учитель Яан Лейман и другие
 - В годы первой мировой войны
 - Тёмное царство
 - Весна надежд
 - После октября
 - Прощание с мельницей

- «С винтовкой в руках — под красное знамя!»

- Снова под пятой буржуазии
 - В Таллине, на улице красной
 - В рабочей газете «Выйтлус»
 - Мои университеты
 - Кровавые следы белого террора
 - Вступление в подпольную партию коммунистов
 - Первая заграничная поездка
 - В стране хваленной демократии
 - Единый фронт
 - Знамя борьбы рабочих организаций

- Борьба за тюремной решеткой

- Арест
 - Нас было не 149, с нами шел весь народ
 - Успехи советской страны — это наши успехи
 - Борьба продолжается
 - В «каменном пароходе»
 - Наша сила — в единстве
 - Политическая учеба в тюрьме

- Накануне освобождения
 - Амнистия
 - Опять на казенных харчах
- Да здравствует Советская Эстония!
 - Июньская революция
 - Учимся управлять
 - Когда страна в опасности
 - Эстония свободна!
 - Осуществляя ленинский план кооперации
 - На посту директора
 - Единый производственно-территориальный
 - Плюсы и минусы реорганизации
 - В Совете Министров республики
 - В Академии наук республики
 - Важная производительная сила
 - Самая убедительная пропаганда
- Заключение
- notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
 - 14
 - 15
 - 16
 - 17
 - 18
 - 19
 - 20
 - 21
 - 22
 - 23
 - 24
 - 25
 - 26

- ☐ 27
- ☐ 28
- ☐ 29
- ☐ 30
- ☐ 31
- ☐ 32
- ☐ 33
- ☐ 34
- ☐ 35

А. Т. Веймер
Мечты и свершения
(О жизни и о себе)

А. Веймер

Годы юности

Эстонская деревня

*Приезд гостя. — Кости становится хозяином хутора. —
Мечты и планы о богатстве. — Что рассказала Лээна Кару, —
Чему мы учились у Яяна.*

Возвращаясь памятью в годы детства, я прежде всего представляю мельницу, где жила наша семья: отец, мать и мы — трое мальчиков. Вся наша жизнь была ограничена этим небольшим островком. О находящемся километрах в двадцати большом городе Таллине мы знали только по рассказам старших. Однако все события в близлежащих хуторах, их обитателей, все их радости, а больше горести мы, дети, хорошо знали и по-своему переосмысливали. И прежде чем мы вылетели из нашего гнезда в жизнь, мы были свидетелями всего того, о чем я хочу поведать в этой главе. Мне представляется возможным познакомить читателя с моим детством и юностью через отдельные картины, эпизоды, через портреты людей, которых я наблюдал и которые запали мне в память.

Многие факты я изложил по рассказам моих родителей, которых называю здесь мельником и мельничихой.

Свежий зимний день. Накануне выпал снег, дороги занесло, и проезжих мало. По дороге ползут одинокие дровни. Рядом с возом идет хозяин. Тощая, старая лошаденка старается шагать шустро, видно, хочет пораньше добраться до места и отдохнуть. Но силы ее заметно слабеют, и возница озабоченно поглядывает на вспотевшую конягу, слегка подбэдривая ее кнутом и приговаривая: «Давай, давай, скоро сделаем остановку». И действительно, вдали уже показались довольно крупные постройки. Это имение Соо.

Местность здесь голая, болотистая, лишь кое-где попадаются березки да кустарник. Дорога потянулась вдоль берега замерзшей реки. Через короткое время дровни поравнялись со скотными дворами, затем подъехали к большому зданию с высокой трубой — винокуренному заводу.

В начале этого столетия в помещичьих имениях Эстонии было много винокуренных заводов, их легко было узнать по высокой трубе и стенам, сложенным из плитняка и дикого камня. Обычно это было двухэтажное здание, внутри которого стояли огромные, высотой в оба этажа, деревянные чаны, а также находились помещения для винокура и его одного-двух

помощников, которые жили несколько особняком от остальных работников имения. Почти напротив завода, через дорогу, стояла мельница — каменное строение на берегу реки. Через реку был перекинут мост. Река была довольно широкая, но глубиной не более полутора-двух аршин. Для мельницы была устроена запруда из бревенчатой плотины. Сейчас вода была скована льдом, островками торчали камыши, указывая на неровность речного дна.

Возле скотных дворов река разветвлялась: налево тянулось основное русло и там был второй мост, поуже, а рукав уходил вправо, ниже он снова соединялся с рекой, образуя перед домом мельника небольшой островок — любимое место сборищ детворы. На островке не было ни одного дерева, вся земля была распахана под поле, и только небольшой клочок возле моста оставался невозделанным, под пастбище...

Повозка остановилась возле дома мельника. Мужчина снял с дровней мешок с сеном, повесил его на изгородь, и лошадь принялась жадно есть. Набросив ей на спину старое одеяло, хозяин пошел в дом.

Дом мельника, к которому он заехал, стоял на открытом месте. Был он сложен наполовину из камня, наполовину из пиленых бревен. Деревянная часть, предназначенная для жилья, в свою очередь, делилась на две довольно большие комнаты. Каменная же половина, которую называли «черная изба», так как здесь стояла печь (она, впрочем, никогда не топилась), использовалась как склад. На этой половине находилась также кухня и кладовая. В кухне стояла плита, сюда же выходило устье печи. Плита была довольно большая, и, когда ее топили, кухня настолько нагревалась, что здесь можно было даже спать. Вообще же в доме всегда было холодно.

Гость вошел, когда хозяева, кончив ужинать, убрали со стола. Они помогли ему снять пальто и стали расспрашивать, как он добрался, не очень ли замерз. Приезжий — это был Кости, муж нашей тети, — в ответ только улыбался, мол, дровосеку мороз нипочем: и лошадь вспотела, и он, шагая рядом с дровнями, в меру разогрелся.

— Ну как, все пожитки успел перевезти? — спросил кто-то из наших.

— Не все. Хотя конец уже виден. Сейчас, вон, дрова вожу, в ваших местах, видать, с топливом похуже, возле дороги не то что леса — деревьев нет. Чем вы тут топите?

Хозяева подтвердили, что с топливом у них действительно плохо: лесов нет, в имении, правда, добывают торф, но он рыхлый и мало дает тепла.

Кости усадили за стол, принесли еду — картошку со свининой. Его семья переселялась сюда из вирумааских лесов. Он купил в имении Соо «шестидневный» хутор.^[1] И теперь они вели с отцом речь о покупке и о том, что она сулила в будущем. Кости был настроен радужно, бодро. Он жил в вирумааских лесах, а здесь и подавно проживет. Ведь там, в лесах, если его кто и навещал, так только медведи и лоси, некому было продать даже каплю молока или кусок мяса.

— У вас тут по крайней мере светло вечером. Вон какую лампу повесили. А мы в Вирумаа все еще при коптилке сидим, ни тебе почитать, ни делом заняться. Нет, мы с той жизнью покончили. По нынешним временам человеку так жить нельзя.

— Как же вы решили со стариками, их тоже будете перевозить? — поинтересовалась хозяйка.

Вопрос этот был деликатный, обсуждавшийся уже много раз. Жена Кости не хотела и слушать о том, чтобы оставить родителей. Вдруг захворают, кто им тогда поможет?

Старики колебались. Он был лесником в Вирумаа, привык к лесу, любил его. С одной стороны, они и хотели бы переехать поближе к обеим дочерям. Дом — развалюшка, участок заболочен, усеян камнями. Но трудно привыкать на старости лет на новом месте. Соглашался с этим и Кости.

— Плохо ли им? Они уже старики, много ли им надо, да и мы не бог весть как далеко будем, — рассуждал он вслух.

Разговор кончился на том, что лучше не откладывать, по санному пути все перевезти и стариков тоже.

Дядя Кости поблагодарил за ужин и заторопился, чтобы засветло еще добраться до дому. Лошадь успела немного отдохнуть и, хотя дорога была занесена, шагала бойко. Через какой-нибудь час они были дома. Хозяин не стал сгружать дрова, а выпряг лошадь и, поставив на конюшню, дал ей корму. Сам же пошел в дом, где хозяйка уже ждала его с горячим ужином.

Когда Кости рассказал ясене, что по дороге заезжал к мельнику Тынису, она первым делом спросила, как там относятся к переезду стариков и не могут ли они на время взять к себе хотя бы отца. Затем, помолчав немного, добавила:

— Мать будет у нас, за детьми приглядит, и то нам помощь.

Кости сказал, что, пожалуй, так действительно будет лучше, и на мельнице с этим вроде тоже согласны. Потом жена сообщила, что днем к ним заходила Лээна Кару, из ближней деревни. Болтала часа два обо всем на свете, да только ничего дельного не сказала. Одно она поняла из ее слов, что бедняков здесь много и они с радостью наймутся работать, особенно по весне, а на постройку — так хоть сейчас. У них, сказала Лээна,

старик в имении батраком работает, а дома два сына. Сассь, почитай, ничего не делает, валяется целыми днями на кровати, как колода, ругается и проклинает все на свете. Руут тоже без работы и готов идти батраком в любую усадьбу. А мужик сильный, молодой, неглупый.

— Что ж, поглядим, — заметил хозяин, — дел у нас по горло и во дворе, и в поле. Всюду руки нужны, а много ли мы с тобой вдвоем наработаем.

— Да, трудов и хлопот не оберешься, — вздохнула жена и добавила: — В хлев войти страшно, того и гляди придавит, и за скотину боязно. Впрочем, и жилой дом не лучше, ветер во все щели задувает, бревна трухлявые, пальцем можно проткнуть. Сглупили мы, купив этот хутор.

С этим утверждением Кости не мог согласиться; оно задевало его, ставило под сомнение его способности и смекалку.

— Нечего зря причитать, сама знаешь, сколько мы за него отдали, К тому же наличными потребовали самую малость, а остальное поверили в долг. И ежели бог даст жизни и здоровья, с этим долгом развяжемся в самое ближайшее время. Город недалеко. Дорога туда неплохая, круглый год можно возить на базар продукты. Земля, конечно, тут неважная, но, с другой стороны, отдохнувшая — залежь, поначалу даст урожай, а потом надо будет канавы прорыть, кустарник выкорчевать, лишнюю воду отвести. Здесь, сама видишь, плитняк неглубоко лежит, а за домом так и вовсе на поверхность выходит. Некуда воде деваться, вот наверху и остается, даже за лето не просыхает. Очистим канавы, осушим землю, тогда и урожаи будут. Помолчав, он продолжал:

— Только вот ходят слухи, будто скоро война начнется, будто Россия с Германией сцепились. Кто его знает, много ли в этом правды. И как все обернется в будущем, никто сейчас не скажет, да и не по уму это нам. Одно ясно, земля в такие времена всегда выгодна, цены на продукты кругом растут. Так что и с этой стороны мы с покупкой хутора не промахнулись. Ежели здоровье не подведет, мы с тобой еще заживем. Глядишь, еще в сооские бароны вылезем, как дед порой шутит. Имение-то, я посмотрел, в упадок приходит, нет там настоящего хозяина. Сам помещик где-то в России, а здесь у него управляющий и писарь, а те только и глядят, как бы все растащить, до остального им и дела нет. Кругом, сама говоришь, голодранцев много, без работы и без хлеба сидят...

— Ты заговорил и впрямь как настоящий барон, — засмеялась жена.

А Кости, увлекшись, продолжал:

— С этими мошенниками-батраками надо постараться как-нибудь поладить. Кормить их будем досыта, но и работу с них надо спрашивать. Лентяи, поди. Только вот скотины надо прикупить, лучше к теплу поближе, когда пасти уже можно. И навоза нам тогда хватит для полей и для лугов, да и масло, и мясо для рынка будет. Доходы появятся. Подкопим деньжат и начнем строиться. К осени амбар надо привести в порядок, чтобы было куда урожай убрать, иначе разворуют все.

— Кстати, что это за постройка на южной стороне, еще крыша у нее обвалилась? — спросил Кости жену.

— Лээна Кару говорила, будто это поселковая школа. Правда, вот уже несколько лет занятий там почти не проводится — учителя настоящего нет. Здесь за учителя Яян Лейман. Учит он детей азбуке с грехом пополам. Ходят к нему дети из деревни и из мызных, которым сюда ближе, чем в школу возле станции. И племянники мои тоже у Яяна учатся...

Мы и правда учились у Леймана. Ходили не каждый день. Системы у него никакой не было. Мы быстро научились читать и писать, усвоили четыре действия арифметики, и в этой «школе» нам было скучно. Видимо, наш дед, который, прежде чем стать лесником, учительствовал, дал бы нам больше, чем Яян, но нам с ним только предстояло познакомиться...

Так, обсуждая свои дела и планы, новые хозяева хутора не заметили, как кончился вечер и пора было ложиться спать.

Что такое мыза?

Как поладили помещик и мельник. — Заботы хозяина хутора Соо. — Договор с братьями Кару. — Опять на мельнице. — Первая выручка. — О чем беседовали мельничиха и писарь.

В имении, где купил землю Кости, разводили черно-белый молочный скот. Все здесь было подчинено, как бы мы сказали теперь, увеличению товарной продукции, повышению интенсивности хозяйства. На винокуренном заводе гнали из картофеля спирт-сырец, который затем отвозили в город на спирто-водочный завод. Помещик получал большие доходы и посылал на свой завод из дальних российских губерний все больше зерна. Отходы — барда — шли на откорм скота. Таким образом винокуренный завод приносил весьма солидный дополнительный доход. Кроме того, управляющий, чтобы удерживать работников, приказывал выдавать им «за усердие» по косушке водки. Постепенно люди, привыкавшие к алкоголю, попадали в рабскую зависимость от управляющего.

По-иному распорядился помещик мельницей. Раньше он держал мельницу сам, выплачивая мельнику жалованье и оставляя себе весь доход от размола. Но со временем это стало для него обременительным: мельнику надо было платить жалованье, сам помещик часто отсутствовал и не мог проверить, сколько тот размалывал зерна на сторону. Доход от мельницы был не велик и не стоил стольких забот. Поэтому помещик решил, что уж лучше пусть мельник платит ему аренду и сам заботится о том, чтобы мельница себя окупала. А если доходы от нее возрастут, то арендную плату можно и поднять. Так что, являясь мельником, наш отец много лет работал как арендатор. Помещик исправно получал свои 250 рублей наличными в год. Мельница содержалась в порядке. Имению зерно размалывали бесплатно. Отцу, в качестве льготы, было разрешено пасти на мызном пастбище лошадь и корову и выделяли клочок земли под сенокос и картофель...

Новый хозяин хутора Соо проснулся еще затемно и вышел задать лошади и коровам корм. Мысли его снова закрутились вокруг того же — как успеть со всем управиться вовремя да получше распорядиться своими небольшими средствами. У него хватит денег держать до весны двух работников, они подвезут лес и камень для постройки нового хлева. Для этого можно

использовать плитняк — поблизости, в нескольких десятках саженьей, была заброшенная каменоломня, и там нетрудно будет возобновить его добычу. Если камня будет достаточно, тогда и леса пойдет меньше. Обойдутся ли они тем, что есть на его участке? Пожалуй, на крыши, двери и оконные рамы хватит. Планы Кости шли дальше. В хлеву он поставит насос, и вода пойдет коровам прямо в корыта, не надо будет таскать ведрами. Насос, трубы, дверные петли придется купить, кое-что заказать кузнецу, основной же строительный материал у него свой.

Настроение у Кости поднялось. Он решил сегодня же переговорить с сыновьями Лээны Кару. Он подсчитал: если платить работнику в день по рублю и кормить его, то заработок получится неплохой, если только он настоящий работник. С пожилыми мужиками можно будет пилить лес, им он платил бы в день копеек восемьдесят — девяносто, за такую цену, пожалуй, можно найти желающих. Размышляя таким образом, Кости с фонарем в руках еще раз заглянул к лошади, она спокойно жевала сено. Когда хозяин подошел к ней, она положила ему голову на плечо.

— Ну, будет тебе! — проворчал Кости, отводя голову лошади в сторону, и пошел в дом, где хозяйка уже растопила плиту, чтобы приготовить завтрак, Кости рассказал ей, что он тут надумал. Хозяйка одобрила его планы и обещала устроить так, чтобы сыновья Кару сегодня же зашли в Соо. Как только рассветет, она пошлет за ними мальчика. Когда жена сообщила, что у скотины кончается мука и надо ехать на мельницу, хозяин с досадой ответил:

— Уже кончилась? Давно ли размололи зерно, разве так напасешься? Надо все-таки беречь муку!

Жена обиделась:

— Вот и береги, коли можешь, а мне беречь нечего, нет муки!

Хозяин не нашелся, что ответить, и стал думать, как свести концы с концами. Хлеб в прошлом году уродился плохо, часть зерна пришлось отдать за долги, так что со своим хлебом они до нового урожая не дотянут. К тому же семян под яровые маловато. Надо придумать, где взять кормов, особенно зерносмеси, состоящей из овса, ячменя и гороха, от нее и надои больше, и свиньи быстрее прибавляют в весе. Тут он вспомнил, что слышал как-то от свояченицы Лийны, мельничихи, будто мызный писарь крепко плутует с зерном: привезет его для размола на кормовую муку и тут же, на мельнице, продает крестьянам.

А ежели так, то все очень просто устроить. С мельником едва ли удастся договориться, но с Лийной он наверняка сумеет поладить. В имении зерна много, что стоит продать несколько

возов на сторону — для имения это пустяк, а для него, Кости, — большая подмога, он скорее с долгами за хутор разделается. И таким образом, утешал он себя, эти деньги все равно попадут в карман владельца имения, они просто опишут небольшой круг — только и всего. И придумав себе тем самым оправдание, Кости решил в тот же день побывать на мельнице, тем более что надо и муки для скота намолоть. На мельницу он поедет после обеда, а сейчас, позавтракав, переговорит с парнями Кару.

Парни сразу явились, как только хозяйка послала за ними мальчика. Хозяин, потолковав с ними о том о сем, о житье-бытье в здешних краях и в Вирумаа, повел разговор о деле. Парни с интересом слушали, какие у хозяина планы. Тот не стал вдаваться в подробности, сказал лишь, что постройки на хуторе того и гляди завалятся, а иные уже и завалились. Что перво-наперво надо строить новый хлев. Кроме того, за лето, если хватит времени, следовало бы подправить жилой дом, иначе зимой в нем, топи не топи, все равно можно замерзнуть.

На столе появилась бутылка, и за стаканом водки стороны обо всем договорились. При этом Сассь Кару, младший сын, настоящий медведь^[2] по силе и ухваткам, заявил, что он хочет быть свободным человеком, а не батраком, которым всякий волен помыкать. Но работать у Кости он согласен: надо камни дробить, будет дробить, если, конечно, хозяин назначит подходящую цену. Работать будет только на хозяйской лошади, так как своей у него нет. Руут сказал, что может наняться к хозяину и в батраки, если они сойдутся в цене и если его обещают хорошо кормить. Кости заявил, что ему подходят оба предложения, пусть Сассь нанимается к нему поденщиком, на сдельную работу, а Руут — постоянным батраком, на весь год или на лето, как сам захочет, работы хватит и на круглый год.

Хозяйка, которая топталась тут же, занимаясь своими делами, подошла поближе, послушала разговор мужчин и закивала головой, мол, она со всем согласна. Что касается еды, то хотя они люди небогатые — все накопления пошли на покупку хутора, — но она считает, что рабочий человек должен хорошо питаться. Кормить их как следует — это не только ее долг как христианки, это и в ее интересах, потому что, кто сыт, тот и работает хорошо.

На том они и порешили. Сассь выторговал себе рубль в день и чтобы кормили три раза. Рууту назначили двадцать рублей в месяц, а также питание и постель. Пока дом хозяина не отремонтируют, Руут согласился ночевать дома. Сассь должен был приступить к работе завтра, Руут же попросил несколько дней отсрочки, чтобы уладить свои дела на старом месте.

Кости повел Сасся на каменоломню, определил с ним места выемки камня и обсудил внешний вид постройки, ее размер. Хозяин сказал, что хочет посоветоваться со знакомым техником, попросить его сделать чертеж, тогда, мол, легче будет строить. Но Сассь в ответ только пренебрежительно усмехнулся — он, дескать, за свою жизнь этих хлебов не счесть сколько выстроил, нет тут никакой премудрости. «А эти грамотеи только делу мешают, от них одни неприятности».

В конце концов было решено, что под одной крышей будут и коровник, и конюшня, где-нибудь надо дать место и свиньям. Не придется строить лишних капитальных стен, да и ухаживать за скотиной будет легче.

Деловой, сообразительный Сассь понравился хозяину.

Все шло по намеченному плану. После обеда Кости запряг коня в дровни, и тот затрусил через луг по уже проложенной колее к мельнице. Возле нее стояло всего лишь несколько повозок помольщиков. Хозяину хутора Соо пришлось бы ждать своей очереди недолго, но он все же направился в дом. Мельничиха тут же поставила на плиту кофейник и, потчuya зятя свежим кофе, принялась расспрашивать его, как устроились на новом месте, когда переберутся совсем и вообще, что у них там нового. Кости охотно отвечал на вопросы свояченицы, делился замыслами о том, как он намерен развивать дальше свое хозяйство. Потом подошел к главному: стал спрашивать, где можно раздобыть кормов, нельзя ли купить у мызных батраков или еще у кого-нибудь по дешевке кормовой муки.

Мельничиха, оглянувшись по сторонам, предупредила зятя, чтобы он был осторожнее и лишнего не болтал. Вообще-то, добавила она, дело можно уладить: мызный писарь здесь царь и бог, осенью принимает зерно и записывает, сколько поступило, а потом в течение года сам ведет учет, ему ничего не стоит пустить часть зерна на сторону. Мельничиха пообещала потолковать с писарем. Но от мельника лучше все скрыть, его в такие дела впутывать не следует, он их не одобряет, да и ни к чему это.

Договорились, что Кости приедет утром пораньше и сам рассчитается с писарем. Мельничиха надеялась, что зять отблагодарит и ее: в доме многого не хватает. С трудом купили висячую лампу. Раньше они обычно сидели вечерами зимой при коптилке. А теперь в комнате стало куда веселее, и сам мельник по вечерам с удовольствием читает...

Я хорошо помню, как мы, дети, радовались этой покупке. Отец любил читать, состоял в просветительном обществе, а когда был помоложе, даже пел в хоре и как-то ездил в Финляндию. Жили они с матерью дружно. Он не пил, не курил. Но на всякие

уговоры о покупках шел с трудом. Мама же хотела жить «как люди».

Она мечтала купить мебель, особенно буфет, уже и место для него определила — тогда и посуда будет под руками, и комната сразу сделается уютнее. Кости вполне с нею согласился: и не хуже они других, а мыза не обеднеет, всю жизнь за счет народа живет, нечего печься о ее добре.

— Да, — сказала Лийна, — даже мой мельник говорит, что надо у помещика отобрать землю, нельзя, чтобы у одного человека было так много земли, а другому даже могилу вырыть негде. И ведь так не только в наших местах. Везде вся лучшая земля у помещиков, а крестьянам достается лишь самая каменистая и заболоченная. Годами они маются с нею. Вот и у нас долги растут. Деньги приходится по копейке собирать, и прежде, чем их отдашь, каждую по десять раз в руках перевернешь...

Когда Кости вернулся на мельницу, его очередь уже прошла, зерно было размолото, мука ссыпана в мешок. Он подогнал лошадь к ворогам, взвалил мешки на дровни и покатыл к своему хутору. Воз был не тяжелый, и путь до дому как для коня, так и для хозяина прошел незаметно. Настроены оба были весьма благодушно. Хозяин негромко посвистывал, а лошадь легко трусила без понукания.

Неподалеку от хутора три мальчугана выбежали отцу навстречу, таща за собой салазки. Они привязали их к дровням и уселись сами, чтобы прокатиться. Отец, глядя на ребят, посмеивался и старался править так, чтобы салазки натывались на сугроб и опрокидывались, при этом кто-нибудь под смех остальных падал, но тут же выбирался из сугроба и с криком и шумом догонял лошадь, бросался животом на салазки, чтобы все-таки успеть прокатиться немного, прежде чем дровни подъедут к дому. Так веселой гурьбой все ввалились во двор.

Сегодняшним днем Кости был доволен. Постройка нового хлева началась. Сассь Кару уже закончил все подготовительные работы и завтра с утра должен взяться за выемку плитняка на каменоломне.

Через несколько дней Кости решил, что надо съездить в город, узнать, каковы там цены на продукты, и вообще познакомиться с городскими порядками. Поехать согласилась хозяйка. Налили в бидоны свежего молока, сбили несколько фунтов масла, сняли с гвоздя копченый окорок — его тоже решили продать. С собой она взяла младшего сына, чтобы было кому присмотреть за лошадью, когда сама она отлучится по

своим торговым делам.

Поездка прошла удачно. Товар продали выгодно: окорок у нее купили в мясной лавке. Правда, здесь ей пришлось поторговаться, так как мясник вначале предложил ей совсем гроши. Но в конце концов все-таки вышло значительно дороже, чем сырое мясо, да и розничная цена на ветчину была не намного выше той, что она запросила у мясника. Разделавшись со своим товаром, они рано вернулись домой, убедившись, что ездить туда не такое уж хлопотное дело. Одно тревожило хозяйку — на рынке она видела много пьяных, а это было опасным соблазном для ее Кости, из-за вина могли пойти прахом все их благие намерения. Ну, да там видно будет. Нет нужды непременно самого Кости на рынок посылать. Если дела пойдут хорошо, можно будет нанять в дом работницу, тогда хозяйка сама станет на рынок ездить, а та займется домашними делами.

Когда они с мужем подсчитали выручку, то пришли к выводу, что полученных денег хватит на расходы, связанные с постройкой хлева, да кое-что еще останется. Правда, едоков прибавилось, к тому же все это были молодцы хоть куда. Хозяйка порой озабоченно поглядывала на миски с кашей и особенно с мясом, которые быстро пустели, однако сказать ничего не решалась — этак можно с самого начала испортить отношения с новыми работниками. Хутору нужно создать добрую славу, чтобы впоследствии легче было находить работников.

Расчет этот был верен. Очень скоро в округе распространился слух, что на хуторе Соо работы много, трудятся там все, как лошади, но платят хозяева прилично и, главное, кормят сытно. Только Сассь Кару был иного мнения. Он считал, что хоть здесь и кормят досыта, но с работника семь шкур дерут, во всяком случае, шкур дерут куда больше, чем позволяет кормежка. Лээна Кару набросилась на сына: дескать, в кои веки получил твердую работу и возможность жить по-человечески, к тому же и делу тебя учат, а ты все недоволен...

Мельничиха сдержала свое слово и поговорила с писарем. Писарь частенько проходил мимо их дома, и увидеть его не составляло труда. Вот и сегодня он шел как раз в тот момент, когда хозяйка направилась из хлева с бидонами на кухню. Писарь завел разговор о хорошей погоде, упомянул как бы невзначай, что отправил на мельницу зерно, которое обещал хозяину Терра из деревни Мягеде, тот заедет за ним через день.

Мельничиха решила, что теперь самое время сказать писарю о просьбе хозяина хутора Соо. Писарь для виду поломался: кормовая мука самой мызе нужна, винокуренный завод стоит, барды для скота нет, вот и требуется больше кормовой муки.

Лийна поинтересовалась, почему завод так рано остановили, ведь он только недавно начал работать.

— Ну да, начал недавно, да картофеля мало и зерна не хватает, — ответил писарь. — Вывесили объявления, что мыза скупает картофель для перегонки на спирт. У крестьян урожай картофеля неплохой, поэтому можно ожидать, что с нового года винокуренный завод опять заработает, и тогда, конечно, будет барда, муки потребуется меньше.

Поговорили и о том, сколько писарь просит за свой товар, и Лийна пообещала передать цену Кости. На вопрос, сколько тому нужно муки, Лийна отвечала, что точно сказать не может, но знает, что мука будет нужна постоянно. Писарь дал согласие. Когда они обо всем договорились, он пошел своей дорогой, хозяйка же решила сходить на хутор Соо к сестре. Накинув полушубок, она зашагала в сторону хутора.

Учитель Яян Лейман и другие

В доме у учителя. — Школа или гимназия? — В наш дом приезжает дедушка. — Путешествие по мельнице. — О чем спорили Сассь и хозяин.

Дорога вела мимо дома, где жил учитель. Крыша посередине провалилась и держалась только по краям. Лийна бывала в этом доме, когда провожала детей. Выглядел он убого. В одной комнате занимались дети, отсюда дверь вела прямо в комнату, где жил учитель. Рядом была кухня, большая, полутемная, с большой печью, на которой грели воду и корм для скота (учитель держал свою лошадь, корову и телку). Тут же был умывальник для учеников.

Лийна смахнула снег с ботинок и вошла. Учителя она застала дома. Это был крупный, сильный человек, в самой поре — лет тридцати с небольшим. Будучи холостяком, он привык к несколько беспорядочному образу жизни, что сказывалось и на его внешности. Летом и зимой ходил с расстегнутым воротом.

С мельником и мельничихой у Леймана были хорошие отношения, он нередко заглядывал к ним. Его приветливо встречали, угощали кофе. Хозяйке это было особенно по душе, так как она хотела, чтобы ее сыновья после учебы у Леймана попали в городскую школу, а затем и в гимназию. Муж был против гимназии. Я помню эти споры. Отец уверял, что из гимназии выходят одни конокрады, а он у себя в доме таких не потерпит и сыновьям не разрешит в гимназии учиться. Все равно дать детям полное образование у него средств не хватит. Но мать мечтала видеть нас гимназистами и искала поддержку у учителя.

Вот и теперь они заговорили о том же. Занятия в школах уже начались, и надо позаботиться, чтобы будущей осенью оба старших мальчика поступили в школу. Учитель объяснил, что в гимназии обучение ведется на русском языке и, чтобы попасть в подготовительный класс, мальчики должны хоть немного говорить по-русски. Кроме того, им нужно привыкать к городской жизни, а поэтому следует заранее подумать и о квартире. Он обещал разузнать в городе, нельзя ли в какой-нибудь частной школе поучиться год или полгода русскому языку. За обучение надо было платить. В частных школах плата довольно высокая, но попасть туда легче.

Так они решили в тот вечер, сидя в полуразвалившейся школе при свете тусклой лампы. Мельничиха была очень тронута,

что учитель так участливо относится к ее детям. Он вызвался немного проводить ее, хотя она и запротестовала: дескать, далеко ли тут, да и люди увидят, станут судачить, мол, что это у них за дела. Но учитель сказал, что и ему не вредно немного пройтись, подышать свежим воздухом, тем более что все равно полдня ничего путного не делал и из дому не выходил, а этак немудрено и быстро состариться.

— Уж вы-то не скоро состаритесь, такой богатырь, — заметила Лийна. Так с шутками они и дошли до хутора.

Учитель жил вместе с матерью. Она уже была старая и все больше лежала на кровати и растирала мазями сведенную ревматизмом ногу. С ними жила и сестра с ребенком, помогала в хозяйстве, ходила за скотиной и выполняла прочие домашние работы. Был у учителя еще брат, студент. Жил он в Петербурге и приезжал на хутор только летом. Будучи одиноким, учитель живо интересовался всеми делами хуторян. Появление новых хозяев было в их однообразной жизни большим событием.

Учителю не терпелось узнать, что это за люди, интересно ли будет поддерживать с ними знакомство. Не мешкая, он зашел к ним познакомиться. И надо сказать, что семья Кости произвела на учителя довольно благоприятное впечатление. Они разговорились с хозяином. Кости утверждал, что земледелец — основа всей жизни. Ведь крестьянин пашет, сеет, собирает урожай, дает людям хлеб, молоко и мясо. Нет крестьянина — нет и государства. Учитель пытался было возразить, говоря, что крестьянин работает не голыми руками, ему требуются орудия и все другое, а это все ему дает город. Нельзя сбрасывать со счетов и образованных людей. Ведь кто получил образование, тот больше знает и умеет. Хозяин этого не оспаривал.

— Так-то оно так, но, если взять хотя бы газеты, скажем «Постимээс»,^[3] уж очень много они толкуют про общие интересы, — заметил Кости. — А что, скажем, у меня общего хотя бы с теми же голодранцами из соседнего поселка, у них нет ни поля, ни усадьбы, они и не работают по-настоящему. Нет, нам, крестьянам, нужна газета, которая защищала бы наши интересы. Ведь у крестьянина свои заботы: как управиться с работами, как собрать средства для выкупа хутора, расплатиться с долгом помещику, и обо всем ему приходится думать одному, а надо бы, чтоб ему помогало государство, хотя бы ссудой.

— Ведь и ему выгодно иметь хорошо развитое сельское хозяйство, — озабоченно рассуждал Кости.

Затем разговор перешел на слухи о войне. Хозяин старался побольше выведать про это у учителя, человека образованного,

читающего газеты. Но учитель отвечал сдержанно, сказал только, что о Балканской войне газеты не пишут, а если про то болтают люди, так не всему следует верить.

Понравились Лейману сыновья Кости. Старшему по возрасту следовало бы уже учиться в средних классах гимназии, и хозяйка просила учителя, чтобы тот устроил мальчика в городскую школу, хотя бы в частную, где он мог бы пройти ускоренный курс начальных классов. Мальчик очень хотел учиться и поэтому с волнением прислушивался к разговору взрослых...

В конце года Кости в последний раз съездил на старое место, забрал родителей жены и все их пожитки.

Как условились, старикам пришлось жить врозь. Бабушка осталась со старшей дочерью в Соо, а дед поселился у нас, в доме при мельнице. Ему отвели большую комнату, которая почти не отапливалась. Другого места не было. Отец холода не переносил, так как страдал от ревматизма, и спал возле самой печки.

Дедушка был человеком веселого нрава. Он легко загорался, настроение у него менялось часто, и в этом отношении у них было много общего с матерью. Между ними быстро вспыхивали ссоры и споры, которые так же быстро прекращались и забывались.

Дед окончил в свое время Валгаскую учительскую семинарию и, когда бывал в хорошем настроении, рассказывал веселые истории из жизни семинаристов, вспоминал их проделки, а также довольно пикантные истории о семинарских учителях. В молодости он обморозил ноги, и несколько пальцев у него было ампутировано. Это мешало ему ходить, и он постоянно жаловался, что уцелевшие пальцы очень чувствительны к холоду, не выносил тесной обуви. Старик был страстным курильщиком, трубка вечно торчала у него в зубах, и, если кончался табак, дед готов был в любую непогоду идти за ним за две версты в лавку. И любопытно, что при этом он не ворчал, хотя обычно не любил далеко ходить.

Мы сразу привязались к деду и с удовольствием поверяли ему все наши тайны. Особенно он интересовался рекой, глубока ли она, высок ли уровень воды весной, летом и зимой. Есть ли в реке рыба. Ну, здесь мы могли рассказать ему много! Все мы — и старший брат Руут, и я, и Бенно — знали о реке все. Мы целыми днями пропадали на ней. Могли точно сказать, где у нее места глубокие, где мелкие, когда весной вода начинает прибывать, когда к лету высыхает и как на зиму копят воду для мельницы.

Затем пошли показывать деду мельницу. Была она плохонькая, но все-таки имела три пары жерновов, в том числе крупорушку и приспособление для сеяния муки. Обычно она

бывала загружена только с осени до нового года. В это время отец работал здесь от темна до темна. В большом количестве приходилось молоть зерно для мызы. Как уже упоминалось, делалось это бесплатно. Помещик пропускал через мельницу все кормовое зерно. Кроме того, в течение года подвозились еще подсолнечные жмыхи, немного уже измелченные, их тоже пропускали через мельничную воронку, и они шли на корм скоту. Бесплатно размалывалось зерно, шедшее на оплату мызным рабочим и служащим.

В имении существовало два вида оплаты труда: частично труд работников оплачивался натурой, они получали зерно для выпечки хлеба и кормовое зерно для скота, причем норма натуральной оплаты колебалась в зависимости от специальности работника. У мызных мастеров — у кузнеца, плотника и других — нормы были выше, чем у простых рабочих. К тому же всем отводился клочок земли под картофель, каждый должен был обрабатывать его сам на мызных лошадях в свободное время — либо в воскресенье, либо после окончания рабочего дня.

Была еще и денежная оплата, правда небольшая, — рублей пятьдесят — шестьдесят в год. Работники держали одну-две свиньи на мясо. Молоко — один-два штофа — женщины получали на мызном скотном дворе за дойку. Бедный люд довольствовался и этим. У кулака батрачить было несравненно тяжелее. Рабочий день батрака там был не ограничен временем. Хозяева будили батраков и работниц по своему усмотрению, как того требовали полевые работы. Мызные рабочие все это знали и старались держаться за свои места. К тому же управляющий, заинтересованный в хороших рабочих, старался подчеркнуть к ним свое расположение. Существовал даже обычай преподносить старому, почтенному работнику к его юбилею от мызы подарок (конечно, недорогой), который тот берег как память и лишь в редких случаях выносил и показывал гостям. Мыза предоставляла своим рабочим жилье обычно в самом имении. Служащие имели небольшие отдельные домики на одну или две-три семьи, в пристройке содержался скот, хранилось топливо и т. д.

На винокуренном заводе работали обычно в течение года. Винокур и его помощник входили уже в верхушку служащих. Им платили жалованье, даже если завод стоял.

Мыза старалась свести эти простои до минимума. Закупала картофель у крестьян. Те охотно продавали его, так как хранить его зимой было опасно: картофель мог замерзнуть.

Таким образом винокуренный завод приносил выгоду помещику, который продавал и сырец, и барду. За счет барды

обогащался и мызный писарь, утаивая зерно и реализуя его в своих интересах. Теперь у него появился еще новый клиент в лице хозяина хутора Соо.

Для Кости сделка не таила в себе вообще никакой опасности, ведь он нигде не оставил своей подписи. Он только подсчитывал, сколько получит благодаря этому дополнительно мяса и масла. Дела его шли на лад.

Вскоре учитель Лейман зашел к ним и сообщил, что ему удалось договориться в городе о том, что их старшего сына примут прямо в гимназию. Один из учителей согласен взять его к себе на полный пансион при условии, если хозяин будет платить ему натурой — маслом, мясом, яйцами. Кости был вполне доволен условиями.

— Если мы в состоянии выращивать и кормить скот, то можем оплатить и учебу детей, — важно заметил учителю хозяин хутора.

Договорились, что в гимназию мальчик поедет зимой, а до этого с ним позанимается учитель Лейман.

Жизнь на хуторе постепенно входила в колею. Работа спорилась, ведь хозяин сам был еще в полной силе, да и жена помогала, сколько могла. Даже постороннему глазу были видны перемены: парни Кару пришлись хозяину по душе. Сассь воистину обладал огромной силой, и хозяин не мог нарадоваться, глядя, как тот ловко выламывал плитняк и вместе с Руутом перевозил к месту постройки хлева. Единственной заботой, все больше и больше донимавшей хозяина, была покупка новой лошади — Гнедой что-то сильно стал сдавать и вряд ли долго протянет. Правда, на первых порах можно попросить лошадь у мельника — та все равно стояла на конюшне без дела. Кости уже намекал свояченице на это, и она пообещала поговорить с мужем. Тот согласился одолжить лошадь, и на двух повозках братья Кару навезли столько плитняка, что должно было хватить не только на хлев. Раздобыли также известь, цемент, дело было лишь за лесоматериалами. В роще спилили деревья, ободрали кору, разрезали бревна пополам для стропил и распилили на доски. Пока все это делалось, хозяин ломал голову, где найти людей для рытья бурового колодца, где раздобыть для него трубы и насос.

— Да, без помощи не обойтись, — не раз говорил он себе. Правда, у него был родственник — фабричный рабочий, но он потерял с ним связь. Тот как раз работал по водопроводной части, слесарем, он бы и насос помог раздобыть. Пусть не новый, лишь бы был пригодный. А может, и бракованные трубы найдутся где-нибудь на фабрике, для хлева и такие подойдут. Так размышлял Кости. Он неоднократно ездил в город, разыскивая родственника

и добился своего. Бутылка водки и масло сделали свое дело, и тот согласился помочь. Нашел насос, раздобыл трубы. Долго торговался с бурильщиками. Они поначалу заломили баснословную плату. Кости и тут схитрил: дождался, когда у них кончилась работа, а другой никто не предлагал, и снова за свое. Теперь мастера стали сговорчивее.

Много хлопот было с изиестью: ее нужно гасить в земле по крайней мере полгода-год, только тогда она превратится в вяжущее средство самого высокого качества. Сассь торопил, говорил, что после такого срока выгребать из ямы изиестъ — сущая пытка. Но хозяин про это и слышать не хотел.

Стычки между ними участились. Хозяин видел, что работает Сассь хорошо, но уж больно строптив, не терпит никаких замечаний. Однако хозяина это мало беспокоило. Не успевал Сассь разделаться с одной работой, как он подбрасывал ему другую. И когда основные дела подходили к концу, Кости решил при удобном случае «вправить Сассю мозги». Но случай пока не подворачивался. Тем временем Кости получил возможность убедиться, что не один Сассь не доволен хозяевами хутора Соо. Когда хозяйка стала приглашать себе в помощь работницу, то одна девушка из поселка прямо сказала, что в хутор Соо не стоит наниматься: «Там из тебя всю душу вытряхнут непосильной работой». Эти слова вывели хозяйку из себя.

— Мы и сами целыми днями работаем, — ответила она, — почему же ты не можешь?

Девушка в ответ рассмеялась. Хозяйка, передав мужу этот разговор, высказала мнение, что подобные слухи, очевидно, распространяет Сассь Кару, ей и раньше приходилось слышать, что Сассь очень зло отзывается о порядках в Соо.

Хлев был построен. И теперь можно было позаботиться о том, чтобы увеличить свое стадо. Надежда на то, чтобы поживиться чем-то у мельника, рухнула. Правда, Лийна согласилась продать телку, а со свиньями ничего не получилось. Лийна самым решительным образом отказалась дать хоть одну свинью. Они сами заинтересованы в дополнительном доходе — помещику надо платить за аренду, и 250 рублей в год сумма немалая, а много ли мельница дает? К тому же с Тынисом ни о чем не договориться. Везде на мельницах перешли на денежную оплату за размол, причем, берут по рыночной цене зерна, Тынис же придерживается старинки, берет за помол зерном и перепродает его окрестным безземельным по твердой цене.

— Этак немудрено и в трубу вылететь, — сетовала Лийна.

И хозяин Соо, слушая ее, понимающе кивал головой. Он тоже

считал Тыниса сердобольным чудаком. Лийна иногда украдкой от мужа брала осьмину за размол мызного кормового зерна. Да и греха особого она в том не видела: помещик-то выжимал из мельницы все, что мог, — и высокую арендную плату, и бесплатный размол, И поэтому когда хозяйка откармливала свиней на мясо, которое она продавала в городе на рынке, то это было заметным подспорьем в семье.

В годы первой мировой войны

Тревожные слухи. — Мыза готовится к войне. — В первые дни войны. — У отца забирают лошадь. — Я становлюсь мызным работником. — Споры на мельнице.

Вести о далекой Балканской войне доходили и до наших хуторов. Крестьяне с тоской думали, что их могут призвать в армию. Эта тема горячо обсуждалась и среди мызных служащих. Управляющий толковал с писарем о том, что если война и впрямь разразится, то мыза окажется в весьма затруднительном положении — у нее могут отобрать лошадей, а как без лошадей поле обрабатывать? Писарь, вернувшись из города, рассказывал, что в порту идет большое строительство — возводят новые судостроительные заводы и укрепления, со всей России согнаны туда тысячи и тысячи людей. От знакомых он слышал, что французский президент побывал в Петербурге, в гостях у царя, и они договорились, что Франция и Россия вместе выступят против немцев. Потому и начато такое строительство. Управляющий сетовал на то, что безземельные и батраки уходят в город, где спрос на рабочих растет и заработки намного выше, чем в деревне.

Слухи о войне обсуждались и на мельнице. Вообще мельница, как корчма и церковь, была в то время в деревне обычным местом сборищ, но если в церкви и в корчме время проводили, так сказать, впустую, то на мельницу приезжали по делу, здесь обычно собирались сами хозяева. Поэтому именно на мельнице обсуждались важнейшие события, часто возникали споры о государственных делах. Хозяева побогаче утверждали, что Россия необъятно велика и если к ней присоединится еще Франция, то она, несомненно, победит, а от этого будет польза и эстонцам. Те, кто победнее, спорили с ними, в том числе и мельник Тынис.

— Никогда еще от войны не было пользы трудовому человеку, не будет ее и теперь, — говорил отец. — Только нужду и горе принесет она и больше ничего. И зачем царю воевать-то, мало ему земли, что ли? Земли у него довольно — выращивай хлеб, строй заводы и живи в мире. Что ему приспичило людей на бойню гнать? Все это выдумки помещиков и банкиров!

— Без войны забот не оберешься, — вторили отцу бедняки. — Помещик нажимает, долги за землю растут, за все надо платить, заработки низкие, зерно, молоко, яйца отдавай задаром.

Говорили о войне и у нас дома. Правда, война еще далеко от нас, на Балканах, но долго ли ей сюда докатиться. Родители решили, пока цены еще не подскочили, купить про запас бочку керосина, смазочного масла, чтобы мельница могла работать, а также кое-что из провизии, в первую очередь соль и сахар. А большую свинью, которую предполагали скоро зарезать, не продавать целиком, окорока закоптить, тогда их можно держать в ржаном заквасе сколько угодно. Призыва в армию отец не боялся, лет ему было немало, да и здоровье неважное. Врачи говорили, что тяжелый бронхит проник у него глубоко в легкие, а нездоровые условия работы на пыльной мельнице только ухудшают его состояние. Надо побольше быть на свежем воздухе. Но врачу легко советовать. А кто же будет кормить семью?

Мызный управляющий тоже по-своему готовился к войне. Он правильно рассудил, что с началом войны рабочих коней заберут для армии, а потому необходимо уже сейчас приобрести таких, которые для военных нужд не годятся. Скоро в мызном хозяйстве появились маленькие сааремааские лошади. Это были славные рабочие кони, но из-за своего роста они не подходили для упряжки в пароконные мызные телеги, рассчитанные для нормальных лошадей. Так мыза подстраховалась на случай войны, продолжая держать и прежних лошадей, используя их на самых тяжелых работах.

Больше всего боялся войны хозяин хутора Соо Кости. По возрасту его могли призвать в армию. Правда, у него когда-то была оперирована нога, и в плохую погоду она давала себя чувствовать довольно сильно. Да разве этим отделаешься от армии! Кости решил принять меры, посоветоваться с докторами, «подмазать» тех, кто решает дело. Только бы уцелеть, рассуждал он.

Что же касается хозяйства, то здесь бы он как раз во время войны и развернулся.

Время шло, а разговоры о войне не утихали. Находились все новые знатоки, которые доказывали, что война неизбежна, ссылаясь при этом на мнение каких-то высоких начальников и собственные умозаключения. Так, в один прекрасный день на мельницу явился старый друг отца. Когда-то давно он уехал в город учиться ремеслу, выучился на портного и со временем сделался самостоятельным мастером. Теперь он уже сам имел подмастерьев, причем заказчиками у него были известные купцы, предприниматели и всякие дельцы. Он приехал молотить зерно на собственном жеребце. На правах старого приятеля он вошел в дом мельника и, широко жестикулируя, принялся подробно объяснять

хозяевам, почему передовые люди Эстонии должны поддержать войну, если она грянет.

— Мы семьсот лет терпели иго немецких баронов, — ораторствовал портной, — теперь Российская империя, разбив германцев, ограничит их права и расширит права эстонцев. В городской думе уже идет борьба между немецкой стороной (то есть представителями немецких баронов — дворян, в чьих руках находилась большая часть земли и крупные промышленные капиталы. — *Ред.*) и русской и эстонской (это представители третьего сословия — купцов, домохозяев, мелких предпринимателей и т. д. — *Ред.*). Объединившись, мы выгоним прибалтийских немцев.

Отец не очень спорил с приятелем, только заметил, что раз царь и его двор хотят войны, так пусть они и воюют. Зачем же простой народ на бойню гнать.

Через несколько дней на мельницу пришла «бумага» — отца обязали привести в город на мобилизационный пункт свою лошадь, захватив для нее и корм. Помрачнев, мельнич отправился в город. Вернулся он с купленной по объявлению старой лошастью. И то было хорошо: ее хоть можно было в телегу запрячь и кое-какие грузы перевозить. Забрали лошадей и на хуторах. А затем появился приказ о призыве нескольких возрастов мужчин. Это был настоящий удар по помещичьим и крестьянским хозяйствам — ведь на мужчинах держалось все.

Управляющий лихорадочно набирал новую рабочую силу. В это время нанялись на мызу и мы с братьями. К крестьянскому труду мы были приучены. Из-за нехватки рабочих рук полевые работы в мызном хозяйстве выполнялись с большим запозданием и не так тщательно, как прежде. Винокурение сократилось. Удои молока понизились, меньше стало хороших кормов, подсолнечные жмыхи не подвозились, да и барды уже не было в прежнем изобилии. Правда, управляющий именем всячески пытался сохранить винокурение на прежнем уровне, это было для него важно со всех точек зрения.

Война подходила все ближе к нашим хуторам. Начали распространяться слухи, будто враг одерживает победы. Вскоре недалеко от нас началось строительство оборонительных укреплений — рвов, площадок для орудий.

Какие-то незнакомые люди что-то измеряли, указывали, где следует рыть канавы. Крестьян заставляли обкладывать их изнутри мешками с песком, а чтобы края не осыпались, покрывали их дерном. Площадки для орудий маскировались

земляными валами, устилали их дерном, высаживали на валы молодые деревца. Возле орудий строили из бревен блиндажи, засыпали их толстым слоем земли, обкладывали дерном снаружи и изнутри. В блиндажах размещался орудийный расчет.

Командовали работами военные в офицерских мундирах. Однажды отряд человек в двадцать приехал и к мельнику. Привязав лошадей к забору, офицеры вошли в дом и велели подать себе есть; я хорошо помню, как это было. У нас в доме стояла фисгармония, один из офицеров попробовал играть, но у него ничего не получилось. Тогда наш Руут, которого дедушка обучил нотам, сел за инструмент и начал играть. Офицеры громко его хвалили и, когда он кончил играть, дали ему денег. Мы, мальчики, расхрабрились и, хоть плохо знали русский, начали говорить с военными, чем привели в восторг наших родителей, особенно мать. «Вон, мол, какие у меня сыновья, могут вести разговоры на чужом языке», — было написано на ее сияющем лице.

Офицеры спросили, между прочим, есть ли в имении свободные помещения, где можно, если понадобится, разместить людей. Об этом мы ничего не знали. Мама посоветовала им обратиться к мызному управляющему. И вскоре действительно такое помещение потребовалось. В имение прибыли беженцы из Литвы. Поселили их в имении Соо. Мужчин использовали на строительстве укреплений. Жили беженцы обособленно, с мызными рабочими почти не общались.

Уже в конце первого года войны стали появляться и военнопленные — австрийцы. Их разместили в большом, из дикого камня сарае, посреди поля. Там жило несколько сот человек. Они тоже работали на постройке оборонительных укреплений.

На работу пленных водили большими партиями под конвоем, и это для обитателей мызы, равно как и окрестных усадеб, было настоящим зрелищем. В часы, когда пленные шли на работу или возвращались с нее, около мельницы, у моста, по краям дороги всегда собирались группы людей. Пленным, а заодно и конвоирам протягивали папиросы и табак. Если не дать конвоирам, то и пленным ничего бы не перепало. Австрийцы в ответ дарили свинцовые колечки, мундштуки или какие-нибудь другие пустячки, сделанные своими руками. Особенно благодарны они были за табак. Нехватка курева сильно ощущалась тогда и в армии, и среди гражданского населения. В магазинах табак можно было получить главным образом из-под прилавка, по знакомству.

Отношение к пленным было, как ни странно, доброжелательное. Сердобольные женщины считали своим христианским долгом помогать им. А мужчины смотрели на них как на свидетельство мощи русских войск.

Надо сказать, что в продолжавшихся на мельнице спорах сторонники войны козыряли пленными, говорили, что только царские войска могли захватить такое большое количество чужих солдат.

Другая спорящая сторона выдвигала свой «козырь» — беженцев. «Если бы русская армия не отступала, не было бы и беженцев, — говорили они. — Видимо, у царя дела идут плохо».

Вскоре на хутор Соо прибыла новая воинская часть. Это был какой-то продовольственный обоз. Солдаты заняли все свободные помещения, даже и мельничный сарай, сложенный из гранитных глыб (он служил и хлевом, и для хранения сена и торфа). Отец было возражал, что сарай и так забит, но никто с ним не посчитался. Теперь в сарае стояли лошади военных.

В нашем доме, разделив комнату перегородкой, поселился начальник участка строительства укреплений, или десятник, по фамилии Осипов. Маленького роста, с бородой, родом из какой-то центральной губернии, этот человек, хотя и не знал ни слова по-эстонски, вскоре благодаря своему общительному нраву стал известен всей округе. О нем говорили, что он из тех, кто полагает, что казенные деньги вполне годятся и для его кармана. Теперь крестьяне, старавшиеся увильнуть от призыва в армию, являлись на постройку укреплений с лошадьми и работали какое-то время, во всяком случае не полный день. В получку они только расписывались в ведомости — деньги же шли в карман Осипова. Делалось это легко, ибо начальник одновременно был и табельщиком — отмечал выход людей на работу и вел учет работ. Оплачивался труд на строительстве укреплений повременно: кто был с лошадью, получал четыре рубля в день, безлошадные — два рубля.

Тёмное царство

*Как обогащался Кости. — Кто ворует зерно в амбаре? —
Братоубийство. — Суд «законный» и суд народа. —
Самогоноварение и интеллигенция. — Как Кости спасался от
призыва.*

Хозяин хутора Соо скоро обнаружил, что получать кормовое зерно и кормовую муку из мызы становится все труднее. Но унывал он недолго. Размещенные в имении солдаты охотно меняли хлеб на табак. Обычно солдаты приносили хлеб в наш: дом. Мы покупали у них буханки, и Кости относил их на хутор Соо, где скармливал хлеб скоту. Кроме того, Кости вскоре свел знакомство с начальством продовольственного обоза. Несколько пачек папирос да бутылка спирта помогли ему успешно разрешить еще кое-какие важные хозяйственные проблемы. Навоз от армейских лошадей, находившихся в имении, конечно, должен был вывозиться на мызные поля, но после сговора хозяина хутора с начальством телеги с навозом сворачивали к землям Кости. В течение примерно года были удобрены почти все поля. И все это за гроши. За чарку водки солдаты перевозили навоз. И мызный управляющий ничего не мог сделать с ними, хотя и грозил выгнать их лошадей из имения. Таким образом, война была на пользу хозяину хутора Соо. Цены на все сильно выросли, особенно на продукты. С долгом он быстро разделался. Все шло, казалось, к тому, что хутор Соо станет настоящим кулацким хозяйством. Менялся на глазах и его хозяин Кости. Он стал самоувереннее, разговаривал свысока. Успехи вскружили ему голову. Разве они не свидетельствуют о его, Кости, предприимчивости и прозорливости?! Ведь он не пошел зарабатывать деньги на строительстве укреплений, не послал туда ни лошадь, ни работника. Он возделывал поля, как и подобает истинному земледельцу, и старался это делать как можно лучше. И в результате хутор украсился новыми постройками, достаток очевиден. И все это — плоды его труда.

Одно беспокоило Кости: на хуторе усилилось воровство. Кости подозревал, чьих рук это дело.

Сассь ушел из усадьбы Соо, грозясь, что он эту живодерню так не оставит, что обязательно сведет с ней счеты. И вот Кости уже однажды заметил утечку зерна из нового амбара. Выстроен он был из бревен и разделен на закрома, в которые зерно ссыпалось по сортам. Кто-то просверлил в бревнах дыры, сквозь

которые зерно тонкой струйкой утекало наружу, в мешки. Хозяин никому о замеченном не сказал, но призадумался. Раскрыть вора помог случай. Однажды субботним вечером Руут Кару, который по-прежнему работал на хуторе батраком и которого хозяева ценили за послушание и покорность, попросил Кости одолжить ему ружье — он собирался побродить по лугам, поохотиться. Кости вдруг осенила мысль, а нельзя ли попросить Руута подстеречь вора. Он ответил, что ружье даст и на охоту позволяет пойти, правда, разрешения у парня нет, но это уж не его забота — там мызная земля и контролеров нет. Но только за это пусть Руут подкараулит вора. Руут, конечно, сразу же согласился, сказал, что ему даже интересно узнать, кто же это может быть. На том разговор тогда и кончился.

А через несколько дней случилось страшное: Сасся Кару застрелили возле его хибарки. Приезжали конные урядники, расследовали дело. Старый Кару и его жена Лээна твердили одно — убийца не кто иной, как их собственный сын Руут. Это он, выслуживаясь перед хозяином хутора Соо, стрелял в собственного брата. Урядники составили протокол и увезли Руута Кару в городскую тюрьму. Через несколько месяцев его освободили. Я помню, как однажды вечером, когда вся наша семья сидела за ужином, неожиданно вошел Руут Кару. Он рассказал, что суд признал его невиновным. И это несмотря на то, что родители по-прежнему обвиняли его в убийстве. Они утверждали, что в тот вечер Сассь, поужинав, вышел во двор, и вскоре раздался выстрел. Сассь, шатаясь, вернулся в дом и явственно произнес:

— Руут выстрелил мне в грудь.

Старики заявили все это в суде под присягой.

— Но суд был справедливый, — хвастался Руут. — Врач-эксперт доказал, что это неправда: в дыхательном горле убитого оставалась пища, так что он не мог говорить, и поэтому показания стариков не отвечают действительности.

Защитник Руута, нанятый хозяином хутора Соо, использовал это, заявив, что налицо ложный донос. Прокурор не смог опровергнуть заключение эксперта и отказался от обвинения против Руута. Таким образом, суд «за отсутствием улик» вынес решение оправдать обвиняемого.

О своих дальнейших планах Руут говорить не стал, да никто ими и не интересовался. Отец спросил только, кто же, по его мнению, все-таки убил Сасся, на что Руут уклончиво ответил, что ничего не знает, что у Сасся было много врагов среди парней, он ведь был охоч до девушек...

А вскоре он снова вернулся на хутор и продолжал батрачить,

как будто ничего не произошло. Но так только казалось. Родители, да и все хуторские отвернулись от Руута. Все понимали, что дело не обошлось без вмешательства хозяина Соо. Это он свел счета с Сассем и подарил суд. Кости все больше богател и совсем заважничал. Бедняков он называл не иначе, как голодранцами и жуликами.

Не меньшую неприязнь вызывал в народе и Руут, который раболепски служил хозяину. Он нигде не мог появиться, с ним никто не заговаривал без того, чтобы не намекнуть на убийство Сасся Кару. В имении появились уже стишки про Руута, а потом нашлись мастера, которые подобрали к ним мелодию, и скоро в народе стали распевать песенку про то, как Каин убил своего брата Авеля, чтобы понравиться хозяину и кое-что получить с него, согласно тайномуговору.

Видимо, это оказалось страшнее «законного» суда. Руут не выдержал и, посоветовавшись с хозяевами, решил, что, пожалуй, лучше будет, если он исчезнет с горизонта. Кости помог ему устроиться у знакомого владельца извозного промысла. Хотя никто ни одним словом не намекнул владельцу хутора Соо, что в уходе Руута чувствуется его рука, но на всех произвела неприятное впечатление его забота о Рууте. Даже спустя некоторое время, приезжая на рынок, хозяйка, как видно, предварительно договорившись с Руутом, встречалась с ним, и Руут возил ее на своей каурой по улицам города, им было что рассказать друг другу, посторонние не могли и не должны были это знать.

Руут расспрашивал, не улеглись ли в деревне разговоры о нем, просил хозяев помочь ему стать самостоятельным извозчиком. Ведь пока он ездит на чужой лошади, у него нет никаких надежд выбиться в люди — выручка у хозяина так рассчитана, что приходится из кожи лезть, лишь бы выработать дневную норму. В иной день, правда, несколько гривенников и остается, зато в другие не дотягиваешь, тогда приходится доплачивать, чтобы каждый день все-таки вручать хозяину сколько требуется. Вообще же это не работа, мерзни на козлах и вози пьяных приказчиков с их девками.

Хозяйка отвечала, что разговоры как будто поутихли, но сейчас помочь ему купить лошадь они не могут, ведь время военное, расходы и без того большие, дети в школе учатся, их тоже надо содержать. Да и хутор требует больших средств. Доходы почти не растут, потому что корма скудные и урожай в прошлом году из-за засухи был неважный, в город возить на продажу почти нечего. А работы сильно прибавилось, она наняла себе в помощь двух работниц и нового батрака — все это требует

дополнительных расходов. Но, учитывая их хорошие взаимоотношения и его многолетнюю преданную работу, хозяйка обещала поговорить с мужем, может быть, им удастся помочь ему достать хотя бы ссуду, чтобы он встал на ноги. Она, конечно, согласна, что работа извозчиком у хозяина не дело, пора ему стать самостоятельным человеком. Так они и договорились. Руут подвез хозяйку к месту, где жили ее мальчики, расстались они очень сердечно.

Оставшись одна, хозяйка горестно вздохнула, словно на сердце у нее лежала какая-то тяжесть, и, желая облегчить свою душу, начала припоминать слова молитвы. Она решила пожертвовать некую сумму для пострадавших от войны, чтобы загладить таким образом свои грехи...

Не успела забыться история с братьями Кару, как новое происшествие наделало много шума в имении Соо и во всем округе. Как-то прискакали конные урядники и, перерыв в доме учителя все вверх дном, обнаружили подпольную винокурню. Был составлен протокол, арестован находившийся в доме чужой человек, в протокол попала и сестра учителя Леймана — Мария.

Как потом выяснилось, дело раскрылось следующим образом. На Нарвском шоссе, в нескольких верстах от города, утром, как обычно, сгрудились крестьянские возы, направлявшиеся на рынок. Между возами расхаживали работники молочно-контрольного пункта и брали пробу молока, предназначенного для продажи. Сестра учителя тоже ехала в город. Завидев у контрольного пункта много возов, она направила лошадь в объезд. Контролеры заподозрили неладное — почему это вдруг она решила проскользнуть мимо, — и, хотя на возу не видно было молочных бидонов, они все же остановили лошадь, произвели обыск и обнаружили под соломой бидоны с самогоном.

Полицейский, присутствовавший при этом, вмешался и вместе с вещественным доказательством отправил Марию в участок, а к учителю для обыска выехал отряд. Найдя в доме посторонний оказался владельцем тайной винокурни. Так дело выплыло наружу. Учитель от всего отрекся, предъявил паспорт, по которому он являлся жителем города, прописанным там в собственном доме. Как не причастного к делу его исключили из следствия. Вся эта история всполошила жителей. Особенно возмущало людей то, что самогонварением занимались в доме учителя. Школа не работала, а они гнали самогон!

Все горели нетерпением узнать подробности. Вскоре стало известно: один оставшийся без работы старик винокур,

познакомившись в городе с сестрой учителя, уговорил ее заняться самогонварением. Спрос на самогон был огромный, он умеет его изготавливать — это совсем несложно. Лошадь у нее есть, нужно только сырье и топливо, и можно начинать. Винокур обосновался в их доме и довольно быстро наладил дело.

Правда, добыть зерно и особенно сухие березовые дрова было нелегко, но и с этим справились. Потом в деревне вспоминали, что сам учитель Лейман как-то спрашивал у соседей, не знают ли они, где можно достать сухие березовые дрова. Спрашивал он об этом и у нашей матери.

Когда история раскрылась, отец долго ворчал. Он был недоволен, что в вопросе об учебе сыновей жена опиралась на совет учителя Леймана.

— Эта интеллигенция никогда к добру не приведет, — с раздражением говорил он. — Даже учителя начинают самогон гнать. Вот каковы эти образованные люди с их новейшими взглядами и понятиями — каждый только и старается любым способом разбогатеть и жить на широкую ногу!

Мать всячески защищала учителя.

— Ведь его никто не обвиняет, — отвечала она, — он даже в протоколе не упоминается, это все дело рук чужих людей.

— Каких там чужих, — возражал мельник, — разве чужие люди могут в твоём доме хозяйничать без твоего согласия? Нет! Это штуки самого учителя, да и откуда у него в городе вдруг дома оказались, не на учительское же жалование он их купил?

На это трудно было что-нибудь возразить. Мать сама была в городе на той улице, где учитель купил два двухэтажных дома. Конечно, приобрести их учитель мог только на деньги, вырученные от продажи самогона...

После этого случая авторитет учителя на хуторе заметно упал. Разве только Кости не осуждал его, так как сам считал главным в жизни обогащение.

Сам он было успокоился, решив, что война обошла его дом. Но однажды и ему пришла повестка, повелевающая явиться на мобилизационный пункт. Кости почуял неладное. Любыми путями он решил увильнуть от мобилизации. Сведущие люди посоветовали ему курить чай, что якобы вызывает хрипы в легких, пробовал он и другие средства, к которым прибегали желающие избежать мобилизации. Надо сказать, что многие и впрямь потеряли от них здоровье на всю жизнь, хотя и избежали от военной службы.

На призывном пункте врачебная комиссия поначалу признала Кости годным — и сердце, и легкие оказались у него в порядке.

Но когда Кости показал им шрамы на голени, оставшиеся после операции, врачи заключили, что к военной службе он все-таки непригоден. Может быть, в обоз или еще куда-нибудь сошел бы, но в действующую армию — нет. Так хозяин хутора Соо получил белый билет и, обрадованный, поспешил домой, где жена уже проливала по нему слезы, как по покойнику. Теперь все опасения были окончательно позади: деньги все могли сделать. Из захудалого крестьянина война быстро вылепила кулака.

Жизнь остальных обитателей деревни шла по-иному. Служащие имения ходили озабоченные. Из-за нехватки тягла и рабочих рук с полевыми работами не управлялись, в результате урожаи были низкие. Винокуренный завод стоял. Сильно сократились и прочие источники доходов. А помещик слал гневные письма, требуя денег. Управляющий и писарь, чувствуя, что владелец мызы ими недоволен, стали подумывать об уходе из имения. Еще хуже было положение бедняков. Семьи многих из них лишились кормильцев. Крестьян все чаще гоняли на строительство укреплений. Хозяева, куда они нанимались в батраки, платили гроши. Все ждали, когда кончится ненавистная война.

Вести о революции. — Студент из Петрограда. — Мой наставник мызный кузнец. — Заметные перемены. — «Сооский барон».

И вот пришла ошеломившая всех весть, что в Петрограде крупные волнения, рабочие остановили фабрики, требуют хлеба и повышения заработной платы. Первые слухи о волнениях в столице были встречены недоверием, но что ни день, поступали все новые и новые известия. В Петрограде происходило что-то небывалое. Поговаривали, будто и в Таллине не все спокойно: забастовки, митинги. Наконец стало известно, что свергли царя и вместо него создано Временное правительство.

Мне в ту пору шел 14-й год, и многие вещи я воспринимал уже вполне сознательно. Во многом мне помог разобраться приехавший к учителю брат, студент из Петрограда.

Он некоторое время жил у нас в семье. В первый же вечер Мартин, так звали студента, позвал мальчиков на реку. Он расспросил у нас, как на мызе была встречена весть о революции и что тут после нее изменилось. Мы рассказали, как могли, но было ясно, что после революции заметных перемен у нас не произошло. Люди ходят на работу, как обычно, а что касается жалованья, продолжительности рабочего дня и других мызных порядков, то все осталось по-прежнему. Надсмотрщик и управляющий на своих местах, а хозяина как не было, так и нет, он где-то в России управляет имением другого помещика, покрупнее.

Мартин долго разговаривал с нами. Рассказал, что делается на белом свете, пространно объяснял нам, что помещики, управляющие и фабриканты — это одна часть общества, у них одни интересы, а потому они во всем заодно, особенно когда дело касается отношений с рабочими. А вот мызные батраки, рабочие, ремесленники, все, у кого нет своей земли и орудий труда и кто вынужден наниматься к помещикам и фабрикантам и работать на них, чтобы как-то жить, — это уже совсем другая часть общества. Между этими двумя большими группами людей царит непримиримая вражда: помещики и фабриканты стараются меньше платить своим рабочим, а те справедливо требуют за свой труд больше, так как все богатства создаются их руками.

— За примером ходить далеко не надо, — говорил нам Мартин. — Вот хозяин имения Соо — сам в хозяйстве не

работает, а на глазах у всех только богатеет.

Помню, что у нас с того времени будто только-только открылись глаза. Мартин растолковал нам, что владельцы больших богатств, капиталисты, получают и от войны большие прибыли, при этом, конечно, некоторые из них иногда, как исключение, вынуждены мириться с меньшими доходами. Они имеют возможность прибегать к займам, отпускаемым им на весьма льготных условиях. Так что они все равно в конечном счете выигрывают.

Трудовому же народу, наоборот, война несет одни беды. Жалованье не повышают, а дороговизна растет. Потому-то и необходимо было свергнуть прежний строй. Рабочие прогнали царя, и теперь борьба идет за то, кому быть главным в стране. На этот счет есть разные мнения. Те, которые называют себя большевиками, требуют, чтобы государственная власть принадлежала рабочим и крестьянам, они требуют передачи заводов, фабрик и земли тем, кто на них трудится.

Мы слушали, завороженные, и даже ни о чем не спрашивали. Я только поинтересовался, как же быть с нами, вот у нас мельница, так кто же мы — хозяева или трудящиеся? Мартин ответил: ведь мельница принадлежит не отцу, она собственность помещика, следовательно, мы не хозяева, а просто арендаторы. Он добавил еще, что обычно арендатор стремится стать владельцем предприятия, но это далеко не всем удастся, так что многие, как наш отец, остаются простыми рабочими.

С большевиками, продолжал Мартин, спорят социалисты-революционеры, или, как их называют, эсеры. Они за то, чтобы землю отняли у помещиков и разделили поровну между трудящимися, мызными рабочими и безземельными. Он, Мартин, тоже за это. Но большевики считают, что уравнилельное распределение земли все равно не спасет бедняков от нищеты и разорения. Они объясняют это тем, что для обработки земли нужны силы, нужны лошади, орудия и все прочее, а у мызных рабочих ничего этого нет, как же они станут работать? Дело кончится тем, что мызный рабочий некоторое время промается, а потом бросит свою усадьбу и снова пойдет в батраки к тому же самому помещику или кулаку. Спасение бедняка, утверждают большевики, в крупном хозяйстве, где можно лучше использовать машины, и труд будет более производительным, а продукция дешевле. Мартин считал, что в этом большевики не правы.

Объяснения студента показались нам, мальчикам, мудреными, и мы сначала никак не могли их понять. Только

потом сама жизнь помогла нам разобраться что к чему. В Петрограде прогнали царя, в Таллине отстранили присланного им губернатора, в Соо и в других местах особых перемен что-то не заметно. Надо сказать, что уже давно я ходил за ответами на трудные вопросы к мызному кузнецу. Несмотря на разницу лет, мы были даже приятелями. Кузнецу нравился мой интерес ко всему, что делалось в мире, и он, как умел, старался растолковать неясные для меня вопросы.

По словам кузнеца, революция не свалилась с неба, пришла не сама собой. Ее долго подготавливали рабочие, руководимые большевиками, их вождем Лениным. Царь всегда был на стороне баронов — помещиков и фабрикантов. И войну царь затеял в их интересах, чтобы они могли еще больше наживаться. А воевать он послал простой народ. Тех же, кто протестовал против войны, посадил в тюрьму или отправил к черту на кулички, в Сибирь. Я передал кузнецу рассуждения Мартина о том, что, мол, у рабочих свои интересы, а у крестьян свои, что большевики не заботятся о крестьянстве, им вообще нет дела до тружеников деревни. Кузнец сначала рассмеялся, а потом стал серьезно объяснять:

— Это чепуха, он, видать, сам эсер. Возьмем, к примеру, нашу мызу. Земля и все другое принадлежат здесь помещику. Если мы теперь мызную землю поделим между работниками, как это эсеры предлагают, что же получится? Что станет делать, скажем, Пулlover, у которого девять детей, мал мала меньше, и только две руки? Ведь денег, чтобы купить лошадь, у него нет, а мызных лошадей, если их тоже раздать, на всех не хватит. К тому же орудия пароконные, рассчитанные на крупные хозяйства. Стало быть, надо дать каждому работнику по две лошади, где же их столько набрать?! Вот почему мы против раздела имения, мы боимся, что останемся без хлеба и без работы. Нет, надо сделать так, как предлагают большевики: мызную землю у помещика отобрать и владеть ею сообща, и урожай будет общий... А это ты хорошо сделал, что пришел ко мне побеседовать. Ты и впредь приходи.

Я долго размышлял над словами кузнеца. Значит, он не согласен со взглядами Мартина Леймана, считает его рассуждения рассчитанными на то, чтобы дурачить народ. А ведь мне казалось, что Мартин все рассудил справедливо. И хотя кузнец не сказал этого прямо, от меня не укрылось то, что он хоть и одобряет революцию, доволен, что царя свергли, но считает дело далеко не оконченным, что главное еще впереди: ведь жизнь бедного люда какой была, такой и осталась.

Правда, были перемены и у нас. Теперь свободнее можно собираться открыто, говорить о своих нуждах. В городе уже

созданы профсоюзы — большие объединения рабочих, во главе их стоят большевики, профсоюзы не дают спуску заводчикам и фабрикантам, проводят забастовки. Так что борьба продолжается, и теперь у нее новые цели. Он, сказал о себе кузнец, не совсем в курсе происходящего, но все-таки получает газеты и брошюры, и до него доходят мысли Ленина, великого вождя большевиков. Революция не остановится на полдороге, придет очередь заводчиков и фабрикантов, а заодно и помещиков, революция расправится и с ними, лишит их власти и всех богатств, в России будет новое государство, править которым станут рабочие и крестьяне, они построят новое общество. «Кто не работает, тот не ест» — такой будет тогда главный закон.

Все это звучало для меня не совсем ясно, я не в состоянии был наполнить эти большие и важные понятия наглядным, конкретным содержанием. Однако в мое сознание вошло что-то совершенно новое, и это новое заставляло с напряженным вниманием следить за событиями. А они менялись с невероятной быстротой.

Ближе к лету я все чаще слышал разговоры солдат о недовольстве войной. Они говорили, что война им надоела, грозились сами покончить с ней. Наконец в наших местах появились отступающие части. Они двигались с обозом. Солдаты говорили, что отведут домой и обозных лошадей, чтоб было на чем пахать землю, ведь в деревнях лошадей, наверное, не осталось. Одна рота остановилась в имении Соо, заняв все свободные помещения. У отца в передней комнате тоже разместили солдат, спали они вповалку на полу. С народом солдаты ладили хорошо, никаких недоразумений не было.

Слухи, что враг наступает, а русские войска отступают, усилились, вызывая большую тревогу среди населения. Хозяева позажиточнее тревожились меньше, чем рабочие, малоземельные крестьяне или бобыли. Появилась безработица, особенно среди женщин, тех из них, у кого был клочок земли или куча ребятишек, нанимали неохотно, хутора и имения предпочитали одиноких. Это вызывало ропот в народе. А тут еще цены стали расти не по дням, а по часам: получит работник жалованье, не успеет прикинуть, что купить, а вещь уже стоит много дороже.

Хозяин хутора Соо довольно ухмылялся: деньги так и текли к нему. Это был теперь настоящий кулак-кровосос. С работниками он держался высокомерно, прежнего и, когда возвращался из города навеселе, орал во всеуслышание:

— Дорогу! Сооский барон едет!

Дома при гостях куражился: густо намазывал хлеб маслом, давал собаке, приговаривая:

— На хуторе Соо даже собака не ест хлеба без масла!

О Кости судачил весь поселок: хозяин Соо — суций «серый» барон, кулак, людей ни во что не ставит, на всех ему плевать. Он читал только кулацкую газету и на все смотрел ее глазами. Кости и слышать не хотел ни о каких переменах. В своем кругу Кости открыто заявлял: не худо, если бы немцы пришли, уж они навели бы порядок, быстро указали бы бобылям их место. Но на народе он говорить так все же не решался.

Не далеко от яблони падают яблоки. В презрении к простому народу выросли и сыновья Кости. Старший сын — он уже кончал гимназию — начитался книг, восхвалявших превосходство сильной личности над всеми другими, и считал естественным, чтобы люди без достатка и с малым образованием подчинялись богатым и образованным. Эти убеждения в нем все углублялись, он старательно искал в книгах новую опору для своих примитивных взглядов. После Февральской революции среди учащихся были весьма в моде всевозможные кружки, в том числе литературные, художественные, философские, в которых подвизались преимущественно сынки состоятельных родителей. Они собирались и спорили об учении Ницше, о взглядах Штирнера и других подобных им философов. Сын Кости принимал живое участие в этих собраниях.

По-своему использовала революцию и семья Лейман. Марию выпустили из заключения, и дело было прекращено. Все это произошло так тихо, что особых разговоров не вызвало, тем более что нахлынули более крупные и важные события.

После октября

Новая власть. — Кулаки важничают. — «Добьемся мы освобожденья...» — Кузнец едет в горьком партиш. — Мое первое в жизни собрание.

Наступил октябрь 1917 года. Сначала появились слухи, что и власть Керенского с его «керенками», сорока рублевыми кредитками, дышит на ладан. Потом донеслось, что в Петрограде произошла новая революция, к власти пришло правительство во главе с Лениным. Это правительство издало декреты о мире и земле.

Революция сразу перекинулась в Эстонию. И здесь власть быстро и без большой борьбы повсеместно перешла к Советам.

Естественно, интерес к событиям повсюду был очень велик. Когда вернутся из армии солдаты, как изменится жизнь бедного люда, — об этом толковали повсюду. Кулаки встретили новую власть враждебно. Такие, как хозяин хутора Соо, возлагали свои надежды на приход немцев. При этом они рассуждали так: Красная гвардия еще совсем молода, не обучена, вооружена скудно и вряд ли сможет оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление регулярной армии немцев. Тем ничего не стоит занять всю Эстонию. Навеки немцы тут не останутся, рано или поздно уйдут, передав власть «настоящим эстонцам».

Но даже среди кулаков не было единодушия в этом вопросе. Некоторые из них считали, что уповать на немцев — настоящее самоубийство, правильнее будет подождать, посмотреть, как новая власть поведет себя, и тогда уж решить, как постоять за себя. Эту точку зрения, между прочим, высказывали многие помольщики, в особенности середняки.

Половина всей земли, притом самой лучшей, принадлежала в Эстонии помещикам. В их же руках находилась и вся сельскохозяйственная техника. Разумеется, кулачество не жаловало Советскую власть. Но, с другой стороны, зажиточные крестьяне надеялись, что эта власть подрубит помещиков под корень и, может быть, удастся пожить за их счет. Надо только не зевать, постараться, чтобы при разделе земли не упустить момент. А сил обработать и эту землю у них, кулаков, хватит. А потом голытьбе, не имеющей ни лошади, ни плуга, все равно некуда податься, кроме как наниматься к ним в батраки. Таким образом, пока всем следует сплотиться покрепче, влить новые силы в эстонские части, позаботиться, чтобы командирами там

были свои люди.[4]

Бедняцкая часть сельского населения, рабочие приняли Советскую власть восторженно. Помню, как радовался мой приятель кузнец.

— Нельзя сейчас сидеть сложа руки, — говорил он, — время такое — требует дел.

И однажды при мне запел громко «Интернационал»:[5]

Никто не даст нам избавленья —
ни бог, ни царь и ни герой,
добьемся мы освобожденья
своею собственной рукой.

Кузнец решил действовать. Он позвал к себе плотника Пулловера, конюха Марипуу, старого мызного работника Кару и устроил своеобразное заседание, на котором они обсудили, что им делать, чтобы трудовой народ увидел в революции свою победу, сплотить всю сельскую бедноту.

Плотник Пулловер, человек средних лет, рассудительный, во всем поддерживал кузнеца: надо объединить мызных рабочих в профсоюз, пригласить из города представителя комитета большевиков, организовать партийную ячейку, рассказать народу об Октябрьской революции. Надо решить текущие вопросы: как поступить с имением, может быть, раздать часть земли безземельным и бобылям, покончить с арендой на землю, пусть она принадлежит тем, кто ее обрабатывает. Кроме того, надо потолковать и о нехватке товаров. Вон, постолы прохудились, а кожи взять негде, нельзя ли взять у мызы сырую кожу, уж продубить ее и выделать народ сам сумеет.

Вековый мызный батрак старый Кару соглашался с Пулловером, особенно в отношении прирезков. Вот для таких, как он, бобылей это было бы великое дело, сказал он.

Решено было послать кузнеца в Таллин, чтобы он добился там ясности по всем этим вопросам. В Таллинском городском комитете партии большевиков он встретил полную поддержку, и его ввели в курс событий. Кузнец узнал, что в Германии тоже назревает революция, так что агрессии немцев в Прибалтике скоро конец. Ему посоветовали продолжать организовывать мызных и других сельских рабочих и бедняков. И в вопросе о земле его поддержали, сказали, что они стоят на верном пути. Но решит этот вопрос новое правительство, после того как будут проведены собрания трудящихся деревни. Однако и до этого можно проделать большую подготовительную работу, главным образом разъяснительную, чтобы конфисковать имение, объявить

недействительными арендные договоры с мызными работниками.

Договорились, что в ближайшее время будет проведено общее собрание мызных рабочих и на нем путем голосования надо избрать мызный комитет, который и решит вопрос о конфискации имения. Особое внимание в городском комитете партии обратили на то, чтобы при передаче имения в руки трудящихся мызный комитет позаботился о сохранности движимого и недвижимого имущества.

Решили и еще один важный вопрос: о создании у нас отряда Красной гвардии, на случай, если богачи окажут сопротивление. В конце беседы товарищ пообещал лично прийти на помощь, если в этом возникнет необходимость.

Вернувшись из Таллина, кузнец сразу созвал людей и рассказал о результатах своей поездки, познакомил с решением о конфискации имений.^[6] Это было первое собрание, на котором я присутствовал наравне со взрослыми. Мы решили начать разъяснительную работу среди работников мызы, причем определили, кто с кем конкретно станет беседовать. Если дело будет подвигаться успешно, надо в скором же времени провести общее собрание мызных работников для обсуждения двух вопросов: о конфискации имения и передаче его в собственность трудящихся и о выборах мызного комитета. Обсудили кандидатуры, которые можно было предложить собранию для избрания в комитет и в отряд Красной гвардии.

Жизнь в имении Соо забурилась. Общее собрание работников мызы было многолюдным, на нем присутствовали почти все рабочие и служащие, кроме управляющего — тот уехал в город. Присутствовали на собрании и подростки, в том числе и мы с братом.

Первым на собрании выступил кузнец. Он рассказал о земельной политике нового правительства и внес предложение о конфискации мызной земли и передаче ее в руки трудящихся, которые в дальнейшем станут совместно ее обрабатывать, чтобы государство рабочих и крестьян получало вдоволь продовольствия, а они, земледельцы, — возможность жить и трудиться по-человечески.

Посыпались со всех сторон вопросы. Смысл их сводился в основном к следующему: кто будет руководить работами, если не станет хозяина, не провалится ли все дело и т. д. Кузнец и плотник развеяли эти опасения: ведь в их имении и сейчас нет хозяина, однако дело все же движется, даже в такое сложное время, как военное, почему же оно не пойдет в новой обстановке, когда трудовой народ через свой комитет будет управлять хозяйством? А для руководства текущими работами будут наняты

специалисты.

Собрание единодушно постановило отобрать у помещика имение. Управляющего обязали немедленно приступить к передаче имущества.

Единогласно прошли и выборы комитета. В него вошли кузнец Сепп, плотник Пулловер, Марипуу, Кару и доярка Хильда.

Председателем комитета был избран кузнец Сепп.

Прощание с мельницей

*Кайзеровские войска на нашей земле. — «Новый порядок». —
Красные наступают. — С кем идти? — Мы расстаемся с
мельницей.*

Осенью 1917 года на Эстонию хлынули войска кайзера. На островах они на время задержались, выжидая удобного момента для прыжка на материк, где установилась Советская власть. Бароны и все, кто был с ними заодно, обратились к немцам за помощью. В феврале 1918 года немецкие войска, возобновив наступление, появились на материке. Эстонский полк открыл им дорогу на Таллин, надеясь, что немецкие генералы оценят это, но те не нуждались в их помощи и отклонили предложение белоэстонцев о союзе.

Под Кейла совсем юные отряды красногвардейцев дали немцам отпор, они бились до последней возможности, чтобы задержать оккупантов подольше и дать Советской власти эвакуировать людей и корабли. Но силы были неравные, немцы взяли Таллин, а потом наложили свою железную лапу на всю Эстонию. В стране стал править штык кайзера.

Повсюду, куда ни ступала их нога, немцы устанавливали строгий военный режим. Было запрещено передвигаться куда-либо без разрешения немецких военных властей. Еще труднее стало с питанием: вместо полноценных продуктов в продажу поступали эрзацы, хлеб пекли с опилками и другими примесями. Крестьяне побогаче надеялись нажиться на продовольственном кризисе, но просчитались. Немцы и не думали разрешать свободный рынок, у них была своя цель: как можно больше выкачать продуктов из Эстонии, в первую очередь мясо, масло, яйца. Конфискацию продуктов кайзеровские войска осуществляли весьма просто: небольшие отряды солдат во главе с фельдфебелем объезжали на лошадях хутора и забирали все, что попадалось на глаза, — рогатый скот, свиней, гусей, кур. Все это они грузили на телеги и увозили. А тем, кто осмеливался роптать, совали под нос дуло винтовки. Вот тебе и суд, и закон!

«Новый порядок» дал знать о себе и в имении Соо. Первым делом был упразднен мызный комитет. Члены мызного комитета и другие советские активисты скрылись. Исчезли, конечно, кузнец Сепп и плотник Пулловер. Прибыв в имение Соо, отряд немецких солдат прежде всего заглянул в хлевы мызных служащих. У нас отобрали свинью. Отец не стерпел и на ломаном немецком языке

сказал начальнику отряда, что нельзя же просто так забирать свинью, это же грабеж. Фельдфебель начал кричать:

— Мы спасли вас от большевиков, может быть, от смерти, а вы отвечаете такой неблагодарностью!

Немцы нагрузили телегу добром мызных служащих, а к имуществу помещика не прикоснулись. Сам помещик, фон Харпе, к этому времени бежал из России от революции и теперь находился в своем имении.

Оккупанты наглели с каждым днем. Любой шаг местных жителей регламентировался распоряжениями «запрещаю, приказываю». Население люто возненавидело интервентов. Уже через несколько месяцев то тут, то там на них стали совершаться нападения. Были случаи, когда крестьяне с помощью оружия возвращали обратно свой скот. Такие вооруженные стычки участились с распространением слухов о том, что эстонские красные стрелки вместе с полками Красной Армии перешли в наступление. К новому году были освобождены Нарва, Раквере, Тапа. Красные части вышли на линию Валкла — Приске — Ветла, то есть были примерно в 30 верстах к востоку от Таллина. Одновременно красные наступали в направлении Васкнарвы и Пайде. Развернулись бои на юге, здесь к новому году захватчиков и белоэстонцев выбили из Выру и Валги. У немцев уже не было воинственного духа — войну они проиграли, в Германии произошла революция, кайзер сбежал, и солдаты думали только о том, как бы поскорее уехать домой.

Снова надежда затеплилась в душе трудовых эстонцев. Вести о революции в Германии, о бегстве кайзера Вильгельма, о том, что в Таллине немецкие генералы передали власть какому-то «временному правительству» во главе с адвокатом Пятсом, а в Нарве возникло другое правительство — коммуна, что красные продолжают наступать, доходили и до деревни. Как всегда в таких случаях, быть мешалась с небылицей. Туман вокруг событий то сгущался, то расходился, докопаться до истины, особенно простому человеку, было нелегко.

Таким образом, положение в Эстонии было в высшей степени сложное и запутанное, и неудивительно, что вначале многие, особенно среди крестьян, не могли выбрать, с кем идти. Крестьянам было ясно, что надо выступать против помещиков, жизнь уже давно научила, что барон всегда враг. Что же касается Советской власти, то за нее безоговорочно были батраки. Бедный люд верил ей и хотел возвращения власти Советов. При приближении красных частей бедняки вливались в них, чтобы вместе сражаться против богатеев. Часть деревенских середняков заняла в отношении Советской власти выжидательную позицию.

Многие бобыли, чьи хибарки стояли на земле хуторян и помещиков, а также часть малоземельных крестьян, арендаторов — а их было довольно много — мечтали о куске помещичьей земли. Советская власть до вторжения немцев не успела решить аграрную проблему. Поэтому некоторые теперь прикидывали, а не больше ли обещают социал-демократы, трудовики и другие...

На мельнице тоже шли эти разговоры. Крестьяне обсуждали события, гадали, что и кто им обещает.

Явно враждебную позицию занимали кулаки. Они утверждали, что надо с оружием в руках идти против красных. На немцев нечего, видно, надеяться. И надо держаться Англии, у которой сильный флот, или единокровной Финляндии. «Теперь или никогда, — рассуждали „серые“ бароны. — Мы — „солъ земли“, настоящие земледельцы. Теперь, когда германская армия покидает нашу страну, надо сплотить все силы для борьбы против красных».

Слухи о приближении Красной Армии пугали кулаков. Они спешили отделаться от имущества, перевести его в деньги. Помню, в это время к отцу снова явился портной Лийст. Они долго беседовали в задней комнате.

Старый Тынис пожаловался на здоровье.

— Ноги не ходят, и сердце шалит, видно, надо искать другую работу, вот и врачи говорят, если останусь мельником, долго не протяну, — говорил отец.

Лийст тоже считал, что Тынис долго здесь не протянет, и не только из-за нездоровья.

— Сыновья в школе учатся, мельницу держать не станут, надо тебе, Тынис, куда-нибудь податься.

Отец кивал головой и поддакивал. Но куда?

Лийст ответил, что знает на окраине города дом, который продается. Земля там принадлежит городу и сдается в аренду по клочкам. Правда, земля там плитняковая и боится засухи, но если ее как следует удобрять, то сена хватит, чтобы держать двух-трех коров. Хозяин дома продает сенокосилку и конные грабли, так что основную работу можно будет делать машинами.

— А велик ли дом? — спросил отец.

— Жилой дом невелик — одна комната и погреб, зато есть большой сенной сарай, в котором можно держать всякий инвентарь и орудия. Если хочешь, поедem поглядим вместе, что там и как, — предложил Лийст.

Отец долго взвешивал все «за» и «против». Было ясно, что договор на аренду мельницы больше заключать не имело смысла. Ведь не шутка — жизнь ломаешь! Осилит ли он покупку дома?

Денег мало, если все собрать, будет около двух тысяч рублей, царских. Пока они еще имеют какую-то ценность, но небось тоже скоро покатаются, как покатались царский трон и «керенки». Надо торопиться. Срок прежнего договора кончался. Помещик, конечно, захочет поднять арендную плату, хотя и прежнюю становилось платить невмочь.

— Человек я уже немолодой, — рассуждал отец, — у меня свои понятия о жизни, и менять их я не хочу. Обирать безземельного мне совесть не позволяет, лучше я сдам мельницу и займусь делом, которое мне больше подходит.

— Как-нибудь проживем на новом месте, — соглашалась мать. — Дети подросли, старшему уже восемнадцать, среднему шестнадцать, вот последний еще маловат, да и он за пастушка сойдет. И избавимся наконец от вечной мельничной пыли.

Итак, они решили расстаться с мельницей.

Отец и Лийст съездили поглядеть на новое место. Вернулся отец несколько разочарованный, но все же сказал, что дом в общем подходящий. Денег извозчик требует около тысячи рублей. Жить там можно, только местность не радует глаз — голо кругом, дом открыт всем ветрам. Деревьев почти нет. А нет леса, нет и птиц, а значит, птичьего голоса не услышишь. Конечно, время сейчас зимнее, и место кажется особенно пустынным. Летом там веселее, к тому же море недалеко. Домик маловат, но его можно расширить, место есть. Камня там достаточно. Конечно, все это потребует немалого труда. Пока сыновья дома, помогут, на рабочую силу со стороны рассчитывать нельзя. Новые соседи — люди как будто больше пожилые, вряд ли кто из них сможет помочь. Так что будем этот дом покупать. Да ведь на те деньги, что у нас есть, ничего путного все равно не купишь, выбирать не приходится. Какое-никакое хозяйство все же будет, ведь наняться куда-нибудь на работу здоровье не позволяет да и опыта нет, всю жизнь проработал на мельнице.

Состоялся разговор с помещиком. Как и предполагал отец, он значительно повысил арендную плату. При этом он оговорился, что против мельника ничего не имеет, тот ему даже нравится — человек солидный, лишнего слова не скажет, однако времена изменились. Царский рубль был не чета новым деньгам, их и сравнивать нельзя... Теперь, говорил он, надо исходить из рыночной цены на зерно. Цены на хлеб вон как возросли, на муку тоже, и мельник теперь небось деньги пригоршнями загребает.

Отцу такие речи не понравились, он сердито ответил, что помещику легко шутить. И не мешало бы ему знать, что помольщики предпочитают теперь расплачиваться деньгами, а это по нынешним временам сущие копейки.

— Значит, вы не собираетесь возобновлять аренду? — спросил помещик.

— Нет, не собираюсь. Я уже стар, здоровье неважное, и здесь, в пыли и сырости, дни мои будут сочтены. Поэтому мне нет смысла держаться за это место, проживу как-нибудь и без мельницы, — откровенно высказал свои мысли отец, даже не пытаясь начать торговаться из-за размера арендной платы.

Когда в округе узнали, что старый мельник, который свыше десяти лет проработал в Соо, заслужив всеобщее уважение, уходит, несколько хуторян явились помочь ему перебраться. Это, конечно, облегчило дело, и к новому году все пожитки в основном были перевезены, даже навоз из хлева. Дедушка остался на хуторе Соо, где старикам отвели маленькую комнатку.

Перед тем как окончательно покинуть старое место, отец держал совет с нами, сыновьями. Он сказал:

— Вы выросли тут, и жилось вам в общем нехудо. Мы с матерью делали все, что в наших силах, чтобы дать вам образование, и, может быть, ваша жизнь будет легче нашей. Теперь мы состарились и вступаем в новую полосу. Одним нам уже не справиться с делами, нужна ваша помощь. В доме, который мы купили, предстоит много дел.

Мы обещали родителям, что будем делать все, что скажет отец.

Из имения Соо семья уезжала в невеселом настроении. Жаль было покидать насиженное место, где выросли дети, где оставались родственники. Да и неизвестно, как сложится жизнь на новом месте. Но мы, братья, были радостно возбуждены: наконец будегл жить в городе. Хотя и на окраине, откуда до школы далеко, но все-таки не в деревне!

После переезда занялись заготовкой строительного материала. На складах от строительства оборонительного пояса осталось много забракованного цемента, который можно было купить по сходной цене. Там же можно было недорого купить доски, рейки и прочие нужные вещи. Все связанные с этим хождения и хлопоты возложили на старшего брата Руута. Кое в чем помог портной Лийст. Добыв материал, начали приводить в порядок дом...

Переезд в Таллин маленькой семьи мельника Тыниса совпал с историческим переломом в жизни России. В пламени боев, в смертельной схватке классов начинался новый период ее истории.

**«С винтовкой в руках — под красное
знамя!»**

Снова под пятой буржуазии

С помощью штыков Антанты. — Договор с Советской Россией. — «После нас хоть потоп». — Перед грозой.

Как бы далеко ни стоял человек от политических событий, как бы ни казалось ему, что он «сам по себе», а они «сами по себе», его жизнь в значительной степени, а подчас и целиком обуславливается ими. Бурные политические события тех памятных лет сказались на судьбе каждой семьи, будь то судьба барона-помещика или семья бобыля. А политические события в Эстонии, в свою очередь, возникали и видоизменялись под воздействием борьбы старого мира и нового, рожденного Октябрьской революцией.

Получив власть из рук немецких оккупационных генералов, эстонская буржуазия обратилась за помощью к державам Антанты, и те, преследуя свои интересы, оказали эту помощь: уж очень удобный плацдарм для войны с Советской Россией представляла собою территория Эстонии.

В декабре 1918 года в Таллине появился английский военно-морской флот, затем военные миссии, которые помогли буржуазному правительству создать армию. На первых порах она терпела одно поражение за другим, и красные войска оказались на расстоянии нескольких переходов от Таллина. В самый критический момент через залив прибыли батальоны белофиннов и шведов, и хотя их численность была не так уж велика, однако они подняли в буржуазной армии воинственный дух, и она перешла в наступление. Красные войска, обессиленные долгими боями на других фронтах и трудностями снабжения, не сумели продолжить наступательное движение на Таллин и не смогли противостоять этому наступлению. Они стали отходить, потеряли Тапа и Раквере, а затем и Нарву, на юге же — Тарту, Валгу и Выру. И хотя они дважды пытались отбить Нарву, сделать этого им не удалось. Почти вся территория Эстонии, которую красные войска освободили в предыдущие месяцы, оказалась в феврале 1919 года под контролем буржуазного правительства. Советская власть в Эстонии потерпела поражение.

К этому времени относится создание на территории Эстонии северного белогвардейского корпуса, развернутого вскоре в армию царского генерала Юденича. Белогвардейцы предприняли из Нарвы поход на Петроград, но были отброшены и выбиты из Пскова, которым им удалось овладеть в ходе наступления. 31

августа 1919 года Советская Россия предложила буржуазной Эстонии вступить в мирные переговоры, но не успели они начаться, как эстонская сторона под давлением западных империалистов прервала их.

Осенью Юденич предпринял второй поход на Петроград, и снова с ним сотрудничала белоэстонская армия, хотя Юденич не скрывал, что, взяв Петроград, он разгонит «картофельную республику», как он презрительно называл Эстонию. Когда же Юденич был наголову разгромлен Красной Армией, эстонская буржуазия, рискуя навлечь на себя недовольство империалистов Запада, согласилась на возобновление мирных переговоров с большевиками, поскольку силы ее иссякали. У нее не было больше ни людских, ни других ресурсов, в армию были призваны не только мужчины, но и юнцы, большая часть которых уже успела разбежаться. Против них нельзя было даже применить военно-полевые суды, поскольку они являлись несовершеннолетними и невоеннообязанными.

Дезертиры разнесли весть о действительном положении дел на фронте, о наступательном порыве красных, которых не удастся отбить. Все это заставило правителей буржуазной Эстонии сесть за стол мирных переговоров с Советской республикой. Они начались 5 декабря 1919 года в Тарту, протекали нелегко и негладко, но все же закончились успешно: сначала подписанием соглашения о перемирии, а 2 февраля 1920 года — подписанием договора о мире.

Советское правительство придавало этому миру большое значение. «Надо сделать все, чтобы избежать вторжения в Эстляндию, — писал в своем докладе Ленину Наркоминдел. — Это резко изменило бы настроение во всех маленьких государствах, с которыми мы ведем или собираемся вести переговоры, и сорвало бы эти соглашения, так как везде воскресло бы представление о нашем якобы „империализме“. Мирные переговоры сыграли громадную роль, убедив эстонское крестьянство и мещанство, что мы не хотим их завоевать...»

Ленин поддержал мнение Наркоминдела.^[7] Учитывая международное значение заключаемого с Эстонией мира, а также в интересах перенесшего большие испытания трудового народа, Советское правительство пошло на уступки.

Условия договора были весьма благоприятными для эстонской буржуазии, она получила в свои владения не только «этнографические границы», то есть территорию, населенную эстонцами, но вдобавок — волости по ту сторону реки Наровы и в окрестностях города Печоры, населенные людьми других

национальностей, в первую очередь русскими. Кроме того, Советская Россия отдавала правительству буржуазной Эстонии весь вложенный в Эстонию царской Россией капитал — в виде крупных предприятий и т. д., освободила ее от уплаты различных внешних долгов. Эстония получила 15 миллионов рублей золотом и концессию на лесоразработки. Советская сторона внесла предложение об урегулировании дальнейших экономических взаимоотношений, о заключении нового торгового договора, в котором предусматривались бы крупные заказы для судостроительных заводов и текстильных предприятий Эстонии, отчасти и для машиностроительных заводов.

Буржуазия, дорвавшись до власти, обогащалась с наглой жадностью, в то время как положение трудящихся становилось все более тяжелым. В стране поднялся ропот. Чтобы успокоить народ, буржуазия пообещала земельную реформу, которая нужна была верхам для того, чтобы обеспечить себе социальную базу против рабочего класса. Трудящиеся — ее заклятый враг, в этом отношении буржуазия не строила себе никаких иллюзий.

Другое дело — зажиточные хуторяне: получив землю из рук буржуазного правительства, они станут ее опорой в стране.

Рабочий класс видел, что положение его резко ухудшается, что буржуазия обогащается по принципу «после меня хоть потоп». Еще слишком живы были воспоминания о коротких днях свободы после Октября 1917 года. Однако соотношение сил было не в пользу трудящихся. Рабочий класс был ослаблен эвакуацией в годы мировой войны крупных предприятий, мобилизацией трудящихся в армию, разгулом белого террора. Но он боролся с исключительной самоотверженностью. Этой борьбой руководила загнанная в глубокое подполье Коммунистическая партия. Террор не в состоянии был воспрепятствовать стачкам, демонстрациям, митингам. Как гул в недрах вулкана предвещает извержение, так эти выступления рабочего класса предвещали грозные для буржуазии классовые бои.

В Таллине, на улице красной

На новом месте. — Строгий распорядок. — Война, революция и гимназия. — Преподаватель русского языка Шиллинг. — Съезд молодежи. — Первый допрос и первая статья.

Такова была общая политическая картина, когда семья мельника покинула Соо. Поселились мы в Таллине, на Красной улице, на последнем склоне Ласнамяэ перед Сямяэским болотом. Начали с самого главного — с ремонта дома. Стояла еще зима, это, конечно, сильно усложняло работы, но откладывать их было просто невозможно. Помогал нам только один знакомый человек из деревни Соо, перебивавшийся случайными заработками. Это был невысокий мужчина, вечно куривший трубку, он и раньше помогал отцу в ремонте мельницы и даже заменял его, когда тот отлучался в город, что случалось раза два в год. Я с братьями помогал ему, в течение месяца нам удалось отремонтировать дом настолько, что можно было вселяться. Но предстояло пристроить еще комнату, сложить хлев.

Жилось нам трудно. Деньги, которые отец скопил за долгие годы, были израсходованы, а новых ждать было неоткуда. Старая корова давала молока мало, его хватало лишь для семьи. Поэтому первой заботой отца было купить еще корову, чтобы можно было продавать молоко и иметь какие-то деньги на текущие расходы. Вскоре такой случай представился. У наших соседей проживали люди, приехавшие в Таллин в конце войны из Сибири. Сосед хоть и согласился приютить их у себя, однако землей поделиться с ними не мог — клочок, который он арендовал у города, в состоянии был прокормить только его собственный скот. Поэтому приезжие и вынуждены были продать своих коров. Запросили они за них немало. Мать продала все, что имело хоть какую-нибудь цену, даже свадебные подарки — брошку, цепочку, колечко. Таким образом собрали сумму, которой хватило на покупку двух коров.

Так мы и устроили свою жизнь на новом месте по образцу той, какой жили все окрестные люди. Продавали молоко в городе. Жизнь, разумеется, была скудная. Все зависело от надоев молока, от времени года, от того, сколько удавалось заготовить сена. Как говорится, доходов было мало для настоящей жизни и много, чтобы помереть. Как-то жили, перебивались, без особых перспектив на богатство, но и не голодая.

Кроме сена мы выращивали картофель, под который

распахали часть луга, работа эта оказалась весьма трудоемкой, ведь у нас не было орудий для разрыхления почвы, а она, покрытая жесткими переплетенными корнями травы, была как каменная.

Так была устроена жизнь и налажена работа, и тяжелая, и не очень, но повседневная и обязательная. Твердый режим положительно сказывался на формировании нашего характера, воспитывал в нас внутреннюю дисциплину, мы знали, что определенные работы должны быть сделаны, иначе это отразится на всей семье. И каждый строго выполнял свои обязанности. Это, по-моему, очень важный момент воспитания, так как приобщает детей к труду. Неважно, велик он или мал, главное, чтобы были обязанности и они непременно выполнялись.

С переездом в город снова встал вопрос о школе. Работали они тогда с большими переборами. Во всех школах сменилось начальство. Наша школа — бывшая Николаевская гимназия — была при Советской власти переименована в Таллинскую мужскую гимназию. Преподавание велось на эстонском языке, хотя, конечно, сохранилось изучение и других языков. В годы немецкой оккупации школу переименовали в гимназию имени Густава Адольфа. Изменили учебную программу. Главное внимание теперь уделялось немецкому языку и латыни, на первый язык отводилось девять уроков в неделю, на второй — шесть. Русский язык вообще исключили из преподавания. Все это привело к тому, что многие перестали посещать школу. В разгар гражданской войны из учащихся последних классов буржуазные власти создали ученический батальон, отчего, естественно, работа школ сильно страдала, так как военные занятия отнимали много времени. К тому же не хватало преподавателей — многие учителя эвакуировались в Россию еще до прихода немцев.

Меня в ученический батальон не отправили только потому, что я в то время не ходил в гимназию, жил в деревне, отец был болен, и я работал на мельнице. Старший брат, который учился в той же гимназии, но на два класса старше, подлежал призыву. Его забрали так быстро, что он и предпринять ничего не успел, но вскоре сбежал с фронта. Это ему, как, впрочем, и другим дезертирам, сошло с рук.

Империалистическая война, революция, новая война, на этот раз гражданская, оставили весьма глубокий след в душе учащихся. В зависимости от своей классовой принадлежности учащиеся по-разному толковали события. Мне это сразу бросилось в глаза, когда после короткого перерыва я возвратился в гимназию. Там существовали различные группировки. Группа

анархистски настроенных юношей не признавала никакой власти, дисциплины, издевалась над учителями. Нередко у молодого учителя, а чаще у молодой неопытной учительницы не выдерживали нервы, и они выбегали из класса.

Но юношам все сходило с рук. Дирекция гимназии явно не желала глубоко вникать в дело, опасаясь, что расследование обнаружит ее собственные слабости и упущения. Были, однако, учителя, которых класс не давал в обиду. Таким был преподаватель русского языка Шиллинг, относившийся к ученикам, как старший товарищ. У него был большой педагогический опыт, особый такт в обращении с учениками. Он относился к ним как к взрослым людям, и гимназистам в его присутствии было стыдно озорничать, как мальчишкам. Шиллинг хорошо умел связывать уроки литературы с современной общественной жизнью. Делал это так интересно, что его хотелось слушать без конца, и, если кто-нибудь начинал безобразничать, класс одергивал его.

В группе учеников, побывавших в армии и теперь не признававших школьную дисциплину, были и иные гимназисты. Это были тихие, как бы углубленные в себя юноши. Своих взглядов они не высказывали, но если с ними, бывало, заговоришь, то чувствуешь, что юноши переживают серьезный душевный кризис. Им претил господствовавший в стране урапатриотизм, шовинизм, они были противниками милитаризма, но осуждали его с позиций внеклассового, неопределенного гуманизма, почерпнутого не столько из теорий, сколько из собственного фронтового опыта. Постепенно шовинистическая волна захлестнула и эту молодежь. Ее оппозиционность значительно потускнела, и со временем она тоже нашла свое место за «барским пирогом». Но остались немногие — два-три на класс, — которые искали и нашли путь к революционной молодежи.

Наконец, была среди учащихся пролетарская группировка, тесно связанная с революционным молодежным движением, направлявшимся из подполья Коммунистической партией. Особенной организованностью отличалась эта группировка в Таллинской учительской семинарии, а также в вечерней средней школе. Среди революционной учащейся молодежи наиболее известными были Антон Вааранди, Оскар Сепре, Вильгельмине Клементи, Пээтер Лемпо, Альма Ваарман, Вальтер Каавер (в Выру) и другие.

Настроение молодежи того времени хорошо отразил съезд учащихся средних школ. Он проходил в Вильянди в 1921 году,

был очень многолюдным. Организаторами съезда выступили кружки учеников старших классов средних школ. Радикально настроенные участники съезда захватили инициативу в свои руки и превратили съезд в трибуну против милитаризма, белого террора и шовинизма.

Я тоже принимал в нем участие, хотя еще не примыкал ни к какой группе. На съезде заметно выделялась левая группа, она задавала тон. Здесь я впервые увидел будущего деятеля рабочего движения Вальтера Каавера, тогда ученика средней школы города Выру. На вид это был типичный интеллигент. Он был в пенсне, которое часто поправлял привычным жестом. Каавер произнес на съезде захватившую всех своим юным задором речь. Это был настоящий фейерверк слов. Хотя я в то время не был политически развитым, но все же понял, что в его речи больше хлесткой критики, чем глубокого анализа. Вальтер Каавер изобличал буржуазию в невежестве, тупоумии и прочих подобных вещах. Все это говорилось очень темпераментно, создавало на съезде соответствующую атмосферу.

Когда Оскар Лооритс, студент-филолог из Тарту, разразился шовинистической речью, смысл которой сводился к тому, что надо идти на помощь «финским братьям» в их борьбе против красных, это вызвало такую бурю негодования, что оратора как ветром сдуло. Его предложения даже не были поставлены на голосование.

Съезд учащихся средних школ вызвал широкий отклик во всей Эстонии. В архивах сохранились материалы расследования, учиненного буржуазными властями в связи со съездом. В них довольно точно передано содержание первого реферата — о трудовой школе, с которым выступил Йоханнес Раудсепп, воспитанник Таллинской учительской семинарии. Он квалифицируется как от начала до конца «агитационная подстрекательская речь, призывающая к подрыву существующего порядка образования». О реферате по введению трудовой школы сказано, что ничего конкретного он не содержал, но усиленно рекомендовал молодым слушателям «брать пример со школ России», автор реферата характеризуется как почитатель «занаровских товарищей», что он сам оттуда и теперь стремится вернуться назад. Трудно поверить, утверждается в этих материалах, что Раудсепп является воспитанником учительской семинарии. В исследовании подчеркивалось: «Особенно бросались в глаза воспитанники Таллинской учительской семинарии Туттъ и Таальман, которые при каждом удобном случае высказывали свою любовь к России».[8]

К сожалению, мне не удалось найти весь отчет, составленный

по итогам расследования о Вильяндиском съезде учащихся, но и приведенного достаточно, чтобы понять, какой отклик имел он в кругах министерства народного просвещения того времени.

Между прочим, после съезда был допрошен тогда и я. Какой-то деятель министерства просвещения пытался узнать, не являлся ли я одним из организаторов съезда, не пел ли я «Интернационал». На вопрос о моем отношении к «радикальным выступлениям» на съезде я ответил, что являюсь противником войны и согласен с теми, кто высказывал подобные же мысли.

Эти свои антивоенные взгляды я изложил тогда же в своем первом открытом литературном выступлении на страницах журнала прогрессивных писателей «Тарапита». В пятом номере журнала за 1922 год была помещена моя статья «Еще о кризисе молодежи (письмо учащихся)».

Привожу ее текст в несколько сокращенном виде.

«После Вильяндиского съезда во всей печати появились статьи о нашем молодежном движении и молодежи вообще. Авторы, главным образом, обвиняли. С одной стороны, они обвиняли молодежь в моральной распущенности, в грубости, пьянстве, с другой стороны, — в отсутствии духовных интересов, в духовном банкротстве. Но ни один из обвинителей не взял на себя труд вскрыть причины, вызывающие указанные явления. А если кто и пытался найти причины, то видел их лишь во „влиянии России“ и в „левых учителях“. Из такой постановки вопроса следовала тенденция: кризис молодежи можно с успехом использовать в межпартийной политической борьбе.

Кто хоть сколько-нибудь наблюдал за нашим молодежным движением, очевидно, заметил, что его направление за последнее время изменилось. В 1917–1919 годах главное место занимали в нем литература, искусство, наука; создавались соответствующие кружки, открывались библиотеки, читались рефераты, проводились вечера, дискуссии как по этическим, политическим, так и по эстетическим проблемам. Как же все изменилось! Теперь энергия молодежи, направленная ранее на духовное развитие, целиком отдана спорту. Так что у господина Тыниссона (реакционный деятель буржуазной Эстонии. — *Ред.*) имелись все основания для того, чтобы во время первого „Праздника молодежи“ с удовлетворением воскликнуть: да здравствует молодежь, ибо она преодолела стремления ко всяким „туманным идеям“ и вступила на путь истинный, то есть обратилась к спорту!

Но и эти произнесенные с праздничным пафосом слова лишь маскируют печальную перемену, произошедшую с нашей молодежью за последние годы. Ведь отказ молодежи от прежних

„туманных идей“ свидетельствует лишь о том, что она стала поверхностнее. Некогда пытливый и ищущий юноша превратился в „реалиста“, смотрящего на жизнь так, как это ему выгоднее.

Молодежь видит, что жизнью правит физическая сила, и занимается спортом. В течение многих лет молодежь видела ряды марширующих солдат — и она поступает в скауты. Если молодежь пьет, то удивляться тут нечему — ведь и это часть окружающей ее жизни. Наша молодежь принимает жизнь такой, как она есть и какой она наблюдает ее у взрослых.

Есть вопросы, которые всегда увлекали идейную молодежь — когда больше, когда меньше. Чем сильнее надежды на осуществление мечты, тем шире духовное движение. Таким исполненным надежд временем был 1917 год. Тогда молодежь не оставалась сторонним наблюдателем событий. Последовавшая затем оккупация загнала молодежное движение в подполье, что лишь усилило его жизненность. Пришла „освободительная война“ — молодежь поспешила на передовую линию, готовая умереть за родину. Но с войны молодежь вернулась уже не однородной. Одни прониклись царившим там духом, невольно подчинились ему, стали „реалистами“. Мозг и сердце других с самого начала не вынесли этого потрясающего опыта. Но и те и другие после возвращения с войны были ввергнуты в разрушительную атмосферу казармы. Первые все больше и больше грубели, вторые замкнулись в себе, ожесточились, разочаровались, не в силах вынести противоречий между мечтой и действительностью. Как первым, так и вторым при соприкосновении с суровой реальностью прежние мечты стали казаться нежизненными и хрупкими. Они начали искать забвения в разного рода увеселениях и развлечениях.

С той поры наше буржуазное молодежное движение утрачивает цель и становится бессодержательным. С внешней стороны все вроде бы в порядке. Союзы объединяются, материальные дела приводятся в порядок, проводятся съезды. Но внутри нет содержания. Этические интересы угасают. Единственным художественным увлечением остаются, пожалуй, певческие хоры — главным образом, благодаря энергичным руководителям».

Кроме моей статьи в этом же номере журнала была помещена статья либерального поэта Ар. А., в которой делалась попытка показать истинные причины бунтарства молодежи, вскрывалась порочная организация системы обучения в эстонской школе.

«Эстонская школа стала учебным заведением, умерщвляющим дух, — говорилось в этой статье. — В этом повинно как министерство просвещения, так и подавляющее

большинство учителей. Никого не волнует проблема будущего нашей молодежи. Министерство, состоящее из партийных карьеристов и неучей, разводит бюрократию, оно лишено инициативы и живого духа; учителя, в большинстве своем являющиеся псевдоучителями, — пекутся о повышении своего жалованья и спекулируют учебниками. Идеино-программная сторона школы еще более убога, чем прежде. Из школьной программы царского времени заимствованы почти все предметы и к ним добавлено множество „отечественных“ — вплоть до изучения эстонских псевдоклассиков и изготовления ножей...

Так живой ум в школе притупляют, из человека делают вещь, которую затем превращают в посредственность, в механического чиновника. Царское самодержавие требовало от школы лишь чиновников; талантливые, живые, инициативные, способные критически мыслить люди были ему не нужны. Его примеру следует и демократическая Эстонская республика...

Но в Эстонской республике немало детей, которые вообще не попадают в среднюю школу, а тем более в университет. У нас немало детей, которые лишены возможности окончить даже начальную школу. Мы жалеем их не столько потому, что они не попадают в теперешнюю школу, сколько потому, что они вообще не имеют возможности получить образование из-за бедности, что они вынуждены пополнять собой ряды эксплуатируемого класса — пролетариата и образуют значительный процент того материала, над которым наша охранка и тюрьмы могут производить свои злодейские эксперименты, если только эта молодежь уже раньше не приносит в жертву многих из своей среды, бросив их в пасть Харкус-кой колонии малолетних преступников».

В рабочей газете «Выйтлус»

Мы с братом получаем работу. — Знакомство с руководителями рабочего движения. — Арнольд Sommerling и другие революционеры. — Красная окраина.

Материальное положение нашей семьи оставалось довольно тяжелым. Чтобы свести концы с концами, надо было лезть из кожи, беречь каждую копейку. И как только мы управились с ремонтом и всем прочим, мы со старшим братом Рудольфом тотчас же начали подыскивать себе работу, которая позволила бы нам одновременно и учиться. Брат получил временное место в статистическом управлении, а когда его оставили там на постоянной должности, он перешел в вечернюю школу. Теперь он мог сам себя содержать. Жить он стал от нас отдельно, снимая угол в какой-то семье — наша квартира была очень мала для всех.

Я по молодости на постоянную работу рассчитывать не мог. После долгих поисков мне представилась возможность работать по вечерам в экспедиции рабочей газеты «Выйт-лус». Газета не была коммунистической, но все же стояла левее сотсовской,^[9] поэтому представляла для меня некоторый интерес. Работа была не трудная, на нее уходило всего три-четыре часа в день, конечно, и платили за нее немного, но на обед хватало и несколько марок оставалось на карманные расходы.

В экспедицию ходило много народу по всевозможным вопросам, а отчасти просто, чтобы помочь ей. Газета была бедная и не имела возможности держать много платных работников, поэтому ей, как теперь говорят, в общественном порядке помогали читатели, рабочие, в первую очередь в разноске газет.

По делам мне приходилось сталкиваться с людьми из так называемого «Рабочего подвала» — средоточия левых рабочих организаций. В подвале городской библиотеки и в двух-трех комнатах наверху нашли приют правления разных профсоюзов, редакция рабочей газеты, стоящей на коммунистической платформе. Там я познакомился с видными руководителями рабочего движения того времени — Яном Темпом, Хендриком Алликом, Паулем Кээрдо, Иоханнесом Лауристином, последний был, кроме всего, редактором журнала молодых рабочих.^[10] Так постепенно завязались у меня знакомство и связи с деятелями левого лагеря рабочего движения. Редакция и организация «Рабочего подвала» были мне по духу очень близки, они громко говорили о тех нуждах, которые выпали и на мою долю, и я

всегда находил там такое же простое, сердечное отношение, какое в свое время встречал в имении со стороны кузнеца.

Примерно к тому же времени относится и моя первая встреча с Оскаром Сепре, Антоном Вааранди, Ольгой Кюннапу^[11] и другими сверстниками, тоже гимназистами, правда, некоторые из них были старше меня года на два. Они уже были связаны с революционным рабочим движением. Ольга Кюннапу являлась активисткой закрытого властями Союза юных пролетариев, Оскар Сепре, пожалуй, лучше других был подкован теоретически.

Особенно большое впечатление производила Вильгельмине Клементи, или уменьшительно Виллу, знакомство с которой относится к тому же времени. Это была юная пролетарка, всей душой преданная делу революции. Когда ее за революционную деятельность исключили из школы, она, не задумываясь, взяла в руки метлу и нанялась уборщицей в порт, чтобы иметь возможность поддерживать связь с эстонскими коммунистами, жившими за пределами страны. Виллу обладала характером негибаемого борца, она и не пыталась мирно ладить с изворотливыми политиками из сотсовской партии, подвизавшимися в рабочем движении. На рабочих собраниях она открыто высказывала сотсам прямо в лицо правду о них. Виллу интересовалась литературой, философией, входила в литературный кружок и часто выступала там на литературных диспутах. Она пользовалась большой популярностью среди не только молодежи, но и взрослых рабочих, которые горячо поддерживали ее пламенные выступления на собраниях. Жилось Виллу нелегко, ей приходилось самой добывать себе на существование и одновременно учиться.

Тогда же я познакомился и с Арнольдом Sommerlingom, который был заметной фигурой среди молодых рабочих, да и не только среди молодых. Арнольд умел оснащать свою речь народным юмором, что делало его весьма популярным в народе оратором. Он уже был коммунистом и по заданию Коммунистической партии работал среди молодежи. В 1920 году он возглавлял Союз юных пролетариев Эстонии. Sommerlinga судили по процессу 115 коммунистов, он получил десять лет каторги, но вскоре был обменен на эстонского белогвардейца и прибыл в Советскую Россию, через два года вернулся в буржуазную Эстонию и включился в нелегальную деятельность Коммунистической партии. Sommerling принял активное участие в восстании рабочих Таллина 1 декабря 1924 года и погиб в неравной перестрелке с полицейскими, окружившими дом, в котором он скрывался.

Встречи с такими людьми, как Вильгельмине Клементи, Арнольд Sommerling и другие, и определили мою жизнь революционера.

Их имена знали на нашей окраине. Население ее было сплошь бедное, настроенное весьма радикально, не зря нашу окраину называли Красной. Во время выборов в Государственное собрание, в Городскую думу почти все голоса отдаваа tvrtmw и опганизации. На нашей окранных работников, проводились конспиративные собрания. Здесь находили убежище подпольщики. На судебных процессах неоднократно фигурировали бедняки с нашей окраины, как «укрыватели коммунистов». Так, старый Лунт и его отец, жившие неподалеку от нас, были впоследствии приговорены к тюремному заключению. Я уже не помню всех имен, но знаю, что еще несколько жителей Красной окраины были посажены в тюрьму за «пособничество» Коммунистической партии. Поистине это была «красная окраина»!

Мои университеты

В Тартуском университете. — Я вступаю в Социально-философское студенческое общество. — Мы советуемся с коммунистами.

Весной 1922 года я окончил Таллинскую мужскую гимназию с довольно хорошими отметками. Хотелось учиться дальше. Брат Руут выбрал юридический факультет. Он, как уже говорилось, работал в статистическом управлении и желал дальше специализироваться в этой области, а статистика изучалась тогда на юридическом факультете. В его решении немаловажную роль играло и то обстоятельство, что учеба на этом факультете не требовала постоянного посещения лекций. Можно было продолжать работать в Таллине, приезжая в Тарту только для сдачи экзаменов. Это его устраивало. В отличие от брата, меня интересовала история, и я поступил в университет, записавшись слушать курс общей истории. Мне сразу понравились лекции, которые читал известный социал-демократ Петер Тарвель. По своему содержанию, методу анализа они были ближе к марксизму, чем лекции какого-либо другого профессора.

Таково было мое первое знакомство с университетом и науками, которые мне предстояло изучать.

В Тарту нас была целая группа левых студентов, с большинством из них я был уже знаком по Таллину. Некоторые приехали в Тарту на год-два раньше, другие — одновременно со мной. В университете я вновь встретился с Оскаром Сепре. Он занимался на юридическом факультете. Там был и Михкель Тульп, юноша из деревни, окончивший в городе среднюю школу, в университете он изучал медицину. Очень скромный, немногословный, он не любил собраний, предпочитая незаметную, будничную работу как среди студентов, так и в пролетарских организациях. Жил Михкель вместе с Антоном Вааранди, они были из одного уезда, друзья детства.

В группе левых студентов была и Ольга Кюннапу (Лауристин), отец которой, революционер, погиб в гражданскую войну под Псковом. Благодаря своему живому темпераменту, умению вести дискуссию Ольга вскоре заняла видное место в среде революционно настроенной молодежи Тарту, а также в женских кружках тартуских рабочих организаций. Вместе с ней жила Мари Рикко из Таллина, дочь довольно зажиточных родителей. Натура пассивная, она под влиянием Ольги Кюннапу

вошла в революционное движение, но активным борцом не стала. Когда ей давали какое-нибудь конкретное задание, особенно если это делала Ольга Кюннапу, она выполняла его.

Было в Тарту много других студентов, с которыми я в какой-то степени общался.

Мы ощущали необходимость в легальной организации кружке, что позволило бы нам собираться открыто, так сказать, официально, не навлекая на себя гонений полиции. Первым делом надо было решить, чем будем заниматься в таком кружке, какие будут его задачи. Самыми просвещенными среди нас были Оскар Сепре, Антон Вааранди и Ольга Кюннапу. К тому же они имели уже некоторый опыт, принимали участие в деятельности закрытого властями Союза юных пролетариев. Сепре был марксистски образован. Посоветовались и с таллинскими коммунистами, с этой целью Оскар тайно встречался с подпольным товарищем. Мы знали, что это один из создателей и руководителей Коммунистической партии Эстонии, член партии с 1906 года.

Начало XX века. Таллин. Здесь проходила конно-железная дорога.

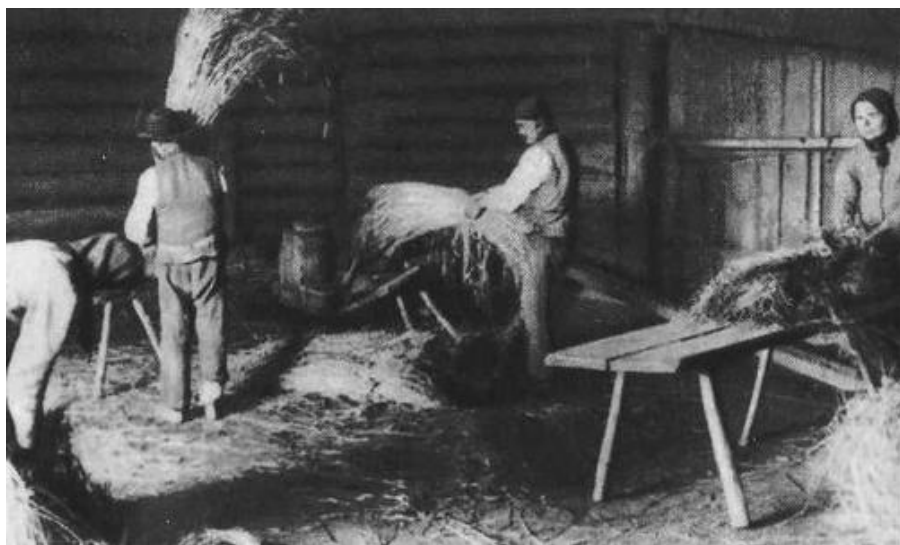
В таких лачугах обитали когда-то рабочие Кренгольмской мануфактуры.

Но и оттуда их выбрасывали улицу по воле хозяина.

Кусочек хлеба — такое «пособие» выдавалось в буржуазной Эстонии безработным. 1927 год.

Так обмолачивали эстонские крестьяне хлеб еще в 1932 году.

«Мозолистые руки города и деревни! Противопоставим эксплуататорам сильные организации классовой борьбы» — с таким лозунгом шли трудящиеся Таллина на первомайскую демонстрацию в 1927 году.

В июне 1940 года пришла долгожданная, завоеванная в боях свобода. Открылись ворота тюрем, где многие годы томились коммунисты.

Сессия Государственной думы Эстонии провозглашает Эстонию Советской Социалистической Республикой. Июль 1940 года.

«На этой сессии, избранный председателем Государственной думы, я выступил с речью». А. Т. Веймер на трибуне 21 июля 1940 года.

24 июля 1940 года на площади Победы Таллина состоялся митинг. Трудящиеся приветствовали провозглашение Эстонии Советской Социалистической Республикой.

В августе 1940 года делегация Эстонии участвовала в работе

сессии Верховного Совета СССР, принявшей Эстонию в состав Советского Союза. Первый ряд: справа налево — И. Варес, И. Лауристин, Н. Руус.

У Мавзолея В. И. Ленина государственные и партийные деятели Эстонии. Слева направо: И. Варес, А. Муй, И. Лауристин, Н. Тихонова, В. Теллинг, П. Кээрдо, Ю. Тельман, И. Ойнас, Вальс, Янсон, Г. Абельс. Август 1940 года.

**«Наконец-то сбылась моя мечта — я стал студентом». Здание
Тартуского государственного университета.**

Июнь 1941 года. Таллин в огне...

Руины, оставленные фашистскими стервятниками в Таллине.

*«Я, как и другие товарищи, был назначен лектором
Центрального Комитета КПЭ». А. Т. Веймер во время
посещения воинской части. 1943 год.*

*Освободителям Таллина... (авторы памятника скульптор
Э. Роос, архитектор А. Алас).*

От мала до велика поднимали из руин таллинцы свой город.

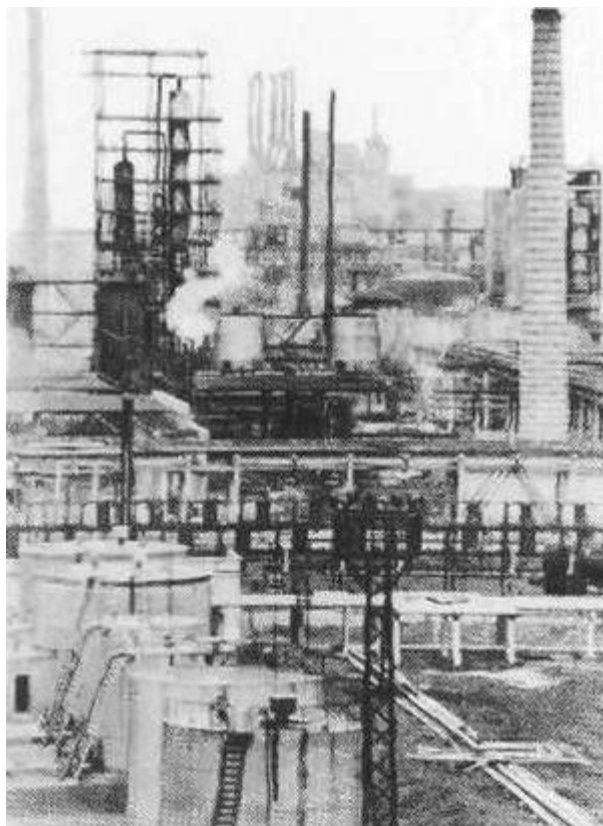
*Восстановление ремонтно-механической мастерской в городе
Выру. Крайний слева А. Т. Веймер.*

А. Т. Веймер (справа) на восстановительных работах. Осень 1944 года.

Полностью механизированы все процессы на подземных работах в шахтах.

*Одно из передовых предприятий республики —
сланцеперерабатывающий комбинат имени В. И. Ленина.*

А. Т. Веймер вручает знамя колхозу — победителю социалистического соревнования. 1948 г.

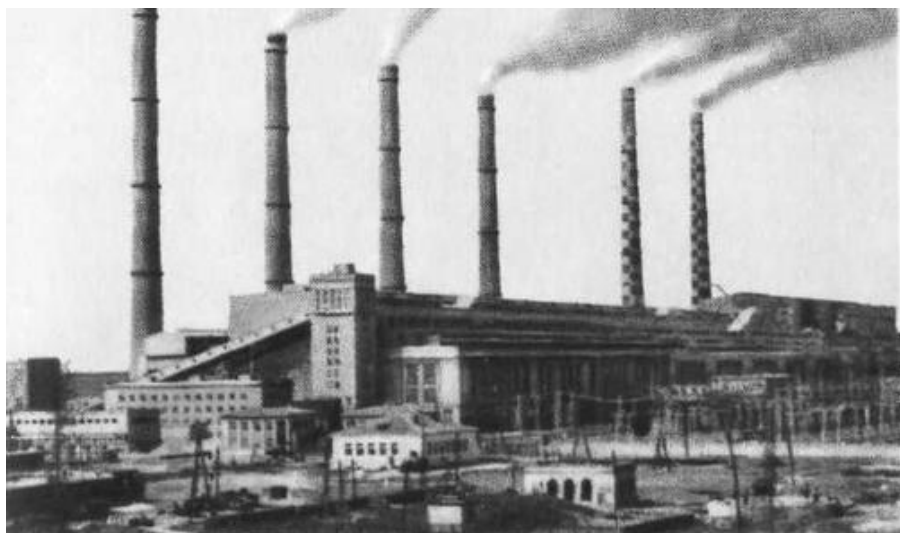
Непрерывно растет производство азотных удобрений на заводе в Кохтла-Ярве.

А. Т. Веймер (второй справа) в одном из колхозов в 1949 году.

Теперь на эстонской земле господствует царь-комбайн.

Прибалтийская ГРЭС — детище представителей всех республик Советского Союза.

Так выглядит пульт управления на заводе «Пунане Кунда».

Тартуский совхоз — один из лучших в республике. Заготовка и подача кормов здесь механизированы.

Породистый скот — гордость эстонских колхозников.

Подпольный товарищ рекомендовал Оскару вовлекать наиболее преданных людей в Коммунистическую партию, создавая в университете небольшие, из пяти человек, ячейки. Он обещал помочь нам революционной литературой, так как получить ее можно было только нелегальным путем. Сочинения Маркса не были запрещены, однако приобрести их в книжных лавках было почти невозможно. Мы просили давать нам литературу на русском и немецком языках: марксистских книг на эстонском языке почти не было. И Кингисепп, и Кангур советовали нам активно сотрудничать в рабочих газетах и журналах, так как работа для печати заставляет общаться с многими людьми, очень развивает, помогает выявить пробелы в знаниях.

Мне было поручено беседовать с членом нелегального Центрального Комитета КСМЭ Владимиром Кангуром. Он поддержал нашу идею о создании общества, сказав, что это очень важно, но также советовал держаться ближе к практике, не увлекаясь голым теоретизированием. Незадолго до этого полиция разгромила ряд рабочих организаций. Было арестовано много активистов, и поэтому особенно важно было привлечь новые силы к участию в революционном рабочем движении, к практической борьбе. Старшие товарищи подсказали нам, какие труды Маркса, Энгельса, Ленина нам надо изучить прежде всего.

После некоторых споров и колебаний было решено назвать наш кружок — Социально-философское студенческое общество. Это скрывало его истинное назначение, вызывало меньше

подозрений.

Общество вызвало большой интерес среди студентов. Его открытые собрания, особенно те, на которых обсуждались общественные проблемы, привлекали довольно много молодежи. В течение двух лет Социально-философское студенческое общество, деятельностью которого руководили члены Коммунистической партии и Коммунистического Союза Молодежи Эстонии, участвовало (во второй раз с общим списком пролетарских студентов) в выборах студенческого совета, представляя свою избирательную программу. После вооруженного восстания рабочих 1 декабря 1924 года общество было закрыто, а его руководители отданы под суд.

Кровавые следы белого террора

Расправа в Изборске. — Ленин восхищается мужеством эстонских рабочих. — Смысл жизни — в борьбе. — На собрании в рабочем доме. — Гибель Виктора Кингисеппа. — Встречи с Хансом Хейдеманом. — Первое знакомство с тюремной камерой.

Наше поколение начинало осознавать себя, свое назначение в годы, когда наиболее острая форма классовой борьбы, какой является гражданская война, сменилась, казалось, мирными формами борьбы. Но так только казалось. Кровь лилась по-прежнему по всей Эстонии. Едва умолкли орудия на фронте, как буржуазия принялась сводить счеты со своим внутренним врагом — рабочим классом. Разразилась настоящая вакханалия белого террора, унося много жертв. Пострадали не только те, кто проявил себя в период революции подлинным борцом, но и просто сочувствующие революции. Последние, полагая, что не совершили ничего противозаконного, не пытались эвакуироваться в Советскую Россию или уйти в подполье, в результате буржуазия не пощадила и их. Чтобы читатель получил хотя бы приблизительное представление об этой кровавой оргии, достаточно сказать, что в период с 1918 по 1925 год в буржуазной Эстонии состоялось 330 политических процессов. И это только те, что зафиксированы официально. А сколько было военно-полевых судов — не счесть! Невозможно назвать и точное число осужденных по политическим процессам, но их были тысячи. Здесь я назову лишь главные акты террора до 1922 года (о более поздних речь пойдет в ходе дальнейшего повествования).

В сентябре 1919 года в древнем русском городе Изборске, захваченном белоэстонцами, были зверски убиты вывезенные сюда из Таллина 25 рабочих деятелей, главным образом делегатов I съезда профсоюзов Эстонии. Это преступление буржуазии заклеил в своем выступлении 3 сентября 1919 года В. И. Ленин в речи на беспартийной рабоче-красноармейской конференции. «...В белогвардейской Эстляндии состоялась беспартийная конференция рабочих профессиональных союзов. На конференции присутствовало 417 делегатов, из них только 33 меньшевика, все остальные большевики! Конференция потребовала заключения мира с Россией. Когда об этом узнали англичане, то представитель их явился на конференцию и предложил свергнуть белогвардейское правительство Эстляндии,

но рабочие в ответ прогнали его и потребовали заключения мира с Россией и возвращения к мирной жизни. Тогда конференция была разогнана. Сто человек было отослано в Россию „искать большевизм“; 26 человек они задержали и намереваются их расстрелять. На такое действие белогвардейской Эстляндии мы ответили воззванием к рабочим и населению их страны, а их правительству мы заявили, что расстреляем всех заложников, которые находятся у нас. А ведь там правительство поддерживалось меньшевиками и эсерами!

Маленькая Эстляндия на своей беспартийной конференции профессиональных союзов дала должный ответ сильной Англии, — Англии, которая грозила нам союзом четырнадцати государств».[12]

В 1920 году в буржуазной Эстонии было 57 процессов, из них самый крупный — «процесс 35 коммунистов» в Таллинском военно-окружном суде. Главные подсудимые — Георг Креукс и Владимир Богданов были приговорены к казни. Но рабочий класс организовал мощный протест и не дал расправиться с коммунистами. В 1921 году состоялось 38 процессов, в том числе «процесс 50 коммунистов» в Тартуском военно-окружном суде.

В 1922 году в Таллине был схвачен руководитель Коммунистической партии Эстонии Виктор Кингисепп, 3 мая военно-полевой суд приговорил его к смерти, Кингисепп был казнен через несколько часов после суда. Это была огромная потеря для эстонского народа. Он лишился твердого ленинца, вся жизнь которого была отдана борьбе за дело революции.

Политическая расправа буржуазии с В. Кингисеппом вызвала глубокое возмущение трудящихся масс не только Эстонии, но и Советской страны. Во многих городах Эстонии состоялись тогда митинги, на которых трудящиеся выражали свой протест. Имя Виктора Кингисеппа, словно боевое знамя, звало рабочий класс к новым революционным битвам.

В Советской стране прошли траурные митинги. Некрологи о В. Кингисеппе были напечатаны в коммунистической печати всего мира.

Тяжелейшим ударом была гибель В. Кингисеппа для Коммунистической партии Эстонии. В результате участились аресты, буржуазия вырывала из рядов борцов новые и новые жертвы.

В мае 1922 года в Таллинском военно-окружном суде происходил «процесс 115 коммунистов». Это была, по существу, расправа над членами коммунистической рабочей фракции Государственного собрания, коммунистических рабочих фракций Таллинской и других городских дум, членами

Коммунистического Союза Молодежи и фабрично-заводских комитетов.^[13]

Подсудимые продемонстрировали во время следствия и на суде свое непоколебимое мужество, убедительно доказали, что обвинение против них состряпано охранкой. И все-таки, несмотря на то, что против них не было никаких улик, большинство было сослано на каторжные работы.

Так буржуазия расправлялась с революционерами. В обстановке кровавой вакханалии любой подонок мог свести личные счеты, достаточно было сказать про кого-либо, что он красный. И по доносу человека бросали в тюрьму. Буржуазия в страхе перед коммунизмом физически уничтожала своего политического противника, рассчитывая таким образом сохранить свое господство.

Разгул белого террора, казни и аресты, трибуналы и военно-полевые суды, «военное положение» — все это было на вооружении буржуазных властей. Однако ничто не могло сломить революционеров. Рабочий класс Эстонии сражался с поразительной самоотверженностью. На место погибших и арестованных вставали новые борцы.

Передовая молодежь ненавидела и презирала буржуазию. Наш разум, наши сердца восставали против жестокости, корыстолюбия, цинизма и тупоумия дорвавшейся до власти буржуазии. Мы ясно сознавали, что с ней невозможны никакие компромиссы, что для нас есть только один путь — борьба, борьба до конца, до полной победы. Борьба рано стала для нас смыслом жизни.

В Тарту, где я тогда жил, резко давали себя чувствовать недавние аресты активных деятелей рабочего движения. Ощущалась острая нехватка в новых людях. У нас было мало опыта, но он возмещался энергией и энтузиазмом.

Мне запомнилось одно собрание в Тартуском рабочем доме, ставшее для меня своеобразным боевым крещением. На собрании выступали лидеры тартуских меньшевиков, кто-то из них, между прочим, заявил по адресу левых: «У вас вообще нет опытных руководителей, у вас все мальчишки, молокососы и простые рабочие, которые на фабрике, возможно, и на своем месте, но в деятели рабочего движения не годятся». Этот выпад меня очень возмутил. И хотя я был тогда совсем еще молодым революционером, потребовал слова и дал оратору отповедь, сказав, что если у нас нет опытных руководителей, так это как раз «заслуга» сотсов, ведь при их содействии совершаются аресты и расстрелы деятелей рабочего движения, ведь сотсы сидят в правительстве, а если даже не сидят в правительстве, то все равно

поддерживают его, игра сотсов в оппозицию — это только дымовая завеса, рассчитанная на обман трудового народа.

Я, видимо, попал в точку, судя по возмущению, с каким сотсы реагировали на мои слова, зато остальным мое выступление понравилось, а сам я, к собственному удивлению, обнаружил, что могу при всех своих скудных знаниях выступать на многолюдных собраниях, принимать участие в открытых дискуссиях.

Вместе с тем это выступление послужило моему сближению с деятелями тартуского левого рабочего движения. Не помню точно, в тот день или несколько позже меня пригласил к себе Ханс Хейдеман. Он наряду с другими видными революционерами входил в «Союз содействия», функционировавший при Социально-философском студенческом обществе. Ханс тогда только что демобилизовался из армии. Это был еще совсем молодой человек, очень приятной наружности, простой и скромный. Во время разговора он внимательно изучал своего собеседника. Выступления Ханса на собраниях были очень деловые, возможно, даже чуть суховатые, но жизнь народа он знал очень глубоко, и поэтому его речи были понятны всем. Люди охотно посещали собрания, если знали, что будет говорить Хейдеман. Хейдеман расспросил меня, кто я такой, откуда пришел и к чему стремлюсь. Я ему рассказал все о себе.

— Значит, мы с тобой люди одной породы, — заметил он, — мой отец тоже арендатор, арендует у государства клочок земли, достаточный лишь для того, чтобы не умереть с голоду.

Ханс спросил, интересуюсь ли я политическими вопросами, что читал в этой области, какое участие принимал в рабочем движении. Я отвечал, что рвусь к политической борьбе, но ни знаний, ни опыта у меня пока нет. Живется трудно, все время приходится думать, где бы подработать на жизнь и как сократить свои расходы.

Через некоторое время мы снова встретились, и Ханс Хейдеман сказал, что у меня есть возможность сократить расходы.

— Вы, очевидно, платите сейчас за квартиру двадцать марок, для бедного человека это немалые деньги. Не хотите ли снять себе комнату в доме, где я живу? И для меня это было бы удобно — рядом будет жить свой человек, которого не нужно опасаться.

Я охотно согласился на это предложение, и переселение состоялось. Дом, правда, находился на окраине, но Тарту — город небольшой, и расстояния там не столь уж велики. Большим преимуществом моего нового жилья было то обстоятельство, что комната была совершенно отдельная. Хозяин дома Виснапуу и вся его семья придерживалась левых взглядов. Их дочь Хильда активно участвовала в рабочем движении, да и сын тоже был

левых убеждений, так что окружение вполне подходящее. Комната имела одно окно — во двор, но зато два выхода: с одной стороны тоже во двор, а с другой, через комнаты Хейдемана, — на улицу. Дом был маленький, чужих мало, и поэтому здесь было удобно проводить собрания нашего Социально-философского общества, поскольку своего постоянного помещения оно еще не имело. Стульев в таких случаях не хватало, мы вносили две-три скамьи, и тогда все могли усесться. Плата за комнату была значительно меньше, что явилось для меня большим облегчением.

Вскоре после этого со мной произошел случай, многому меня научивший. Было это так. В республике в то время остро стоял вопрос о преподавании в школах вероучения, был даже назначен соответствующий референдум. Против преподавания вероучения были все левые партии, и в первую очередь подпольная Коммунистическая партия и ее легальные организации. В связи с референдумом в одном из самых больших залов Тарту состоялось народное собрание. Перед переполненным залом с докладом выступал Александр Янсон. Когда-то он окончил духовную семинарию, а теперь был активным участником рабочего движения. Янсон зарекомендовал себя талантливым оратором. Он очень хорошо знал библию и ее уязвимые места. Аудитория слушала Янсона с удовольствием, особенно когда он разоблачал церковь и церковников.

Мы, небольшая группа юношей, тоже пришли послушать Янсона. Недалеко от нас сидел человек, который все время что-то выкрикивал, мешая этим собранию. Мы несколько раз делали ему замечание, но он не обращал внимания на это, шумел все больше. Тогда мы взяли его под руки и вывели из зала, чтобы доставить в полицию, как нарушителя общественного спокойствия. К нашему удивлению, дебошир не стал спорить и спокойно отправился с нами в полицейский участок. Когда мы вошли туда, он подошел к дежурному и что-то шепнул ему на ухо, после чего они вместе скрылись в соседней комнате. Вскоре появился дежурный и сказал, что мы задерживаемся, как нарушители спокойствия в общественном месте. Несмотря на наши горячие протесты, нас загнали в камеру. Мы были совершенно ошеломлены всем случившимся. В камере горланила пьяная компания. За стеной кто-то громко стучал ногами в дверь и требовал дежурного.

Теперь, через столько лет, многие детали забылись, но общая картина сохранилась в памяти. Она очень напоминала сцену из пьесы Максима Горького «На дне». В полутемном помещении на длинных нарах сидели и лежали люди. Кто-то разговаривал, кто-то молча искал насекомых в рубашке. Наше появление не вызвало

никакого любопытства. Спросили только, за что мы попали. И услышав, как мы влипли, высмеяли нас. Мы чувствовали себя простаками, которых просто околпачили. Ведь тот, которого мы привели в участок, просто шпик, он ловко обвел нас вокруг пальца.

Всю ночь мы провели в камере, утром нас доставили к следователю, который составил протокол «о нарушении порядка». Мы были отпущены до суда. Дело кончилось тем, что суд за недостатком улик признал нас невиновными. Истцом и свидетелем на суде выступал тот, кого мы привели в полицию. Он оказался чиновником политической полиции, прежде служил в Таллине начальником одного полицейского участка, в Тарту его перевели за какое-то упущение по службе. Таким образом мы напали на опытного охранника. Фамилия его была Паас.

Так состоялось мое первое знакомство с тюремной камерой и судом. Но ни меня, ни моих товарищей оно не испугало. По решению руководителей Социально-философского общества мы должны были активизировать агитационную работу. Мы ходили на собрания, которые проводились в связи с референдумом, делали доклады, вступали в дискуссии с церковниками. Это было хорошей политической школой — нам приходилось выступать перед народом, отвечать на вопросы, что, в свою очередь, заставляло основательно изучать дело, обращаться за консультацией к старшим и более опытным товарищам.

Хотя референдум закончился введением в школах преподавания закона божьего, однако в результате его проведения нам удалось стать ближе к массам, а это было очень необходимо. В стране происходил шумный дележ «пирога» между несколькими буржуазными партиями, и надо было раскрыть истинное лицо участников этой «застолы».

Вступление в подпольную партию коммунистов

Решающее событие всей моей жизни. — Наша пятерка. — Иоханнес Силленберг. — Вольдемар Теллинг и другие.

В сентябре 1922 года в Тарту произошло событие, имевшее решающее значение для всей моей жизни. Оскар Сепре и Антон Вааранди предложили мне вступить в нелегальную Коммунистическую партию. Они сказали, что еще в Таллине присматривались ко мне как возможному кандидату в члены партии. Считают, что мое поведение в рабочих организациях Тарту было достаточно выдержанным, партийным, и поэтому они согласны поручиться за меня и дать мне рекомендацию для вступления в КПЭ.

И хотя я уже не мыслил себя вне политической борьбы, столь высокая оценка моей скромной работы была для меня неожиданностью. Я шаг за шагом приближался к партии. Ее цели, насколько я их знал, были мне понятны, ясны, и я был рад бороться за их осуществление в рядах коммунистов. Оскар Сепре сказал мне еще, что в условиях царящего белого террора в стране партия в интересах конспирации отказалась от крупных первичных организаций, а создает небольшие, человек в пять, группы. Мне сообщили, что в нашей пятерке кроме меня теперь состоят Оскар Сепре, Антон Вааранди, Ольга Кюннапу и Мари Рикко. Все они были знакомы мне еще по Таллину. На собраниях группы мы обычно обсуждали очередные задачи Социально-философского общества, работу каждого из нас в той или иной массовой организации.

По заданию Коммунистической партии я вступил в Партию трудящихся Эстонии. Несколько слов об этой партии, о том, как она образовалась. Еще весной 1920 года из эсеров и группы левых социал-демократов, отклонившихся от своей партии, сформировалась Эстонская независимая социалистическая рабочая партия — левая на словах, но мелкобуржуазная по всей своей сути. В партии вскоре возникло левое крыло. Со временем оно набрало силу и в конце концов взяло верх над реформистскими лидерами. Революционные элементы пришли к руководству ЭНСРП. Тогда старые лидеры партии предприняли попытку расколоть ее, за что были изгнаны. После этого создалась новая реформистская партия, названная Независимой

социалистической рабочей партией. А ЭНСРП между тем росла и крепла, превращаясь в массовую революционную партию. Нелегальная Компартия направила в нее своих членов, чтобы усилить ее и ускорить переход на коммунистические позиции. В 1923 году этот переход завершился. В июне 1923 года на своем IV съезде ЭНСРП была реорганизована в Партию трудящихся Эстонии. По существу, это была легальная организация Компартии. Центральный Комитет Партии трудящихся Эстонии состоял в большинстве из коммунистов. Руководящее положение в нем в Тарту занял Ханс Хейдеман.

Между тем политическая обстановка в стране накалялась, события, большие и малые, сменяли друг друга, на каждое из них необходимо было реагировать быстро, и потому работы было много — и организационной, и агитационной.

Только успевай! Я вел тогда работу в южных районах Эстонии.

В тот период я познакомился со многими деятелями рабочего движения, в том числе с Иоханнесом Силленбергом, рабочим имения Садакюла. Еще совсем подростком он включился в профсоюзную деятельность, затем участвовал в первой мировой войне, попал к немцам в плен, до конца войны пробыл в лагере для военнопленных, из которого его освободила ноябрьская революция в Германии. По возвращении домой Силленберг снова включился в рабочее движение. Но вскоре был арестован и по «процессу 115-ти» осужден. Когда Силленберг вышел на свободу, я разыскал его — он находился в имении Садакюла — и предложил ему вступить в Партию трудящихся Эстонии. Силленберг согласился и взялся за сплочение рабочих имения. Биография Силленберга весьма характерна для активных борцов того периода. Он проработал на воле короткое время. В 1924 году, во время январского погрома рабочих организаций, он был арестован и осужден на процессе 149 коммунистов. На этот раз он получил 12 лет каторжных работ.^[14]

Посещая собрания, я познакомился также с Вольдемаром Теллингом, заочно учившимся в Тартуском университете. Выросший в бобыльской семье, в заботах о куске хлеба, он пришел в революционное рабочее движение своим путем, уже будучи учителем Печорской гимназии. С Теллингом мне довелось встречаться и впоследствии, когда он был арестован и приговорен к пожизненной каторге. В Советской Эстонии он долгие годы был секретарем Президиума Верховного Совета...

По решению партии мы выезжали в сельскую местность для установления связей с батраками, снабжали их революционной литературой. Во время этих поездок я также встречался с

интересными людьми. В Выру познакомился с сапожником Тируссоном и столяром Тагелем. Оба были обременены большими семьями, получали за свой труд гроши, настроены они были очень революционно. Вблизи Выру жил «красный бобыль» Паловер, пользовавшийся среди окрестных бедняков большим авторитетом. Общение с людьми из народа наполняло жизнь, укрепляло веру в правильность избранного пути.

Первая заграничная поездка

Мы с Вааранди собираемся в дорогу. — Советы Михкеля Мартны, Густава Суйтса и Яана Томпа. — Два дня в Берлине. — В Вяггитале на земляных работах.

К этому времени относится и первая моя попытка увидеть мир за пределами Эстонии. Ехать мы собрались с Вааранди. Хотелось посмотреть на Германию, где обстановка была накалена до крайности и вот-вот, как мы полагали, вспыхнет пролетарская революция. Газеты сообщали о бурных стачках в Берлине, Гамбурге. Коммунистическая партия действовала в Германии открыто. Увидеть это своими глазами представляло большой интерес. Кроме того, занятия в университете требовали лучшего знания немецкого языка, поскольку часть лекций читалась на немецком. Прельщала возможность попрактиковаться в нем, разговаривая с настоящими берлинцами.

Следовало подумать и о летнем заработке. Лучшие возможности для этого открывала страна с высокой валютой, сделанные сбережения можно было лучше реализовать у себя дома. Подходящей в этом отношении страной представлялась Швейцария. К тому же мы могли «критическим оком» взглянуть на государство, которое расписывали как идеальную демократическую республику, где есть все, «что нужно современному человеку», где люди живут в довольстве, — не страна, а рай. Это было так непохоже на то, с чем мы ежедневно сталкивались в Эстонии!

Швейцария привлекала нас и своей красивой природой: горы, альпийские луга. Мы знали, что в этой стране находил убежище В. И. Ленин и другие видные революционеры-эмигранты. Вааранди питал интерес к Швейцарии и как к родине великого педагога Песталоцци.

Ни у Вааранди, ни у меня денег на поездку не было. Стали подсчитывать, сколько нам потребуется на оплату дороги, на иностранный паспорт. В Швейцарии мы решили поступить куда-нибудь чернорабочими, других видов на существование там у нас не было. Мы навели справку, во что обойдется нам дорога. Оказалось, что дешевле всего ехать через Германию, там летом 1923 года была в разгаре острая инфляция, немецкая марка обесценивалась, в сравнении с ней эстонские деньги были высокой валютой. Железная дорога в Германии, естественно, не

могла каждый день менять тариф, марки падали, а стоимость проезда какое-то время не менялась. Но удастся ли найти работу в Швейцарии? Решили собрать информацию у тех, кто там бывал.

Первым делом мы с Вааранди отправились к известному социал-демократу Микхелю Мартна. Это была по-своему колоритная фигура. Путь Мартны в рабочем движении сложный и довольно извилистый. До первой мировой войны он колебался между большевиками и меньшевиками. Много лет жил в Швейцарии, где встречался с Лениным. В годы мировой войны занимал интернационалистическую позицию, хотя и не последовательную. Вернувшись в 1917 году в Эстонию, Мартна присоединился к социал-демократам (меньшевикам), сотрудничал, как и другие лидеры Эстонской социал-демократической рабочей партии, с национальной буржуазией, но и критиковал своих товарищей по партии за участие в белом терроре, забвение интересов рабочего класса, продажность и т. п.

Старик, услышав, что мы не боимся работы, согласны добывать себе в Швейцарии средства к жизни физическим трудом, сказал: кто не боится работы, тот, несомненно, может пожить в Швейцарии. Там в строительстве в очень широких масштабах используется труд иностранцев. Мартна добавил, что может порекомендовать нас соответствующему учреждению. Что касается социального страхования — это на случай, если нам понадобится пособие, — то там оно организовано идеально, а жизненный уровень в Швейцарии очень высокий. Мы знали, что Мартна идеализировал Швейцария, считая ее образцовой демократической республикой, и делали скидку на это. Но все-таки мы поверили, что ехать можно. Мы сказали Микхелю, что ни на чью помощь не рассчитываем, но в чужом месте все же надо знать, куда обратиться за получением работы. Мартна обещал через два дня дать нам письмо к швейцарскому знакомому, что и сделал.

Мы связались также с профессором Тартуского университета Густавом Суйтсом, который длительное время жил за границей, имел представление о тамошних условиях. Профессор, выслушав наши планы, проявил меньше оптимизма, чем Мартна. Но высказал предположение, что два молодых человека, не боящиеся работы, без семьи, к тому же немного знающие немецкий язык, могут в Швейцарии найти работу. Он тоже дал нам письмо к эмигрировавшему много лет тому назад из Эстонии социал-демократу Александру Кесккюла. Густав Суйте, правда, был не очень уверен в правильности адреса, но полагал, что в адресном столе мы всегда сможем его уточнить. Во всяком случае, он твердо знает, что Кесккюла живет в Швейцарии, в городе Цюрихе.

Кроме того, я обратился к Яну Томпу. Это был один из самых крупных и авторитетных в стране деятелей левого рабочего движения. Я рассказал Томпу о наших планах. Обычно немногословный, но благожелательный, он увидел положительную сторону предполагаемого путешествия еще и в том, что есть возможность вступить в контакт с Коммунистической партией Германии. А это весьма важно, поскольку дальнейшая судьба Эстонии в большой степени зависит от «второго издания» германской революции. В Германии обстановка в высшей степени грозная, может быть, даже революционная. Он дал нам адреса нескольких немецких товарищей и порекомендовал писать в эстонскую рабочую прессу, заметив, что материально это даст нам немного, но для газеты наша информация будет весьма интересна. Со своей стороны, Томп обещал сделать все, чтобы наша поездка была успешной. Я поблагодарил его и обещал писать в рабочую газету и действительно послал две или три корреспонденции как из Германии, так и из Швейцарии.

Летом 1923 года мы с Вааранди отправились в путешествие. На пароходе доехали до Германии, а оттуда по железной дороге — до Швейцарии. В Берлине остановились всего на два дня. Мы попали туда в очень тревожное время: Франция тогда только что оккупировала Рур, и вся Германия бурлила. На улицах происходили демонстрации. Однако нас все же несколько удивила малочисленность их участников. Демонстрации таллинских рабочих против немецких оккупантов в октябре — ноябре 1918 года производили куда более мощное впечатление. Может быть, такое впечатление создавали узкие улицы Таллина, на которых толпа казалась более многочисленной, чем на широких аллеях Берлина. Когда мы высказали свое удивление немецким товарищам, они ответили, что не стоит делать поспешных выводов, главная борьба происходит на предприятиях, там решается судьба революционного движения.

У нас не было ни возможностей, ни времени оставаться в Берлине дольше, через два-три дня мы выехали в Цюрих. Там сразу взялись за поиски работы, так как наши кошельки были уже почти пусты. С письмом Михкеля Мартны мы отправились к его знакомому. Он выслушал наши желания и, услышав, что мы согласны выполнять любую физическую работу, сказал, что это можно устроить. Как мы поняли, он был чем-то вроде заведующего отделом учреждения. Неподалеку от Цюриха, в Вяггитале, сказал он, строится электростанция, сейчас там ведутся земляные работы и нужны люди. На строительстве

работают, главным образом, итальянцы и испанцы. И если к ним присоединятся два эстонских парня, будет хорошо. Знакомый Михкеля угостил нас чаем. Судя по квартире и обстановке, он был довольно состоятельным. Приветлива была с нами и его жена. Желая нас ободрить, она сказала, что ее муж хороший организатор и мы можем не беспокоиться, он наверняка уладит наше дело. Так началось наше первое знакомство с жизнью Швейцарии.

В тот же день мы выехали в Вяггиталь. От железнодорожной станции до строительной площадки, где возводилась гидроэлектростанция, оказалось недалеко. Мы направились в контору. Нас даже не спросили, какую работу мы хотели бы получить, и послали расчищать склон горы от кустарника. Плата — франк в час, работа в две смены: одну неделю — ночью, другую — днем. Продолжительность рабочего дня — одиннадцать часов с часовым перерывом на обед. В тот же вечер мы должны были явиться к десятнику. А пока нас направили в барак, где за нами закрепят койки.

Барак оказался совсем пустой. Но вскоре появился комендант, поразительно похожий на кайзера Вильгельма: с такими же закрученными усами, с выправкой немецкого фельдфебеля. Он взял у нас направления и указал койки. Потом «фельдфебель» критически осмотрел нашу обувь и сказал, что такая не годится. Нужны горные сапоги с железными подковами. Нам их выдали на складе, в рассрочку. На наш взгляд, сапоги были очень дороги. Комендант указал нам также, где столовая, и предупредил, что все дела, касающиеся бытового устройства, надо вести через него. Но, заметил он, в бараке есть все, что нужно, и он не предвидит с нашей стороны никаких просьб.

Был уже вечер, мы отправились в столовую, где по талонам получили еду. На ужин, а утром мы узнали, что и на завтрак, давали булку, чай, иногда к булке добавляли кусок сыра, который рабочие уносили с собой. Прямо из столовой мы пошли к месту работы. Десятник показал нам сарай, где нам выдали лопату и кирку. Инструмент нас не обрадовал — вид у него был довольно замызганный, черенки шатались. Ничего хорошего это не сулило: и норму не осилишь, и нервы себе потреплешь. Уже стемнело, зажглись электрические огни, и отведенный нам участок на склоне горы был хорошо освещен.

Строительство только разворачивалось. Предстояло, как мы это узнали со временем, соединить два склона гор железобетонной плотиной, которая станет подпирать скопившуюся за весну воду — она стекала с гор. От плотины вода пойдет вниз, где поставят здание электростанции. Рабочих на

строительстве было с тысячу. Машин не имелось — лопата да вагонетки, все делалось вручную.

Мы с Антоном принялись за работу. От физического труда мы несколько отвыкли, всю последнюю зиму им не занимались. Как и следовало ожидать, от плохих лопат на ладонях у нас появились волдыри. Вскоре мы стерли руки до крови. Работать стало еще труднее. Впервые в жизни я заметил, какой длинной бывает ночь, когда занимаешься таким тяжелым трудом! Язык присыхал к небу, мучила жажда, воды же питьевой взять было негде. Да у нас и не было с собой бутылки или другой посуды. Когда мы спросили у соседей, где тут напиться, те ответили, что скоро принесут чай.

Вскоре наше внимание привлек десятник, стоявший внизу, в долине, и пристально смотревший вверх. Очевидно, он наблюдал за нами, новичками, за кем же еще? Чем дальше, тем сильнее болели руки и мучила жажда. А тут еще десятник торчит — нашел за кем следить... Озлившись, мы стали работать медленнее, выжидая, что за этим последует. Но тут появился мальчик с ведром чая. Каждому налили по кружке. Чай был крепкий, и мы почувствовали себя бодрее, для этого и давали его, чтобы отогнать сон и взбодрить рабочих.

Кое-как мы выдержали до утра. Наконец загудела сирена, и сразу все заторопились, причем в одном направлении. Мы не знали, в чем дело, и, до предела усталые, шли не очень быстро, но другие рабочие стали нас подгонять: вам что, жизнь не дорога, ведь сейчас скалы начнут взрывать! Услышав такое, мы затрусили быстрее, успев вовремя укрыться под специально построенным для этого навесом. Раздался грохот, другой, третий, и по навесу застучал каменный град. Когда каменный ливень утих, рабочие пошли в столовую и принялись за еду. Обед состоял из тушеной говядины с макаронами, все это было залито какой-то сладкой подливкой, похожей на компот. Сначала нам это блюдо не понравилось — одновременно и соленое и сладкое. Выбирать было нечего, вот твоя порция: хочешь — ешь, не хочешь — не ешь. Но голод есть голод. Потом привыкли к этой пище. Еду давали по талонам. Строительная фирма платила рабочим заработную плату. Причем, кому сколько полагалось, знал только рабочий и фирма. Из жалованья вычитали за питание. Фирма никому не давала отчета ни в цене, ни в качестве пищи. На руки рабочий получал незначительную сумму, которой хватало на карманные расходы и, может быть, на обратный путь.

Если рабочему удавалось что-нибудь сэкономить из жалованья, это как-то само собой уходило на пиво, оно продавалось везде, и рабочие употребляли его в большом

количестве. Таким образом заработанные на строительстве деньги оставались у фирмы. Поскольку нам приходилось думать об обратной дороге, о том, чтобы сэкономить соответствующую сумму, мы воздерживались от пива и от других мелких расходов.

Такой оказалась эта страна — государство хваленной демократии. Нас поразили разобщенность рабочих, отсутствие профсоюза. Не было и никакого коллективного договора, никакого тарифа, все условия труда были засекречены, все основывалось на одной устной договоренности между фирмой и рабочими: хочешь — бери работу, не хочешь — не бери, денег нет — твое дело, не на что домой уехать — тоже твое дело. Таким образом каждый рабочий стоял один на один с фирмой, и как бы он ни доказывал свою правоту, в случае конфликта всегда побеждала фирма.

Теперь когда я вспоминаю свое пребывание в Вяггитале, то прихожу к выводу, что распределение рабочих по баракам тоже преследовало цель по возможности разобщить их, разъединить даже земляков. Так, у нас в бараке жили греки, итальянцы, один испанец. В один барак селили людей с разных участков и смен. Таким образом даже крыша не объединяла людей, они редко бывали вместе. Кроме того, в бараках распоряжались бывшие фельдфебели, унтер-офицеры, которые старались насадить там казарменные порядки. В столовой, которая была таким же обширным бараком, только со столами и скамейками, рабочие не могли спокойно поговорить, обсудить свои дела. Здесь одновременно помещалось человек сто, и всегда стоял адский шум. Большинство рабочих составляли очень темпераментные итальянцы, их голоса, вернее, крики преобладали над всем. Могло даже показаться, что итальянцы тут господствуют, задают тон. Но это было совсем не так. Все руководящие позиции на строительстве были в руках немцев, младшие и средние командиры, специалисты (электрики, механики, слесари и прочие) были также немцы. Они держались особняком, не смешивались с другими рабочими. Самих швейцарцев, казалось, было совсем немного.

Итальянцев использовали главным образом в качестве землекопов, чернорабочих. Много было и испанцев. Те и другие из-за сильной безработицы в своих странах были вынуждены искать работу на чужбине. В итальянцах поражала их слабая политическая сознательность. В Италии тогда у власти уже были фашисты, но итальянцы, работавшие на стройке, не понимали сущности фашизма. И даже обижались, когда мы нелестно отзывались об их «дуче». Об Эстонии они вообще ничего не знали.

Слышали только, что это бывшая российская губерния. Но о том, что в России победили рабочие и крестьяне, они знали. Об Эстонии они нас не расспрашивали, в Вятгитале вообще не было принято спрашивать. Кто ты, откуда — по молчаливому уговору это считалось темой, которой касаться не следует. Более близкому знакомству мешал и языковой барьер.

Испанцы бросались в глаза своеобразием своей одежды. К обычному мужскому костюму у них добавлялся красный пояс, возможно, из бумажной материи, шириной примерно в полметра и длиной метров в десять. В этот пояс испанец закручивался с удивительной легкостью и даже грацией, иногда за поясом хранился нож. Испанцы были гораздо тише итальянцев, менее общительны. Разговаривать с ними было труднее, так как испанский язык мы совсем не понимали. Мы не понимали и итальянский, но итальянцы все же немного лопотали по-немецки или по-французски, и с ними как-то можно было объясниться.

В стране хваленной демократии

«Зачем вы приехали в Швейцарию?» — Ни франка за дни болезни. — Встреча с А. Кескюла в Цюрихе. — «Гражданин всего мира». — Путешествие в горы. — Знакомство с Эдуардом Хельсингом. — Нас выдворяют из Швейцарии. — Снова на Красной улице.

Прошло немного времени, и мы с Антоном пришли к выводу, что для землекопа хваленая Швейцария ничем не отличается от Харьюмааского или какого-либо другого уезда Эстонии.

Вскоре нам пришлось столкнуться и с пресловутой швейцарской демократией. Я уже говорил, что в течение последней зимы мы с Антоном мало занимались физическим трудом. Наш организм в известной степени ослаб и для такой тяжелой работы изо дня в день был недостаточно подготовлен. Особенно если учесть продолжительность рабочего дня и довольно суровые условия труда. Одним словом, через некоторое время у нас распухли суставы рук. На строительстве был свой фельдшерский пункт, и там нам выписали освобождение от работы. Ни франка за дни болезни не платили. На наш вопрос, на что же мы будем жить в эти дни, фельдшер пожал плечами и посоветовал обратиться в контору. Там чиновник учинил нам форменный допрос: с какой целью студенты приезжают в Швейцарию и берутся за грязную физическую работу? Что за республика эта самая Эстония, какие у нее отношения с Советской Россией, не даны ли нам кем-нибудь специальные задания? Мы ответили, что приехали в Швейцарию заработать денег и с этой целью поступили на работу. Что собою представляет Эстонская республика и в каких отношениях она с Советской Россией, не наше дело объяснять, за этим следует обратиться в соответствующее учреждение. От себя мы добавили, что удивлены отсутствием в их стране профсоюза, через который можно было бы наладить выплату пособий по социальному страхованию.

Служащий помолчал немного и вышел, как видно, посоветоваться с начальством. Вернувшись, он сказал, что по закону фирма не обязана выплачивать иностранцам пособие по болезни. Но, учитывая наше безвыходное положение и то, что мы направлены на строительство службой труда, они в принципе согласны выплатить нам пособие, но только с ведома службы труда. Поэтому мы вынуждены были поехать в Цюрих, к

работнику, дававшему нам направление.

Через некоторое время нам назначили пособие по болезни. Кажется, оно составляло 50 процентов нашего дневного заработка.

В Цюрихе мы попытались по письму Густава Суйтса найти Александра Кесккюла. Адреса его Суйте в точности не знал, посоветовав обратиться в адресный стол. Мы так и сделали и, получив адрес, отправились к «земляку». Несколько слов об Александре Кесккюла. Он был родом из Тарту, из довольно состоятельной семьи, но принимал активное участие в революции 1905 года, примыкая к левому крылу социал-демократической партии. После поражения революции уехал за границу.

Нам повезло: Кесккюла мы застали дома. Жил он в хорошей квартире, обставленной стильной и, как нам показалось, дорогой мебелью. Хозяин был одет «с иголки», имел весьма холеный вид. Он тут же прочитал письмо Густава Суйтса и, к нашему удивлению, произнес одно-единственное слово: «Подонок!», относящееся, несомненно, к автору письма. Заметив наше недоумение, Кесккюла спросил, в каких мы отношениях с Густавом Суйтсом и вообще кто мы такие и что нам надо в Швейцарии. По-эстонски он изъяснялся совершенно чисто, без акцента и, как нам показалось, располагал достаточно богатым запасом слов. Мы с Вааранди рассказали, кто мы, каковы наши политические взгляды и зачем приехали в Швейцарию. Кесккюла слушал нас с явным любопытством и, прервав, заметил, что для органов безопасности швейцарского государства, несомненно, большая неожиданность, что иностранные студенты приезжают в их страну в качестве строительных рабочих. Неожиданность с вопросительным знаком. Они, продолжал хозяин, несомненно, считают нас агитаторами, подосланными Советской Россией или еще кем-нибудь в том же роде. Особенно этот костюм — Кесккюла указал на мою одежду — здесь явно должен казаться необычным и вызывать удивление. На мне была блуза из черного сатина, какие когда-то носили в России левые студенты — социал-демократы. Я, конечно, носил ее не из политических соображений, а потому, что она стоила дешево, была мне по карману.

Кесккюла выразил уверенность, что нам запретят здесь работать и выставят из страны — это вопрос времени. Швейцария выглядит очень демократической страной, но здесь ненавидят коммунистов и стараются от них избавиться. Сочтя эту тему исчерпанной, он перешел к другой, обрисовав нам положение в Эстонской буржуазной республике. Слово «подонок» было у

Кесккюла в ходу. Им он называл и руководящих деятелей Эстонского буржуазного государства. Он подробно объяснил нам свою позицию, сказав, что хотя сам родом из Эстонии, но не принял ее подданства. Находясь в принципиальной оппозиции ко всем деятелям буржуазной Эстонии и будучи лицом без подданства, так сказать, гражданином всего мира, он направил два меморандума: один — президенту Соединенных Штатов Америки, другой — в Лигу наций. Кесккюла показал нам копии, объяснил в них, что не желает быть подданным буржуазной Эстонии в знак протеста против царящего там белого террора, который никак не согласуется с общепринятыми демократическими нормами.

По словам Кесккюла, он вошел в Лигу Наций с рекомендацией о выдаче лицам, подобным ему, международного паспорта. В своем меморандуме на имя президента Соединенных Штатов Америки он описал положение в буржуазной Эстонии, подчеркнув, что создание карликовых государств вообще есть шаг назад в истории человечества. Карликовые государства лишены возможности независимого экономического и политического существования, поэтому они и применяют такие недопустимые в цивилизованном мире формы борьбы, как террор. Подобное образование нельзя признать нормальным государством. Под влиянием его меморандума Соединенные Штаты Америки якобы и не признали до сих пор Эстонскую буржуазную республику де-юре. Кесккюла сказал нам, что является решительным противником буржуазной Эстонии и не намерен в ближайшее время менять своей позиции.

Из этих и некоторых других высказываний Кесккюла у нас создалось впечатление, что мы имеем дело с весьма знающим человеком. Кесккюла не скрывал, что у него высокое мнение о своей персоне, как исключительной личности. Прощаясь, Кесккюла выразил желание еще раз встретиться с нами, обещал познакомить нас с одним революционером — выходцем из Эстонии, работающим сейчас печатником. Мы согласились.

Постепенно мы узнавали Швейцарию, начиная от номеров в чистеньких гостиницах с благочестивыми библейскими стихами на стенах и кончая поистине прекрасными горными ландшафтами. Страна очень красивая, своеобразная и интересная. Нам, выходцам из деревни, хотелось познакомиться с швейцарской деревней. Решили сделать это в одно из ближайших воскресений, воспользовавшись обычным туристским маршрутом. Мы пустились в путь рано утром. Прошли поселок, который, по нашим понятиям, был деревней, архитектура домов была весьма

своеобразной — нижний этаж представлял собою хлев и рабочее помещение, второй был жилым. Такие деревянные дома в немецкой Швейцарии преобладали. Поселок производил впечатление мирного селения с веками установившимся укладом жизни. Кругом чистота, люди подтянутые, сдержанные, услужливые, особенно по отношению к туристам, которые приносили местным жителям кое-какой заработок.

Мы довольно бодро шагали в гору. Дорога временами как бы поворачивала назад, шла отлого, потом снова устремлялась вперед и ввысь. Идти так легче, зато к цели приближаешься слишком медленно. К обеду мы поднялись всего метров на девятьсот. Здесь среди лугов стоял домик пастуха. В нем, по-видимому, жила переселившаяся на лето в горы крестьянская семья. В центре дворика, окруженного деревянной изгородью, грелась на солнце свинья. Прислонившись к ней, спали двое ребятшек годиков двух-трех. Они были немногим чище, чем их соседка. Мы вошли в домик, скорее, в хижину. Пол в ней оказался земляным, большую часть помещения занимал очаг, над которым висел большой котел, очевидно, для варки сыра. Обстановка в комнате была бедная — стол, скамейки из грубых досок, но довольно чисто. На стенах висели большие тарелки. На наш вопрос, нельзя ли получить молока, хлеба, сыру, нам ответили, что можно. И тогда из другой двери появилась девушка лет двадцати. Она была в брюках и не отличалась красотой, а также чистотой рук. Она принесла нам молоко в жестяном штофе, хлеба, сыру и масла, поставив все на стол. Мы, сильно проголодавшись, набросились на еду. Наливая молоко, мы увидели на дне штофа то ли грязь, то ли коровий навоз. У нас сразу отпала охота допивать молоко, хоть оно и было вкусное. Мы быстро расплатились и ушли с мыслью, что в образцовой Швейцарии, столь любезной сердцу Михкеля Мартны, жизнь трудового человека одинаково тяжела и в городе, и в деревне...

Антон Вааранди все мечтал познакомиться с новейшими достижениями швейцарской педагогики. С этой целью он решил съездить в Цюрих. Заодно он хотел узнать, состоится ли обещанная Кесккюла встреча с эстонцем-печатником. Поездка состоялась. Вааранди сообщил мне, что о швейцарской педагогике ему стало известно столько, сколько ему, как иностранцу, сочли нужным рассказать.

Между тем наша любознательность, как видно, обратила на себя внимание фирмы. В беседах с рабочими мы говорили, что отсутствие профсоюза укрепляет монопольное положение фирмы, отдает рабочих в ее полную власть. И вот однажды нас известили,

что мы должны явиться в полицейский участок. Полицейского на месте не оказалось, и пришлось идти к нему домой. Нас встретил уже пожилой человек в штатском. Он заявил, что на основании соответствующего закона Швейцарской республики нанимать нас на работу запрещено. Это же было вписано красными чернилами в наши паспорта, которые у нас отобрали еще раньше. Мы стали протестовать, но полицейский только пожал плечами и вручил нам паспорта, заявив, что остальное его не касается.

Мы собрали вещи, получили расчет и, подсчитав свою наличность, пришли к выводу, что на эти деньги сможем купить билет до дому. В Швейцарии мы пробыли почти месяц.

В Цюрихе мы отправились к Александру Кесккюла и все ему рассказали. Он, как обычно, поругал власти, соединился с кем-то по телефону, а закончив разговор, сказал, что мы можем сейчас идти к его приятелю, тот дома. Из-за конспирации Александр Кесккюла велел нам выйти из дома позже его и на улице держаться за ним на расстоянии видимости.

Мы подошли к небольшому дому, поднялись на мансарду, где занимал комнату Эдуард Хельсинг. Выходец из Эстонии, бывший революционер, он после поражения революции 1905 года и блужданий по белу свету в конце концов осел в Швейцарии, поступив здесь в типографию. Как он объяснил, квартиры в Швейцарии дороги, жизнь тоже дорогая, безработицы вроде бы нет, но, если потеряешь работу, новую найти не просто, даже специалисту. Положение трудящихся нелегкое, особенно трудно рабочим, которым надо содержать семьи. Одним словом, в Швейцарии рабочему живется не лучше, чем где бы то ни было. Иностранные изделия сильно конкурируют с местными, сбивают цену. Часовая промышленность, в которой преобладает ручной труд, правда высокой квалификации, ведет упорную борьбу за свое существование. Владельцы предприятий перекладывают убытки на плечи рабочих, снижая заработную плату. Поскольку рабочие организованы не очень хорошо, а в отдельных отраслях промышленности даже совсем плохо или вообще не организованы, то, конечно, капиталистам это сходит с рук. Все это совпадало и с нашими впечатлениями о Швейцарии.

Мы рассказали Хельсингу свою историю, достали паспорта и показали сделанные в них полицией надписи. Кесккюла был страшно зол, реагировал на это очень темпераментно.

— Вам вписывают в паспорт черт знает что, и вы смиряетесь! — возмущался он. — По этой записи можно подумать, что вы жулики, этот паспорт нельзя нигде показать без того, чтобы не вызвать подозрений.

Кесккюла заявил, что мы не должны были принимать такие

паспорта, посоветовал заявить протест начальнику полиции кантона и просить его оставить нас в Швейцарии.

Наше обращение к начальнику полиции кантона кончилось тем, что нам выдали бумагу, в которой было сказано, что нам запрещено пребывать в Швейцарии по той причине, что мы, будучи иностранцами, якобы поступили на работу без разрешения.

На прощание мы еще раз встретились с Хельсингом. Он передал для своей старой матери удививший нас «подарок» — мужские носки, да и те заштопанные. Прибыв на родину, мы передали вещи по адресу. У бедной старушки потекли слезы, когда мы сказали, что эти носки ей прислал сын.

Итак, мы пустились в обратный путь снова через Германию. Вопреки предсказаниям Кескюла никто к нашим паспортам не придирался. Оказавшись в Штеттине с билетом на пароход, мы почувствовали себя спокойно и уверенно. В Штеттине в универсальном магазине купили себе кое-что из одежды, чтобы снять ту, в которой работали на строительстве, и выглядеть приличнее.

Когда я переступил порог дома № 21 по Красной улице, то увидел отца, который сидел у стола, сжав голову руками. Услышав мои шаги, он сразу повеселел:

— Ну, здравствуй. Хорошо, что вернулся. Я уже думал, что не дождусь тебя. Столько дел по хозяйству, а силы-то нет. Теперь все лучше пойдет.

На следующий же день мы приступили к уборке сена. Весь август 1923 года я жил дома, возобновив городские знакомства, а в начале сентября надо было возвращаться в Тарту, тем более что я получил из «Рабочего подвала» весточку — меня там ждали для переговоров о работе. Перед отъездом я встретил Альму Ваарман, энергичную юную пролетарку, очень популярную среди молодых рабочих. Она сунула мне в руки пачку журналов, поручив отвезти их в Тарту для распространения среди молодежи.

В Тарту меня ждало предложение Ханса Хейдемана занять место партийного организатора по Петсеримааскому, Вырумааскому, Валгамааскому уездам. Та же партийная работа, которую я вел до сих пор, но только вести ее надо систематически, изо дня в день. Я согласился.^[15]

Единый фронт

Новые задачи. — Двенадцать требований Единого фронта. — Аграрная проблема. — Дележ «золотого теленка». — Что представляла собой промышленность буржуазной, Эстонии. — Государственная власть и спекуляции.

Только приняв предложение стать организатором нелегальной Коммунистической партии в трех уездах южной Эстонии, я понял, насколько серьезную задачу взял на себя. Даже сейчас, почти полвека спустя, я отчетливо помню, с каким волнением я думал о предстоящей работе, о том, с чего начать. Я хотел добраться до сути политической жизни, узнать умонастроение трудящихся и, сообразуясь с этим, определить свои действия.

Состоявшиеся в мае 1923 года выборы во второе Государственное собрание убедительно показали, что, несмотря на разгром рабочих организаций, происшедший за год до этого, несмотря на убийство незадолго до выборов кандидата рабочих Яана Креукса,^[16] Единый фронт трудящихся получил все же 10 процентов всех голосов. И это при условии, когда в двух крупнейших пролетарских районах — Таллине и Вирумааском уезде вместе с Нарвой — буржуазные власти аннулировали избирательные списки Единого фронта. Результаты выборов продемонстрировали популярность требований Единого фронта, убедительно показали, что, несмотря на террор и гонения, революционный дух в народе не сломлен.

Приближались выборы в местные самоуправления. Ханс Хейдеман подсказал, что всю агитацию в связи с выборами надо вести вокруг 12 требований Единого фронта, раскрыть народным массам их содержание и значение, вызвать у масс желание и решимость бороться за претворение их в жизнь. Сила 12 требований состояла в том, что они отражали интересы не только узкого слоя рабочих города и деревни, но и всех бедняков. С этой программой можно было идти и в те слои трудового люда, которые еще не созрели для восприятия революционных призывов. Платформа Единого фронта была близка и понятна и им. Я взял все советы Ханса на вооружение.

Прежде всего попытался разыскать в волостях активистов, уцелевших после разгромов, установить с ними связь, вновь вовлечь их в агитационную работу, в подготовку предвыборных

собраний. Это было нелегким делом, ведь никаких транспортных средств у рабочих организаций не было, активисты двигались от хутора к хутору пешком, на что уходило много времени.

Не везде активистов было достаточно. Я попросил Ханса Хейдемана помочь развернуть предвыборную работу в Валгмааском, Вырумааском и Петсеримааском уездах, направить сюда из Тарту членов Социально-философского общества, активистов Центрального совета профсоюзов. Хейдеман обещал помочь.

В чем же заключались 12 требований, которые нам нужно было пропагандировать?

Первое. Установить минимум заработной платы рабочего, достаточный для достойного существования.

Это требование не было новым. Уже сразу после Февральской революции вопрос о минимуме зарплаты остро выдвигался рабочими, исполком Таллинского Совета рабочих и военнотружеников депутатов неоднократно возвращался к нему. Так, 14–15 марта 1917 года этот вопрос был поднят рабочими старостами завода «Двигатель», и тогда же было признано необходимым установить минимум заработной платы и считать два с половиной часа сверхурочной работы за половину рабочего дня. Кроме того, было решено, что жалованье рабочим старостам и простой по вине администрации оплачивает фабричное управление.

16 марта 1917 года совет рабочих старост фабрики Лютера на своем заседании выдвинул требование, чтобы при сокращении рабочего дня до восьми часов заработная плата не снижалась, чтобы минимум заработной платы выводился из средней за последние три месяца. 17 марта таллинская домашняя прислуга потребовала, чтобы ей установили 12-часовой рабочий день, предоставили день отдыха, повысили жалованье и оказывали бесплатную врачебную помощь. Как видим, домашней прислуге даже после революции приходилось бороться за 12-часовой рабочий день. Нарвские рабочие 18 марта 1917 года выдвинули требование, чтобы женщинам за одинаковый труд платили столько же, сколько мужчинам.

Таких примеров можно было бы привести еще множество, но содержание их будет одно: рабочие всюду настаивали на определении минимума заработной платы.

Второе требование заключалось в введении государственного страхования на случай безработицы, а для женщин — по беременности и родам. В наши дни такие меры социального обеспечения трудящихся кажутся элементарными, они давно

распространены на всех работников. В буржуазной Эстонии социальному страхованию подлежали только государственные служащие и весьма небольшое число рабочих. В этом требовании, хотя в условиях буржуазной Эстонии оно и носило радикальный характер, не было ничего противогосударственного, поскольку социальное страхование в той или иной мере осуществлялось даже во многих буржуазных странах. Требование социального страхования было весьма популярно среди рабочего класса, и включение его в платформу Единого фронта, естественно, привлекало к этому движению массы трудящихся.

Третье требование: предоставление государством и самоуправлениями приличных квартир рабочим, батракам и домашней прислуге, а мелким земледельцам — бесплатных материалов для возведения построек; уволенным из имений рабочим предусматривалось предоставление земли для постройки жилищ, бобылям и арендаторам — права продолжать жить на земле хутора, имения или на государственной земле.

Жилищный вопрос для рабочих являлся одним из острейших как в 1923 году, так и в течение всего буржуазного периода, потому что квартирная плата зачастую поглощала треть заработка рабочего. При этом жилища были жалкие, квартиры без каких-либо санитарных удобств, водоснабжения и канализации. Единый фронт потребовал, чтобы государство и самоуправления взялись за широкое строительство и обеспечили рабочих жилой площадью.

Среди остальных требований выделялись *пятое* и *шестое*. Они предусматривали образование из сельскохозяйственных рабочих, бедняков-новопоселенцев и прочих представителей сельских трудящихся земельных комитетов, которые определили бы способ использования государственного земельного запаса и круг лиц, которым надлежит выделять землю.

Земля для обработки, водоемы и их берега для рыбной ловли должны были предоставляться трудящимся бесплатно. Никакой арендной платы ни государству, ни частному владельцу, никакой платы помещику за отчужденную землю и инвентарь!

Это был очень острый вопрос, тесно связанный с так называемой земельной реформой. Как известно, буржуазия, начиная от сотсов и кончая кулаками, дружно выступала за то, что землю надо давать тем, кто имеет средства для ее обработки. На практике это означало, что имения немецких баронов делились в первую очередь между кулаками и зажиточными середняками, причем наиболее жирные куски вместе с инвентарем доставались участникам интервенции против Советской России — генералам и офицерам — безвозмездно.

Как известно, Коммунистическая партия Эстонии в 1917 году признала необходимым национализировать землю, причем имения не дробить, а наделять малоземельных земель за счет окраинных земель мыз или крупных хуторов; окончательный порядок пользования землей, лесами и водоемами должен был определить съезд Советов Эстонии.

Исполком Советов Эстонии 24 ноября 1917 года постановил: на основе декрета Временного правительства рабочих и крестьян от 26 октября до издания на сей счет более подробных постановлений приостановить в Эстонии выплату аренды на землю вне пределов городов, будь то в денежной или какой бы то ни было другой форме.

Было приостановлено исполнение всех судебных решений, по которым землевладельцы приговаривались к выселению или выплате аренды за землю. Были закрыты также выкупные платежи и уплата долгосрочных займов за земли, находящиеся вне пределов городов. В расположенных в пределах Эстонии частных, государственных, штифтских (дворянских, с феодальными привилегиями имениях) и церковных имениях немедленно ввести контроль. Все владельцы или арендаторы этих земель, а также замещающие их лица обязаны были передать имущество имений уполномоченным волостных Советов трудящихся.

В каждом имении избирается совет старост трудящихся, являющийся помощником волостного Совета трудящихся в управлении имением. Имения городских самоуправлений должны были остаться в их руках. И хотя позднее, в 1926 году, Центральный Комитет КПЭ признал свою политику нераздробления имений неправильной и внес в свою агитацию и разъяснительную работу соответствующие коррективы, вся тогдашняя земельная политика встречала со стороны деревенской бедноты полное одобрение, о чем свидетельствовали проведенные в 1917 году съезды трудящихся деревни.

Таким образом, в требованиях Единого фронта трудящихся земельный вопрос был решен на основе принципов, установленных в 1917 году, причем были приняты в расчет результаты буржуазной земельной реформы, по которой земля перешла во владение кулаков и зажиточных середняков, тогда как трудовому люду приходилось теперь бороться за то, чтобы его не согнали с земли и не выгнали из имений, в которых он до сих пор работал. 12 требований предусматривали лишь предоставление выселяемым из имений рабочим жилищ, а бобылям и арендаторам — права и впредь проживать на земле хутора, имения или на государственной земле. И если учесть, что в городах царил безработица и вся буржуазная агитация вертелась

вокруг необходимости направлять людей из города в деревню, то требование о предоставлении людям возможности остаться жить на хуторе, в имении или на государственной земле звучало более чем скромно.

Что касается требования — никакой арендной платы трудящимися ни государству, ни частному владельцу, никакой компенсации помещику за землю и отчужденный инвентарь, то первая его часть отвечала практике времен революции, когда выплата аренды была отменена, а вторая — никакой компенсации помещику — прямо выражала борьбу против капитуляции буржуазии перед нажимом Германии, которая, по существу, выступала от имени бывших владельцев конфискованных имений.

Платформа Единого фронта требовала: облагать налогом крупные доходы и наследство, рабочих, служащих и прочих трудовой народ избавить от подоходного налога. Это требование диктовалось тяжелым положением трудящихся, за счет которых баснословно обогащалась эстонская буржуазия.

Чтобы показать, какие махинации осуществляли правящие верхи с целью наживы, сделаю некоторое отступление и расскажу коротко об экономике Эстонии того периода.

Уже упоминалось, что по мирному договору буржуазная Эстония получила от Советской России 15 миллионов золотых рублей. Она быстро растранижила их на своих национальных капиталистов. Осуществлялось это очень просто: открывались новые банки, выдававшие ссуды «своим людям». В случае удачи они становились обладателями весьма крупных капиталов, а в случае банкротства также не оставались в накладе: на полученные из банка займы они основывали новые акционерные общества, причем большую часть акций оставляли себе, а меньшую продавали мелким капиталистам, последние в случае банкротства теряли свои капиталы, тогда как банкротмейстеры успевали своевременно застраховать себя от убытков. Такой образ действий был основой для непрерывной борьбы между представителями крупного капитала — группой Пятса, Лайдонера и т. п. — и средними капиталистами, во главе которых стоял Я. Тыниссон и КО. В хвосте у них плелись меньшевики и трудовики, получавшие свою долю в разного рода ликвидационных комиссиях в качестве директоров или попечителей, как это было в пресловутой сотсовской ликвидационной комиссии государственных судоверфей.

Своеобразие положения в народном хозяйстве Эстонии после установления буржуазной диктатуры заключалось в том, что крупная собственность — фабрики, заводы, банки, железные

дороги, корабли и порты, большие жилые дома, а часто также и крупные торговые дома — фактически, а местами и юридически не имела определенной принадлежности, акционерные общества, которые прежде ею владели, были ликвидированы Великой Октябрьской социалистической революцией. По Тартускому мирному договору 2 февраля 1920 года Советское правительство отказалось от своих прав на это имущество. Таким образом, поскольку вопрос касался акций, принадлежавших государству, правопреемником и собственником их оказалось буржуазное государство. Основной капитал наиболее значительных предприятий металлообрабатывающей, текстильной, целлюлозной и бумажной промышленности выражался накануне первой мировой войны в сумме, превышавшей 266 миллионов золотых рублей.

Это сокровище требовалось теперь разделить с целью создания «национального капитала» и «капиталистов», и этот раздел был осуществлен. Каким образом совершился дележ, кто и в каком размере получил свою долю, остается тайной истории. Ясно одно: спустя некоторое время эстонская промышленность вновь стала арендой наемного рабства. Старые вывески фабрик, заводов, банков, торговых контор и т. п. заменились новыми. Вчерашние адвокатишки, занимавшиеся делами о мелких кражах, журналисты сомнительной репутации, спекулянты и генералы оказались вдруг владельцами крупных пакетов акций банков, фабрик, заводов, страховых обществ или наследниками центральных участков бывших имений.

Тем, кто благодаря своей позиции был чересчур осведомлен о всей этой оргии создания «национального капитала», как, например, лидерам социал-демократов, заткнули рот подачкой в виде доходных синекур. В дальнейшем, когда началась ожесточенная борьба за «золотого тельца», это стало известно из заявлений самих участников дележа. Так социал-демократ Аугуст Рей был одарен крупным вознаграждением в десятки тысяч крон, доставшихся ему как члену «опекунской комиссии» Русско-Балтийских судостроительных заводов; аналогичная тактика применялась и в отношении многих других лиц.

Архивы сохранили для нас статистические сборники, изданные самой буржуазией, по которым можно составить представление о характере промышленности в течение периода буржуазной диктатуры.

Статистика буржуазной Эстонии относилась к крупной промышленности предприятия с 20 и более рабочими, к средней — предприятия, имевшие 5–19 рабочих, к мелкой промышленности — предприятия, имевшие 1–4 рабочих и

применявшие механические двигатели (свыше 1 л. с).

Обращает на себя внимание большое число мелких предприятий. Вследствие этого в среднем по промышленности на предприятие приходилось менее 13 работающих (не только рабочих!). Особенно много было ремесленников: 27,4 тысячи, что в 2,3 раза превышало общее число трудящихся средней и мелкой промышленности. Ремесленники, работавшие в мелкой и средней промышленности, насчитывали вместе 39,1 тысячи человек, то есть на 3,6 тысячи больше, чем общее число трудящихся, занятых в крупной промышленности. Причины столь ненормального распределения трудящихся в промышленности и историю возникновения большого количества ремесленников я постараюсь раскрыть дальше. Во всех капиталистических странах, кроме индустриальных рабочих, имеются и ремесленники, но все же не в таком соотношении. Не было унаследовано это и от царской России. Это явление возникло в Эстонии именно в период буржуазной власти.

Ответ на вопрос о его причинах дает анализ отраслевой структуры крупной, средней и мелкой промышленности.

Особенно много мелких предприятий было в пищевкусовой промышленности (там числилось 43,5 процента всех предприятий) и в деревообрабатывающей (22,8 процента всех предприятий).

А вот как распределялись по отдельным отраслям промышленности трудящиеся: 27,2 процента было занято в текстильной, за ней следовали пищевая и деревообрабатывающая отрасли. В целом они охватывали 54,5 процента всех трудящихся, занятых в промышленности. Свыше 40 процентов трудящихся, по преимуществу женщин, работало на мелких предприятиях текстильной и пищевкусовой промышленности.

Костяк рабочего класса — машиностроители и металлисты — по численности уступал им, да к тому же был раздроблен по мелким предприятиям. Лишь несколько предприятий концентрировали относительно крупные коллективы этих рабочих.

Соответственно более половины валовой продукции промышленности приходилось на пищевкусовую и текстильную промышленность. Из отраслей тяжелой индустрии некоторое значение имела лишь металлообрабатывающая промышленность, продукция которой составила 8,1 процента всей валовой продукции. Остальные отрасли тяжелой индустрии не имели в валовой продукции значительного удельного веса. Вот почему так трудно было вести борьбу с буржуазией, активизировать рабочую массу.

Как же осуществляли свои махинации правящие верхи? Снова обратимся к цифрам. Основной капитал промышленности был оценен в 1936 году в 259 969 тысяч крон. До первой мировой войны было инвестировано (то есть вложено) свыше 266 миллионов золотых рублей лишь в основные отрасли крупной промышленности Эстонии. При сопоставлении этих цифр выясняется, что основной капитал всей промышленности (в золотых рублях) в 1936 году в кронах был оценен ниже, чем в 1914 году, лишь по крупной промышленности. Если же перевести кроны в рубли, по курсу 1 рубль = 2,5 кроны, то окажется, что буржуазия оценила основной капитал всей промышленности всего в 103 988 тысяч золотых рублей.

Чтобы понять таинственное исчезновение большей части основного капитала (на сумму свыше 160 миллионов золотых рублей), сравним две цифры: основной капитал Кренгольмской мануфактуры в 1914 году был оценен в 12 миллионов золотых рублей, а в 1937 году — в 12 миллионов-крон! Полученный в наследство основной капитал, оцененный в золотых рублях, перешел к новым собственникам по расчету не 2,5 кроны за рубль, а 1 крона!^[17]

Чем это объясняется? Во время революции пакеты акций большинства предприятий оказались потерянными. Владельцы сохранившихся акций, а также новые государственные деятели были заинтересованы в выпуске дополнительных акций и приобретении их (по курсу, заниженному почти в 2 раза), становясь, таким образом, полноправными собственниками этого имущества. В этом и заключалась сущность проведенной государственной властью грандиозной спекуляции, в результате которой был создан дополнительный «национальный капитал». Между прочим, можно отметить, что суммы для покупки выпущенных акций (если они действительно покупались!) были извлечены также из чужого кармана: получены из банков, которыми заведовали творцы того же «национального капитала» или их приспешники. При содействии государственных деятелей многие ссуды были посредством различных комбинаций просто-напросто погашены.

Следует остановиться и на вопросе инвестиции новых капиталов. Если верить буржуазной статистике, то за время с 1922 по 1938 год в промышленность было вложено 107,6 миллиона крон новых капиталов, или в среднем 6,7 миллиона крон в год. Как уже отмечалось, оставшееся от царской России крупное имущество было переоценено, причем на балансы было зачислено лишь 40 процентов ее действительной стоимости. Сумма годовой инвестиции капиталов в промышленность,

основной капитал которой составлял по заниженной оценке номинально около 260 миллионов крон, означала, что новые капиталовложения не возмещали даже нормальной амортизации капитала, поскольку она составляла только 2,4 процента стоимости основного капитала. При таком положении промышленность не только морально устаревала, но и физически изнашивалась.^[18]

Организация новых предприятий в течение 1918–1924 годов сопровождалась ликвидацией прежних крупных предприятий, причем на базе помещений и оборудования крупных текстильных фабрик и металлообрабатывающих, в особенности же судостроительных заводов насаждались многочисленные средние и мелкие предприятия, оборудование и станки для которых были взяты с ликвидированных крупных заводов часто по цене металлолома. Так как первая половина этого периода приходится на военное время, то о строительстве капиталистами новых крупных заводов не могло быть и речи. Таким образом, новыми заводами можно считать лишь предприятия, учрежденные после 1924 года. Их основной капитал составил в 1936 году всего 11,6 процента основного капитала промышленности.

Даже эти весьма ограниченные капиталовложения в погоне за сверхприбылями в период временной благоприятной конъюнктуры зачастую размещались непроизводительно. Как известно, ряд предприятий, созданных после заключения Тартуского мирного договора, а особенно со времени кредитной инфляции 1922 года, не имели ни ресурсов сырья, ни рынков сбыта продукции. В эти годы возникли многочисленные мелкие и средние текстильные предприятия, несмотря на то что и в хлопчатобумажной, и в суконной промышленности даже крупные фабрики работали с минимальной нагрузкой. Аналогичное положение наблюдалось и в молочной промышленности.

Всюду по стране лихорадочно создавали лесопилки. Общая производственная мощность более 500 лесопильных заводов превысила в 10 раз объем деловой древесины, подлежавшей разделке. В результате лесопилки были недогружены, себестоимость продукции сильно поднялась, предприятия, терпя убыток, обанкротились.

Лишь в сланцевой промышленности вкладывались капиталы в предприятия, но они отнюдь не возместили основного капитала ликвидированных предприятий. В 1937 году в Советском Союзе 80 процентов всей промышленной продукции было выпущено совершенно новыми или основательно реконструированными предприятиями. В буржуазной Эстонии новые предприятия дали едва 12 процентов промышленной продукции. За период с 1913

по 1940 год валовая продукция промышленности СССР выросла в 7,7 раза, а в Эстонии — менее чем на 1/3.

Вот как «умело» вела хозяйство буржуазия в Эстонии!

Знамя борьбы рабочих организаций

За мир с Советской Россией! — Детям трудящихся — образование! — «Принципы» демократического буржуазного государства. — Свободу политическим заключенным! — Как мы вели работу. — На что способен свободный народ. — Меня вызывают следовательно по особо важным делам. — Новые знакомства. — Коммунистическая рабочая фракция.

Кроме экономических требований программа Единого фронта содержала ряд условий, носивших политический характер. Так, восьмое требование гласило: прочный мир вообще и с Советской Россией в особенности!

Как известно, рабочий класс всегда боролся против всякого рода империалистических войн, но молодой Стране Советов с первых лет своего существования пришлось вести самую жестокую войну с иностранными интервентами и русскими белогвардейцами. Эстонская буржуазия сама по себе, конечно, не представляла сколько-нибудь значительной военной силы. Но территориальное положение Эстонии, непосредственная близость ее к Петрограду, возможность использования ее вражескими державами в качестве плацдарма не могли не внушать Советской России опасения.

Эстонская буржуазия в течение всего периода своего господства в своей внешней политике твердо придерживалась антисоветской линии. Менялись только те внешние силы, на которые она опиралась, — сначала это были Англия и Америка, на поддержку флота которых она особенно рассчитывала, в 30-х годах она переориентировалась на фашистскую Германию. Поэтому требование мира с Советской Россией имело большое политическое значение. Оно свидетельствовало о ясности классового сознания рабочего класса, правильном понимании целей социалистической внешней политики.

Программа Единого фронта требовала ликвидировать охранную полицию, распустить постоянную армию, заменив ее всеобщим вооружением народа, средства, расходуемые на армию и охранку, направить на улучшение положения трудящихся и народное образование, дать трудовому народу право на организацию самозащиты.

Это требование не было новым. Его выдвигали социалистические партии в Западной Европе. В Эстонии оно будет реализовано после восстановления в 1940 году Советской

власти, когда вооруженные силы буржуазии в лице Кайтселийта и стрелковых отрядов, а также политическая полиция будут ликвидированы. Большое внимание уделялось в 12 требованиях Единого фронта вопросам образования. Они предусматривали предоставление всем за счет демократической республики начального, среднего и высшего образования, детям трудящихся — учебных пособий, питания, одежды, обуви.

В последующем буржуазия усмотрит в этом призыв к свержению существующего строя (именно это инкриминировалось обвиняемым по «процессу 149-ти»). Разумеется, буржуазия не осуществила это требование, свою предательскую роль сыграли социал-демократы, трудовики и прочие либералы и демократы — фактически слуги монополистического капитала, восставшие против образования народа. Они не без основания считали, что это требование зародилось в среде эстонских трудящихся под влиянием Октябрьской революции. А уже одно это было для них основанием, чтобы его отвергнуть.

Чисто политическими требованиями были одиннадцатое и двенадцатое. В чем они состояли?

Немедленно отменить повсюду военное положение, предоставить трудовому народу такую же свободу слова и печати, такое же право объединений в общества и союзы, такое же право собраний, какое имеют фабриканты, торговцы, домовладельцы и кулаки. Таково было содержание одиннадцатого требования.

Собственно говоря, и оно было одним из основных и выражало принцип демократического буржуазного государства, ведь и свержение самодержавия преследовало осуществление перечисленных выше условий. Но в Эстонской буржуазной республике рабочие были лишены всех этих свобод. Таллин продолжал оставаться на военном положении не случайно (во всех уездах оно было отменено). Власти боялись политических выступлений, а сохраняемое ими в Таллине военное положение позволяло им применить любые меры, используемые в районе, объявленном на военном положении.

Двенадцатый пункт требовал прекратить все политические обвинения, освободить политических заключенных, предоставить право вернуться на родину всем политическим беженцам, за исключением баронов.

Осуществление этого условия возможно лишь при замене буржуазной власти правительством рабочих и крестьян. И все же само по себе оно не содержит еще призыва к ниспровержению буржуазного государства.

Все требования Единого фронта, выработанные под

руководством Коммунистической партии, с самого начала стали знаменем борьбы рабочих организаций. Вокруг них можно было сплотить самые широкие массы трудящихся, на что и были направлены наши усилия.

Первое предвыборное собрание было предусмотрено провести в волости Таагепера Валгмааского уезда, где жили родители Ханса Хейдемана. Я тщательно готовился к собранию. Содержание 12 требований старался тесно увязать с существующим в стране положением и насущными задачами. Основное внимание в докладе уделил анализу тяжелого положения трудящихся деревни.

В своем выступлении я напомнил слушателям о принятом во время Октябрьской революции земельном законодательстве. Это наглядно показало им, с одной стороны, что трудовой народ получил в результате революции, а с другой — что он потерял вследствие победы контрреволюции. Вместе с тем я, разумеется, коснулся и международного положения буржуазного государства, ведь Эстония не была изолирована от остального мира, от мирового рынка, она сбывала на нем свою продукцию и покупала сырье, материалы, машины — все, что не в состоянии была изготовлять на месте. обстоятельный анализ приводил слушателей к выводу, что положение в стране создалось тяжелое, поскольку налицо явления острой инфляции: вывозить почти нечего, ввозить же надо много. Всю тяжесть этого ненормального положения буржуазия перекладывала на плечи трудящихся: резко выросли косвенные налоги и пошлина.

Примеры, взятые из жизни, помогли сразу установить контакт со слушателями. То и дело раздавались сочувственные возгласы: «Правильно!», «Так оно и есть!» и т. п. Они сильно ободряли меня, и вскоре, избавившись от своей скованности, я заговорил свободно, с увлечением. Присутствовавший на собрании полицейский не мешал мне и, казалось, сам слушал с интересом. После моего сообщения посыпались вопросы. Крестьяне интересовались главным образом тем, каким же путем добиться осуществления 12 требований, если даже революционные силы вынуждены были отступить.

Я ждал этого вопроса и был готов ответить на него. Я привел пример Советской России. В начале ее Красная Армия часто терпела неудачи. Но в ходе боев она выросла и превратилась в такую силу, которая в конце концов изгнала всех интервентов с советской земли, причем добилась этого благодаря активной борьбе народа. Советская Россия победоносно завершила войну против интервентов и приступила к мирному строительству. Под руководством Коммунистической партии она осуществляла новую

экономическую политику (нэп), укрепившую союз между трудящимися города и крестьянством — середняками и бедняками — и тем самым обеспечившую быстрое восстановление хозяйства.

Опыт Советской России по созданию нового государства и строительству новой экономики, говорил я, является большим ободряющим примером для всех трудящихся мира, в том числе и для эстонского рабочего класса и трудового крестьянства. Этот опыт показывает, на что способен трудовой народ, избавившийся от эксплуататоров. Что нам следует делать — это ясно: сила трудового народа — в его организованности. До тех пор пока мы не организованы, разобщены, мы, естественно, слабее. Однако мы можем уже и сейчас добиться известных результатов.

После собрания беседа продолжалась в доме родителей Ханса Хейдемана.

— Да, молодой человек, все, что ты говорил, правильно, — подвел итог хозяин. — Мы тут в своей жизни чувствуем это, и, хотя «серые» бароны и капиталисты могут вас прижать — ведь в Эстонии уже было несколько крупных процессов, — ты не бойся! На место выбывших из строя встанут новые молодые борцы, да и старики тоже, и борьба будет продолжаться. Только не изменяй своим взглядам ни в суровые, ни в добрые дни!

Отца поддержал младший сын Эрнст.

— Такие собрания с докладами надо устраивать в каждой деревне, в каждой волости, — сказал он. — В самом деле, за каких-нибудь полгода огромное большинство народа сплотилось вокруг этих требований. Постараемся, со своей стороны, сделать все, чтобы правда еще шире распространилась в народе.

— А ты заметил, как кипятился на собрании «серый» барон из Суур-Хансу? — засмеялся Эрнст. — Его, видно, до самых печенок проняло! Ну а коли «серый» барон из Суур-Хансу разозлился, стало быть, оратор говорил правду — кому не известно, что этот кулак, как и его собратья, нажил свое богатство трудом и потом бедняков.

Аналогичные собрания прошли еще в трех волостях. Все они были многолюдными. Трудящиеся выражали свое одобрение 12 требованиям.

Вернувшись в Тарту, я обнаружил дома повестку, меня вызывали к следователю. Я отправился к следователю, а в глубине души у меня копошился вопрос: что они там опять затеяли?

Принял меня следователь по особо важным делам (фамилии его уже не помню) и вежливо сообщил мне, что против меня начато судебное следствие в связи с произнесенной мною в

волости Таагепера антигосударственной речью подстрекательского характера. Когда я попросил объяснить мне, что конкретно вменяется мне в вину, чиновник ограничился лишь пересказом содержания параграфа 129-го нового уложения о наказаниях. Я не был юристом и поэтому не знал, что это за параграф. Однако, исходя из простой человеческой логики, я полагал, что, если имеется статья закона, говорящая о наказании за антигосударственную речь, это еще не означает, что мой доклад носил антигосударственный характер. Следовательно зачитал два места из протокола и, бесстрастно взглянув, спросил:

— А разве это не антигосударственная речь?

Я стал возражать ему, объясняя, что в моей речи говорится о требованиях Единого фронта трудящихся, открыто выдвинутых легально действующими организациями, что требования эти в какой-то мере осуществимы даже в капиталистическом государстве, о чем свидетельствует практика.

Так мы спорили еще какое-то время, пока наконец следователь не заявил — и я с ним согласился, — что наш спор проблемы не решит. Его дело — расследовать, мое — защищаться.

Через некоторое время состоялся суд. Он тоже обнаружил в моем выступлении на собрании элементы антигосударственной деятельности и приговорил меня к шести месяцам тюремного заключения. Я подал апелляцию. Мне хотелось выиграть время, чтобы продолжать разъяснять требования Единого фронта. Наученный опытом, я теперь в выступлениях на собраниях был осторожнее в формулировках. Именно в это время я познакомился в Валгамааском, Вырумаа-ском и Петсеримааском уездах с большим числом новых людей, среди которых были также ветераны политической борьбы. Правда, временно после очередного разгрома рабочих организаций и ареста части руководителей они отошли от нее, но теперь считали своим долгом принять участие в борьбе за 12 требований Единого фронта трудящихся.

Так, в Валгамааском уезде я встретился с Иоханнесом Ойнасом, человеком энергичным, отличавшимся весьма широким кругозором. Вместе с женой он горячо отстаивал дело и интересы рабочих.

В городе Валга активно действовала группа молодежи. Юноши и девушки организовались в спортивное общество и проводили политическую работу среди трудящихся. В этой группе были Николай Пуусепп, Фридрих Вельберг, а из людей старшего поколения — участник рабочего движения и гражданской войны Пээтер Иентсон. Красногвардейцем он воевал в частях эстонских

красных стрелков сначала в Сибири и на Урале, а позднее в Крыму, где был участником знаменитых боев за Перекоп. Жил он в очень трудных материальных условиях, перебивался случайными работами на строительстве. Ни минуты не колеблясь, он снова включился в борьбу.

Там же я познакомился с Карлом Ханссоном, юношей 18 лет, который уже тогда обращал на себя внимание своей решимостью, умением держать слово, точностью — качествами, которые он сохранил на всю жизнь. Впоследствии он участвовал добровольцем в гражданской войне в Испании, а в годы Великой Отечественной войны воевал против немецких фашистов.

Довольно активно работал Эрнст Хейдеман. Правда, он не обладал такими политическими знаниями, как его старший брат Ханс Хейдеман, но был инициативен и исполнительен.

В Вырумааском уезде был серьезный и деловой партийный товарищ Юхан Стейнвальд, 52 лет, дубильщик, тесно связанный с народом уже в силу своей профессии. Он до конца жизни остался преданным партии работником.

Уроженец Вырумааского уезда Вольдемар Таннь, сельский пролетарий, тогда ему было 26 лет, отличался крепким здоровьем и жизнерадостностью. За участие в агитационной работе он впоследствии привлекался к ответственности. Погиб он в Ленинграде во время блокады.

Хочется назвать двух активистов из Петсеримааского уезда. Одному из них, Яану Сави., было за семьдесят, он оказывал большую помощь в подпольной работе и при нелегальном переходе нашими товарищами границы. Яан Сави имел в Петсери небольшую лавку, и поэтому поддерживать с ним связь с точки зрения правил конспирации было сравнительно удобно. Яакоб Саар, 38 лет, был по профессии печник. При обыске у него нашли две уцелевшие со времени мировой войны винтовки, правда с обрезанным дулом, и несколько ручных гранат.

Таким образом, то время было для меня очень богато новыми знакомствами, и я имел возможность убедиться, как много в народе людей, которые в силу тех или иных причин вынуждены стоять в стороне от революционной борьбы, но, получив возможность активно развивать и применять свои способности, оказывают своему классу неоценимые услуги.

Я близко познакомился и с тартумааским активом. Так, очень хорошее впечатление произвел на меня сын бедняка, вернее, бобыля Вольдемар Сасси, впоследствии видный деятель эстонского рабочего движения. Потом он занял пост председателя республиканского совета профсоюзов Эстонии. В описываемое время Сасси исполнял обязанности члена правления Тартуского

центрального совета рабочих объединений и выделялся поразительной трудоспособностью. С утра и до поздней ночи его можно было встречать в Тартуском рабочем доме, где он обсуждал и решал всевозможные вопросы.

Молодой тартуский активист Аугуст Кульберг в буржуазное время отбыл долгую и тяжелую каторгу, а с восстановлением Советской власти стал активным партийным работником, первым секретарем Вырумааского уездного комитета партии. На этом посту он и погиб в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Как уже отмечалось, перед оккупацией Эстонии войсками кайзеровской Германии многие крупные предприятия были эвакуированы. Это обстоятельство весьма значительно ослабило революционную борьбу рабочего класса, о чем писал Виктор Кингисепп в своем произведении «Под игом независимости». Эвакуировали не только технику, но и часть рабочих, причем зачастую самую политически сознательную, революционный актив. Отрицательно сказалось на революционном движении систематическое распыление крупной промышленности. Вполне естественно поэтому, что в Эстонии в последние годы буржуазного господства было больше ремесленников, чем рабочих крупной промышленности.

Рассредоточенность препятствовала проведению революционных массовых мероприятий рабочих. Но, с другой стороны, расселение рабочих по всей стране означало в то же время приток в гущу народных масс революционно настроенных людей. Поэтому в период буржуазной диктатуры и среди ремесленников появилась весьма значительная прослойка людей с широким политическим кругозором и революционными взглядами. Следует также отметить, что среди членов всех закрытых буржуазией организаций было много ремесленников. Так, все четыре брата Арбон участвовали в революционном движении. Прежде они были фабричными рабочими, а потом — ремесленниками. Карл Туйск был плотником, Эдуард Тийман из Тарту — тоже плотником, Ааду Цилмер, Кристьян Кург и Иоханнес Ойнас — сапожниками, Густав Ланге из Отепя — портным, Юхан Стейнвальд — дубильщиком и т. д.

Познакомился я также с легальными руководящими работниками революционного движения, которые, будучи избранными в Государственное собрание, образовали, с одной стороны, коммунистическую рабочую фракцию и, с другой стороны, фракцию Единого фронта трудящихся или Партии трудящихся Эстонии.

В коммунистической фракции действовал Яан Томп, сельский пролетарий родом из Вильяндимаа, многие годы работавший у

кулаков батраком. Он был прирожденным организатором, подлинным аналитиком, не спешившим с решениями. Зато они, как правило, были продуманными и правильными. Образование Яан Томп имел небольшое, он сам ощущал недостаток его и, оказавшись в тюрьме, стремился по мере возможности пополнить свои знания. Среди товарищей он пользовался неоспоримым авторитетом. Всегда готовый помочь другим, участливый, он, однако, старался внешне этого ничем не показывать.

Вторым в этой фракции был Хендрик Аллик, сын железнодорожника. Было ему тогда 22 года. Перед тем как стать профессиональным революционером, он был бухгалтером на Балтийской мануфактуре. Журналист, организатор, один из основателей Коммунистического Союза Молодежи, партийный работник — Хендрик Аллик был человеком огромной трудоспособности, обладал редкой памятью, острым умом и умением вести политические дискуссии. Теснее я сблизился с Хендриком Алликом в тюрьме — он также был приговорен к пожизненной каторге, и мы много лет сидели с ним в общей камере, но об этом рассказ впереди.

Александр Яансону было в то время 42 года, уроженец Пярнумааского уезда, он получил образование в духовной семинарии, однако в пасторы не пошел, а стал участником рабочего движения. Яансон был хорошим пропагандистом и агитатором, отличный оратор, он говорил очень убедительно, и трудящиеся слушали его с большим интересом.

Владимир Кангур, родом из Пярнумааского уезда, в 20-летнем возрасте стал членом Государственного собрания. Я соприкасался с ним главным образом по организационным делам.

Паулю Кээрдо, скорняку по профессии, было тогда 32 года, родился он в волости Тяхтвере Тартумааского уезда. В революционном движении занимал видное место сперва как журналист, затем и как писатель. Это был очень симпатичный, благожелательный и добрый человек. Все знавшие Пауля Кээрдо искренне любили его.

У Аугуста Ханзена политическое прошлое было не простое. Придя в рабочее движение из рядов эсеров, он кое-что сохранил от их убеждений.

Своеобразной фигурой был Георг Абельс, тогда 25-летний юноша, сын бобыля из волости Аре Пярнумааского уезда. Образование он имел небольшое, но обладал природной сметкой. Работая на молотилке, он потерял кисть одной руки, поэтому носил прозвище Нотть (то есть Молотило), которое подчеркнуто называл при знакомстве с новым человеком. По характеру очень экспансивный, эмоциональный, даже склонный к

сентиментальности, он на народных собраниях был незаменимым трибуном, так как хорошо знал жизнь тружеников деревни и умел ярко обрисовать слушателям все беды, порождаемые буржуазным строем.

Не только в своей волости, но и во всем Пярнумааском уезде Абельс был широко известным человеком. С ним мне тоже довелось долго просидеть в тюрьме — ведь и он был «пожизненный», поэтому я успел хорошо его узнать. Его большим недостатком была неорганизованность, он не мог заставить себя прочесть до конца ни одной книги, каждую получаемую нами книгу он непременно начинал читать первым, однако, проглядев слегка содержание, бросал ее и принимался за новую. Он сочинял стихи, и совсем неплохие, довольно много писал об аграрных отношениях. Абельс пополнял в тюрьме свои знания, знакомясь с соответствующими статистическими материалами. После восстановления Советской власти он некоторое время был наркомом земледелия, в дальнейшем выполнял различные обязанности в области культурно-просветительной работы. Как человек Георг Абельс был очень симпатичным, и все, кто его знал, жалели о его преждевременной кончине.

Всеобщим уважением пользовался Александр Резев. Этот молодой пролетарий, тогда 19-летний юноша, работал в Нарве и там был арестован. В рабочем движении он начал участвовать очень рано, вначале ему поручали небольшие задания, как распространение рабочей печати и т. п., но позже он стал выполнять в рабочих организациях обязанности выборного секретаря. А. Резев всегда был человеком с большим чувством ответственности, точным и аккуратным. После восстановления Советской власти в Эстонии он занимал руководящие посты в Центральном Комитете Компартии Эстонии, в органах государственной власти. В нем пропал хороший историк, даже не имея специального исторического образования, он собрал ценный материал по истории эстонского революционного рабочего движения. Человек с широким политическим кругозором, Резев был одним из устоев, или, как любил говорить Хендрик Аллик, «позвонков», Коммунистической партии. Скончался он в 1970 году.

Следует назвать также трех фабричных рабочих-коммунистов, активных участников революционной борьбы. Я имею в виду металлиста-котельщика Пзэтера Петрее, которому тогда был 41 год, 33-летнего Яана Камберга, также котельщика, всю жизнь проработавшего на таллинских заводах, и его ровесника Александра Рейнсона, бывшего в своей жизни и солдатом, и заключенным, и печатником; сейчас, несмотря на свои 80 лет, он

выглядит как настоящий старый гвардеец — все та же у него выправка и осанка. Все трое были приговорены к пожизненной каторге и отбывали ее до амнистии.

Йоозеп Саат из волости Муху-Сууре на острове Сааремаа к тому времени только успел окончить гимназию и приехал в Таллин, чтобы включиться в рабочее движение, некоторое время он работал на связи, а затем сотрудничал в рабочих газетах и был привлечен к работе в редакции, как члена редакции его арестовали и приговорили к пожизненной каторге. Позднее, после освобождения, он занялся научной работой в качестве историка. Сейчас И. Саат действительный член Академии наук ЭССР. Своими исследованиями революционного рабочего движения и пропагандой марксизма-ленинизма он вносит вклад в нашу идеологическую работу.

Карл Туйск с острова Сааремаа из волости Кихельконна в свои 33 года был уже ветераном революционного рабочего движения, он вступил в него еще в 1917 году, да и позднее принимал участие во всех мероприятиях революционного движения. Карл Туйск был близким другом Рудольфа Прульяна, тоже плотника, которому тогда было 26 лет. Они вместе вели революционную работу, вместе сидели в тюрьме. Если Прульян отличался скромностью, необщительностью, то Туйск, наоборот, был активным, темпераментным и к тому же любил спорить. Казалось, он, не задумываясь, пойдет на смерть за правду и справедливость. Туйск погиб в начале Великой Отечественной войны, сражаясь в истребительном батальоне.

Работал с нами и уроженец волости Сели Пярнумааского уезда Владимир Реа, по профессии школьный учитель, которому тогда было 32 года, вместе с братом он активно участвовал в работе по разъяснению требований Единого фронта трудящихся.

Пярнумааский уезд дал еще одного интересного человека — Андрея Мурро из волости Тыстамаа. Тогда ему было 20 лет. Исклученный из гимназии за участие в революционном движении, он посвятил себя партийной работе. В тюрьме он изучал естественные науки, находился даже в переписке с астрономами и физиками Советского Союза, снабжавшими его соответствующей литературой и советовавшими углубленно работать в этой области. Мурро обладал живой фантазией, но порой ему не хватало материала для выводов. Если бы он получил соответствующее образование, из него, несомненно, получился бы выдающийся ученый. Он погиб в годы Великой Отечественной войны.

Выходцем из Вырумааского уезда был Бернгард Тиннор, классово сознательный, упорный и преданный борец. В то время

ему было 25 лет, и он работал в Кунда на цементном заводе. Он отличался рассудительностью, требовал, прежде чем вынести какое-либо решение, всестороннего обсуждения проблемы.

Я уже упоминал Иоханнеса Силленберга, Карла Ханссона и других товарищей, которые, отбыв буржуазную каторгу, поехали добровольцами в Испанию, чтобы бороться против фашизма. Фронт, революционная борьба, тюрьма — таков был жизненный путь людей этого поколения.

Работать им приходилось в крайне трудных условиях.

Я назвал лишь нескольких рабочих-революционеров, с которыми мне довелось работать плечом к плечу. Молодые, жизнерадостные, целеустремленные, они были борцами за восстановление Советской власти в Эстонии.

Борьба за тюремной решеткой

В камере на втором этаже. — По этапу в Таллин. — Мы изучаем труды Маркса, Энгельса, Ленина. — Обитатели нашей камеры. — Обвинительный акт в 150 страниц.

Наше студенческое Социально-философское общество намеревалось провести собрание в Валге. Я должен был доставить туда оставленную мне Хансом Хейдеманом небольшую пачку напечатанных в подполье листовок Коммунистической партии. Вечером, ложась спать, я оставил ее на столе среди других бумаг и даже не попытался спрятать, так как рано утром мне предстояло уехать и забрать ее с собой.

Меня разбудил громкий стук в дверь, когда я ее открыл, то увидел людей из политической полиции. Мне скомандовали: «Руки вверх!» — и предъявили ордер на обыск. Пока я одевался, шел обыск, и полицейские, ясное дело, обнаружили среди бумаг, лежавших на столе, листовки. Составили протокол, ничего подозрительного больше не нашли, но полиция, видно, сочла, что достаточно и этого. Меня в наручниках повезли на извозчике в охранную полицию, где состоялся первый допрос.

Пачку листовок я признал своей, но подробности их происхождения сообщить отказался. После допроса меня отправили в местную тюрьму. Итак, это вторая моя встреча с тюрьмой. Сперва меня поместили в камеру на втором этаже. В комнате размером около 15 метров находился человек десять. Нар не было, и все спали на полу на тощих сенниках. Новичку место отводилось рядом с парашей. По мере того как в камеру поступали новые заключенные, старые отодвигались от нее подальше.

Среди сидевших в камере был один политический по фамилии Маннус. Его арестовали по обвинению в шпионаже. Он сидел давно и познакомил меня с тюремными порядками. Заключенные в этой камере производили лучшее впечатление, чем те, с кем я столкнулся в арестантской при тартуской полиции, это были люди более спокойные.

Меня арестовали 24 ноября 1923 года. Поскольку на Тарту военный закон не распространялся, меня судил мировой суд, который приговорил меня к шести месяцам тюремного заключения. В качестве обвинения была предъявлена моя речь в Хольстре, а материал, касающийся остальных речей, был передан в Таллин, его должны были присовокупить к обвинительному

материалу подготавливаемого в то время процесса 149 коммунистов. Но я обжаловал приговор и вместе с тем ходатайствовал об освобождении из-под ареста до разбора моей апелляции в окружном мировом суде. Мою просьбу удовлетворили. Однако в тот момент поступило новое требование следователя отправить меня в Таллин как обвиняемого по процессу 149 коммунистов! Так, не успев и минуты побыть на свободе, я был снова арестован.

В Таллин меня отправили по этапу — в вагоне с решетками на окнах и под строгой охраной. Возможностей для побега — никаких!

Со станции меня отвезли прямо в подследственную тюрьму на улице Вене, самую старую тюрьму, средневековой постройки. В камерах окон не было, свет поступал через дверь, выходившую в коридор, одна стена которого состояла из довольно крупных оконных проемов без стекол, забранных частыми решетками. Солнце сюда почти не заглядывало, потому что двор был узкий и глубокий, как колодец. Днем арестантов выводили сюда на двадцатиминутную прогулку.

Узкие нары на день поднимались и закреплялись к стене. Набитый соломой тюфяк привязывался к нарам веревками. На них мы вешали полотенца и другие вещи. В нашу камеру выходила половина печки, вторая ее половина обогревала соседнюю камеру. Среди арестованных было большинство коммунистов, сидевших по «процессу 149-ти». Тут оказались и мои старые знакомые. Пока шло следствие, работать нас не заставляли. Мы использовали эту возможность для чтения. Все поступавшие к нам книги предварительно просматривал цензор окружного мирового суда, он решал, что пропустить, что нет. Однако следует заметить, что в то время цензура еще не очень свирепствовала.

У моего брата была хорошая библиотека, даже труды классиков марксизма, произведения Рикардо, Смита и отдельные работы Ленина, которые миновали цензуру благодаря тому, что были переплетены в обложки с невинными названиями. Из работ Маркса у нас в камере оказались «Капитал», все три тома, «Нищета философии»; Ф. Энгельса — «Анти-Дюринг», «Святое семейство», «Положение рабочего класса в Англии»; двухтомник произведений В. И. Ленина.

«Капитал» Маркса и двухтомник Ленина мы изучали коллективно, с обстоятельным обсуждением каждого раздела. Через некоторое время вновь вернулись к этим трудам. Получили мы как-то не то реферат, не то брошюрку о ревизионисте

Бернштейне и о его взглядах по аграрному вопросу, о живучести мелкого сельского хозяйства. Значит, опять за ответом к «Капиталу».

Труды В. И. Ленина были для меня, как и для большинства других, откровением. В них захватывало все: и постановка вопросов, и их разрешение. Нас особенно интересовали проблемы строительства Советского государства во всем своем разнообразии, и мы нашли ответы на многие сложные вопросы. Благодаря трудам Ленина мы получили представление и о внутривластной борьбе, об оппозиционерах Троцком, Бухарине, Шляпникове и других.

Во время предварительного следствия заключенные пользовались некоторыми привилегиями: нам разрешалось получать с воли белье и продукты. Тюремная пища была скверная. Единственно, что поддерживало силы, — это дневная порция хлеба в 600 граммов, около половины ее мы съедали утром, так как к хлебу давали лишь пол-литра кипятку и больше ничего. На обед полагалось около литра супа, его варили поочередно из капусты, картошки, гороха и обрата. Выше всего ценился гороховый суп, как самый питательный. Конечно, все супы были жидкими и невкусными.

На ужин давали немного картофеля и четыре-пять салачин в рассоле. Так что завтрак и ужин были крайне скудными. Поддерживали заключенных продукты, получаемые с воли. Но с вынесением приговора передавать их запрещалось. Это усугубляло и без того тяжелое состояние заключенных.

Сидевшие в подследственной тюрьме резко отличались по духовному складу от старых, отбывавших срок арестантов. Новичкам требовалось известное время, чтобы свыкнуться с тюрьмой, если это вообще возможно. Крайне трудно представить себе переход от воли к жизни взаперти человеку, который этого не испытал. Бездействие, отсутствие возможности двигаться, делать что-либо... От этого человек легко впадает в глубокую депрессию, особенно если переживания осложняются семейными обстоятельствами. Случалось, что человека арестовывали в день свадьбы или накануне, и таким образом семейная жизнь обрывалась, не успев начаться. Попадались молодые люди, которые только что покинули свой родительский дом и вступили в самостоятельную жизнь.

В одной камере сидело до 20 человек, каждый со своими мыслями, характером; один разговорчивый, другой скрытный, один веселый, другой мрачный, замкнутый. Очень большая разница была и в возрасте: молодые, даже не достигшие совершеннолетия, и пятидесятилетние, и старше. Самым старым

среди нас был лавочник из Петсеримааского (Печорского) уезда Сави. Ему было под семьдесят. Большие различия имелись и в образовании, а также в семейном положении — женатые и холостые, бездетные и многодетные и т. д.

Не сразу завязались узы дружбы, товарищества. Это определяется временем. Однако жизнь заставила всех одинаково подчиниться тюремному режиму, который с беспощадной непреклонностью насаждался и в подследственной тюрьме. Это уравнивало и сближало заключенных, объединяло их в борьбе против тюремного начальства.

В чем же состояло обвинение, на основании которого меня отдали под суд? Оно сформулировано в обвинительном акте по делу «Всеэстонской коммунистической тайной организации в Таллине в 1924 году». В этом объемистом, свыше 150 страниц, документе обо мне сказано следующее: «Вночь на 13 ноября 1923 года в Тарту и Валга распространялись выпускаемые Центральным Комитетом Коммунистической партии Эстонии листовки, в которых солдат народного войска в случае возникновения войны подстрекали к бунту и предательству родины, один слой народа натравливали на другой и содержались неверные сведения о деятельности правительства республики. По данным агентуры, распространением указанных листовок занимались студенты Артур Вальтер в Тарту и Арнольд Веймер в Валга, которые, в свою очередь, получали их от других деятелей тайной коммунистической организации.

В то же время стало известно, что общая квартира Веймера и Вальтера в поселке Вээрику, на ул. Вяйке-Вильянди, № 10, являлась явкой и пристанищем для заезжих деятелей подпольной организации. Встречал нелегальных деятелей большей частью Вальтер, тогда как Веймер, будучи инструктором-агитатором Валгамааского, Вырумааского и Петсеримааского отделений Партии трудящихся Эстонии, разъезжал по названным уездам и проводил народные собрания в связи с выборами органов самоуправления и, как явствует из материалов следствия, выступал на этих собраниях с резкими антигосударственными речами. Содержание всех речей, произнесенных Веймером до распространения 24 октября прошлого года листовок Центрального Комитета Коммунистической партии, было совершенно сходным с содержанием означенных воззваний, из чего следует, что план речей был дан ему коммунистической организацией или что он сам был автором листовок.

Одним словом, на основании вышеуказанных причин по распоряжению охранный полиции в квартире Веймера и Вальтера

был произведен обыск. При обыске, между прочим, был обнаружен большой запас изданных Центральным Комитетом Коммунистической партии и помеченных 8 ноября 1923 года листовок под заголовком „Эстонскому трудовому народу“, которые, по агентурным данным, предназначались для отправки в Валга, куда Веймер и Вальтер собирались ехать на организованный студенческим социал-философским обществом концерт-митинг. По данным охранной полиции, распространением коммунистических воззваний и листовок занимаются только надежные члены рабочих организаций, состоящие в тайной связи с Центральным Комитетом партии. Следователь произвел осмотр обнаруженных в квартире Веймера и Вальтера листовок и литературы. В одной из листовок имеются следующие фразы:

„Вы должны обеими руками взять винтовку и пулемет, которые вам предлагают, но для того, чтобы по первому зову партии коммунистов повернуть их против теперешних предателей и мошенников. Ваш долг штыками расчистить место для правительства трудового народа.

Таллин, 1923 г., 24 окт. Центральный Комитет Коммунистической партии Эстонии“».

Далее в обвинительном акте говорилось, что ни Вальтер, ни я виновными себя не признали, говорили, что в антигосударственной организации не работали и листовок не распространяли.

Обвинительная часть акта гласила: «Арнольд Веймер, состоя в прямой связи с подпольным Центральным Комитетом Коммунистической партии Эстонии и будучи доверенным лицом Центрального Комитета и инструктором Вальгамааского, Вырумааского и Петсеримааского отделений Партии грудящихся Эстонии, в соответствии с указаниями Коммунистической партии Эстонии:

а) проводил в Вальгамааском, Вырумааском и Петсеримааском уездах агитационные собрания в пользу Единого фронта. Между прочим, в своих выступлениях 13 ноября 1923 года в поселке Тырва и 16 ноября в имении Хольстре сознательно распространял ложные сведения о деятельности правительства республики, о намерении Эстонии напасть на Советскую Россию, преследуя при этом цель возбуждения антиправительственных настроений;

б) распространял листовки подпольного Центрального Комитета Коммунистической партии Эстонии, рабочей фракции и Единого фронта. Между прочим, хранил у себя в квартире с целью распространения листовки Центрального Комитета Коммунистической партии от 7 ноября 1923 года, содержавшие

сообщения о намерении Эстонской республики напасть на Советскую Россию...»

Как видно из этого громоздкого акта, в руках обвинителей не было никаких доказательств нашей с Вальтером связи с Центральным Комитетом. Этот «вывод» сделан только на основании обнаруженных у меня листовок. Такая «аргументация» была характерна для всего «процесса 149-ти».

В обвинительном акте приводились произвольно выхваченные из документов III, Коммунистического Интернационала фразы и на их основании делался вывод, что все организации, принявшие принципы Коминтерна, уже по одному этому являются противозаконными организациями и их членов в Эстонии надлежит привлекать к судебной ответственности, как ниспровергателей государственного строя. И это невзирая на то, что эти организации были официально зарегистрированы и никаких оснований для обвинения их у властей не было. Не случайно на процессе один из защитников подсудимых заявил, что все обвинения стоят на очень «слабых ножках» и на основании их, собственно говоря, нельзя привлекать к ответственности, что так ведь через месяц-другой могут обвинить и его, адвоката, поскольку он защищал в суде коммунистов...

Так был состряпан этот обвинительный акт — без фактов, без соблюдения хотя бы видимой законности...

Нас было не 149, с нами шел весь народ

Налет на «Рабочий, подвал». — Силы революции растут. — Суд над коммунистами — суд над трудящимися. — Кого испугалась буржуазия? — «Виновен в том, что не успел сделать больше».

Почти все подсудимые на «процессе 149-ти» были схвачены в Таллине, в «Рабочем подвале». Газета «Советская Эстония» в корреспонденции Т. Давыдовой 27 ноября 1964 года (в связи с 40-летием «процесса 149-ти») рассказала, как это было. Автор нарисовала, по воспоминаниям, довольно яркую и точную картину. Обратимся к ней.

«Дверь распахнулась, и полицейские ворвались в подвал, в котором находились рабочие организации. Грубый рев: „Не двигаться с места!“ Собрание закрыто. Руководитель собрания ответил: собрание легальное, профсоюзное и будет продолжаться. Полицейские бросились к столу президиума и оттерли от него руководителя собрания. Затем, обращаясь к сидящим на скамьях слушателям, крикнули: „Вынуть документы!“, „Предъявить документы!“ Полицейские начальники выложили на стол свои списки. Медленно водя красными от холода пальцами по бумаге, сравнивали фамилии в списках с документами. Всех, чьи имена значились в полицейском списке, загоняли в один угол подвала как подозрительных. Начался обыск. Полицейские выдирали доски в полу, искали компрометирующую литературу. Искали, но ничего не нашли. Тем не менее арестованных посадили в автобус и отправили в помещение конной полиции, а оттуда в ту же ночь — по тюрьмам. В этот вечер обыски и аресты производились не только в „Рабочем подвале“, где рабочие Таллина собрались для обсуждения своих профсоюзных дел. Полиция врывается также в квартиры активных деятелей рабочего движения, и не только в Таллине, но по всей стране. На следующее утро буржуазная газета „Пяэвалехт“ писала: „Была предпринята основательная чистка. По эстонской земле впредь не осмелится ходить ни один коммунист. Ничего коммунистического“».

Буржуазия тщательно готовилась к нанесению удара по рабочему классу. 21 января 1924 года охранный полиция быстро и повсеместно разгромила не менее 300 рабочих организаций. Однако радовалась и заклинала буржуазия рано. Ее уверенность в своей силе была наигранной: на самом же деле ее охватил

животный страх, для которого имелось более чем достаточно причин. 1923 год показал, что революционное движение Эстонии уже представляет собою большую силу. В мае на выборах в Государственное собрание Единый фронт трудящихся получил 10 процентов всех депутатских мест, и это в условиях все усиливавшегося террора, фактического лишения права слова и собраний, аннулирования списков Единого фронта в самых пролетарских избирательных округах — в Таллине, Вырумааском уезде (вместе с городом Нарвой). В декабре на выборах органов местного самоуправления трудящиеся добились еще большей победы. В 47 волостях и 9 поселках списки Единого фронта получили наибольшее число голосов.

И хотя январские аресты были действительно очень тяжелым ударом по рабочему классу, но на то, что по земле Эстонии «впредь не посмеет ходить ни один коммунист», буржуазия рассчитывала напрасно.

Сила и зрелость эстонского революционного движения ярко проявлялись и в это крайне тяжелое для него время. Террор не мог подавить революционной активности масс. Вместо арестованных в борьбу вступало все больше и больше трудящихся. Коммунистическая партия, по-прежнему находившаяся в подполье, продолжала руководить революционным движением, готовила массы к восстанию.

Грозовая атмосфера уже явственно чувствовалась во всем. Рабочий класс Эстонии, несмотря на весь гнет реакции, не был сломлен. По всей стране была создана сеть рабочих профсоюзов, причем не только в городах, но и в деревне. Теперь и деревня оказалась в состоянии очень быстро сплотить свои ряды — это было характерным для того времени. В народе росло сознание необходимости сплотиться, найти хотя бы минимальную защиту против жестокостей «серых» баронов, банков и городских господ. Сельские рабочие и деревенская беднота объединились в союзы сельских трудящихся, которые еще в 1922 году провели свой съезд, выбрали правление. В основу своей деятельности союз положил принципы и тактику всемирного объединения революционных рабочих — Профинтерна.

В своем бессилии буржуазия встала на путь расправы и бесчинств. По существу, суд над 149 коммунистами был судилищем над всем рабочим классом и крестьянством Эстонии, которые, несмотря на все погромы, остались верны идее Советской власти. И вот, не имея в своем распоряжении других фактов, суд вынужден был изворачиваться, ловчить, придумывать обвинения одно другого бездоказательнее. «Рабочие Эстонии вооружены принципами Профинтерна», — твердили власти и за

это арестовывали и судили. Но с юридической точки зрения это обвинение не было достаточным для привлечения к суду, так как буржуазно-демократическое законодательство все же не предусматривало подобного толкования закона. Однако буржуазия судила людей в страхе перед идеей, которой они были свято верны, за верность Советской власти.

Суду не помогло обильное цитирование Устава Коминтерна и отдельных его резолюций, ведь их надо было как-то связать с арестованными, а ни в обвинительном акте, ни на самом судебном процессе сделать этого не смогли. Все обвинение против подсудимых держалось на утверждении, что в их намерения входило свержение существующего государственного строя, что будто бы вытекает из 12 требований Единого фронта трудящихся.

Все попытки военно-окружного суда подыскать для властей хотя бы самый маленький фиговый листок для прикрытия оголтелого террора оказались безуспешны. Суд так и не сумел его найти. Не могли же следователи и прокурор выдвинуть в качестве аргумента для столь серьезного обвинения обнаруженные у арестованного Саара две старые винтовки и ручные гранаты. Слишком уж смехотворным и надуманным был бы этот довод.

И только тогда, когда процесс принял острый характер, превратился в политическое событие, обернулся своим острием против самой же буржуазии, суд ухватился и за эту «соломинку»: две старые винтовки превратились... в оружейный склад, принадлежавший всем подсудимым, хотя на суде ничем не было подтверждено, что подсудимые вообще знали о существовании этих винтовок. Вся история с оружейным складом была чистейшим блефом, понадобившимся для того, чтобы повысить меру наказания с 10 лет до пожизненного заключения. В этом был единственный смысл и задача всего процесса. Не случайно суд не допустил двух юристов из Советской России. Хотя вопрос об их присутствии на суде поставили защитники подсудимых и по закону им нельзя было в этом отказать. Так власти старались скрыть от всего мира, что процесс над 149 коммунистами является результатом неприкрытого террора.

Проявлением этого террора была также и расправа над Яном Томпом. Его обвинили в том, будто он призывал на суде к мятежу. Это было вопиющей ложью, Ян Томп не призывал к восстанию, он заявил только, что не признает себя виновным перед классовым судом буржуазии, а в последнем слове воскликнул: «Да здравствует правительство рабочих и крестьян!» И за это Яана Томпа немедленно предали военно-полевому суду.

Буржуазия бессовестно попирала принципы так называемой

демократической республики. Конституция Эстонии гарантировала неприкосновенность личности депутатов. Депутата можно было арестовать и взять под стражу на основании особого постановления. Исключение допускалось только в том случае, если он пойман на месте преступления. Но что для буржуазных властей конституция! Члены парламента были арестованы на собраниях рабочих профсоюзов или в «Рабочем подвале», и без всяких улик. Самого факта преступления просто не существовало, и его нельзя было, естественно, обосновать юридически и таким образом оправдать противозаконные аресты членов Государственного собрания.

10–27 ноября 1924 года буржуазия устроила комедию суда над 149 коммунистами. Она возлагала большие надежды на это судилище, рассчитывая уже самым числом обвиняемых посеять страх в среде революционно настроенных рабочих и крестьян. Однако результат был прямо противоположен. Коммунисты держались на суде так мужественно и бесстрашно, что в сердцах многих и многих трудящихся лишь укрепилось стремление стать их соратниками в революционной борьбе. Испугала буржуазия лишь себя. О паническом страхе, охватившем правящие верхи в связи с «процессом 149-ти», весьма наглядное представление дает отчет, напечатанный в номере буржуазной газеты «Пяэвалехт» от 11 ноября 1924 года. Привожу его текст.

«Первый день процесса. Понедельник, 10 ноября 1924 года; заключенных привели из тюрьмы строем, взятым в четыре кольца. Сначала кольцо тюремной стражи, затем кольцо военных, затем подразделение коменданта города и, наконец, конная полиция. Таким образом, были приняты сверхчрезвычайные меры при конвоировании закованных в кандалы арестантов. Кроме того, на углах всех вливающих в Тарту маантеэ улиц также находились чины армии и охранной полиции!»

Вот как «берегла» буржуазия коммунистов от народа! Ее страх перед ним проявлялся в том, как сообщала ее печать о коммунистах и их поведении на процессе, как она клеветала на них. Подсудимые все вынесли с достоинством и честью, отвечая лишь на вопросы, имевшие прямое отношение к революционной ситуации, сложившейся в Эстонии. Это, пожалуй, стоит иметь в виду, когда теперь задним числом оцениваешь ход суда.

После тех событий прошло полвека. Это довольно большой срок, если учесть среднюю продолжительность жизни человека. И теперь, когда читаешь обвинительные акты тогдашних процессов, вправе сказать: «Шапку долой перед молодыми, энергичными, пламенными революционерами!» Конечно, с высоты нынешних дней можно рассуждать и о недостатке у них чувства реальности

в оценке положения, и о некоторой наивности. Это естественно: взгляды 20-летнего и 70-летнего человека не всегда совпадают. Но и теперь, когда мы мысленно возвращаемся к прошлому, мы можем сказать, что в целом наши оценки были справедливы. Мы правильно квалифицировали главное: «процесс 149-ти» — судебная комедия, бесстыдная попытка изобразить белый террор в виде чистого цветка буржуазной демократии. Сам обвинительный акт представлял собой комбинацию слов и как юридический документ не выдерживал никакой критики.

Коммунисты превратили суд в демонстрацию своей силы и преданности делу революции. В подтверждение этого сошлюсь еще раз на статью Т. Давыдовой «Сильные духом», опубликованную в газете «Советская Эстония» 27 ноября 1964 года.

«— Суд идет, — объявил дежурный офицер.

Все встали. Но не успел еще суд занять свои места, как под сводами зала зазвучало:

Вставай, проклятьем
заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!..

Багровый от ярости председатель суда Хельк напрасно кричал: „Замолчать! Прекратить!“ Его выкрики тонули в мелодии гимна. Судьи бежали из зала.

А мелодия лилась. В хор вступали все новые голоса. С подсудимыми пели многие из публики:

Весь мир насилия мы разрушим
До основанья, а затем...

Лидер правых социал-демократов Яан Пийскар не знал, на что решиться. Стоять? Могут подумать, что ты заодно с этими поющими. Сесть? Ни один рабочий больше не поверит, что ты — за интересы народа. К рабочим и без того теперь не подступиться, раз ты — свидетель обвинения. Так и не решив, как ему быть, тучный Пийскар то приседает, то выпрямляется. Выглядит он очень комично.

А хор поет дружно, уверенно:

Мы наш, мы новый мир
построим...

Враждебные руки распахнули снаружи рамы окон. На поющих усталились дула винтовок. Но гимн не оборвался.

Кто был ничем, тот станет всем.
Это есть наш последний
И решительный бой...

Так под дулами винтовок пропели „Интернационал“ до конца. Сели. Конвоиры получили приказ вывести подсудимых из зала.

Во дворе хозяйничал ноябрьский ветер. Запаястыя холодил металл наручников. Одетые легко, кое-как, арестованные, поеживаясь, ждали, что будет дальше. Когда их стали поодиночке вызывать в зал, кричали: „Вот тебе и военный окружной суд! Бойтся нас, когда мы вместе. Вояки!“

Председательствовал на процессе Николай Хельк. Фигура примечательная — это был карьерист чистейшей воды. За годы буржуазной власти он из младшего лейтенанта стал генерал-майором юстиции. Талант? Трудолюбие? Нет. Бешеная ненависть к коммунистам. Лакейская угодливость перед буржуазией. И родственные отношения с президентом Пятсом.

На улице ноябрьский ветер. Холодно, сыро. Нас вызывали в зал суда поодиночке. Допрос: фамилия? имя? год рождения? получил ли обвинительное заключение?

Яана Томпа, Ольгу Лауристин-Кюннапу, Вольдемара Сасси, Оскара Сепре, Александра Резева и меня за «непочтительные» ответы сразу же выводят из зала и сажают в карцер на хлеб и воду.

Обвинительное заключение читалось два дня. Читали его члены суда по очереди. Одному секретарю это было не под силу. 150 страниц типографской печати и еще на двух страницах — список свидетелей защиты. В нем — жандармы, шпики, провокаторы и правые социал-демократы. Свидетели — хоть куда!

Снова допрос. Снова — поодиночке (боятся «Интернационала»).

— Признаете ли себя виновным?

— Виновен перед рабочим классом. Слишком мало работал в его интересах. Не успел сделать больше.

— Не признаю вашего суда — суда эксплуататоров, палачей.

— Сегодня судите вы. Завтра вас будет судить революционный рабочий трибунал.

— Ваш суд — бутафория! А вы, военные судьи, — игрушки из папье-маше, сделанные руками буржуазии...

В этот день народу в карцерах стало больше. В другой карцер — карцер через коридор, напротив, — посадили женщин. Они были тогда очень молоды — и Лена Лайд, и Ольга Кюннау, и Леонтина Вельс, и Эльфриде Моргенсон. Старшей из них двадцать три. Но они были так бесстрашны, что судьи приходили в ярость. Суд констатировал: «Демонстративно оскорбительное поведение на процессе».

14 ноября вызвали только одного Яана Томпа. У судей к нему свой особый счет. Когда его, отказавшегося признать себя виновным, выводили из зала, он воскликнул:

— Да здравствует правительство трудящихся!

Куда, зачем увели Томпа, никто из нас не знал. А на следующий день в зале суда объявили сообщение коменданта города Таллина о приговоре военно-полевого суда по делу Яана Томпа. И о том, что приговор уже приведен в исполнение...

Яана Томпа расстреляли, чтобы испугать нас. Но в страхе были сами судьи. Нас, отправленных в карцер, больше в суд не вызывали до самого приговора.

В ночь на 27 ноября нас разбудили. Обыскали. Велели выстроиться во дворе. Там уже распоряжался комендант города Таллина. Он приказал арестованным:

— Не шуметь! Не выходить из строя! А то...

В 3 часа 15 минут 27 ноября в суде нам зачитали приговор. 129 человек осудили на различные сроки исправительно-трудовых и каторжных работ. Из них сорок шесть — на пожизненную каторгу. Я был в их числе. Сорок шесть приговоренных к пожизненной каторге дружно рассмеялись. У журналистов и судей от изумления вытянулись физиономии. Один из сорока шести, Хендрик Аллик, продолжая смеяться, объяснил:

— Пожизненно — значит до конца буржуазной республики...

Успехи советской страны — это наши успехи

Обходя тюремную цензуру. — «Пришлите „Поднятую целину“ Шолохова». — Наша сила — в сплоченности. — «Большой поддержкой для нас является сознание, что у вас там работа приносит плоды».

Мы действительно были глубоко убеждены, что конец власти буржуазии не за горами. Нашу убежденность не поколебали ни поражение пролетарской революции в Германии, ни удушение Венгерской Советской республики. О нашей твердой вере в скорую победу революции говорят письма, которые мы нелегально отправляли из тюрьмы в рабочие организации, молодежи, в МОПР. В этой вере нас утверждали успехи Советского Союза, о которых мы узнавали по различным скрытым каналам.

Мысль о том, что успехи советских людей — это и наши успехи, проходила красной нитью во всех письмах, на каком бы языке и в каких бы выражениях они ни были написаны. Мы жадно интересовались всем, что происходило в Стране Советов. Просили близких и друзей присылать нам книги и письма о жизни в СССР. Опасаясь, что из-за строгой цензуры письма не попадут к нам, мы советовали рассказывать нам о Монголии, не упоминать Советскую Россию. Книги на русском языке вызывали у цензуры приступ ярости. Но зато легко пропускалась литература (в том числе и «противогосударственная») на немецком, французском языках. Этим мы и пользовались. Заключение интенсивно изучали иностранные языки, и чтение немецких и других книг уже не представляло для нас проблемы.

В архиве хранится несколько моих писем, довольно убедительно рисующих жизнь политзаключенных.

Приведу с некоторыми сокращениями одно мое письмо. Оно ушло в СССР нелегальным путем в июне 1935 года, то есть когда за спиной у его автора было уже 12 лет каторги.

«Дорогой Адольф, я очень рад, что ты написал мне и обещаешь писать и впредь, потому что мы все здесь больше интересуемся вашей жизнью, чем вы сами. Вы же так заняты повседневными делами, а мы только и можем делать, что все мысленно взвешивать и высчитывать. Ведь от успеха вашей работы зависит и наша судьба, а письма остались для нас теперь

единственным источником, через который мы можем кое-что узнать о вашей жизни. Поскольку всякая печать для нас запрещена и книги часто задерживают, особенно хорошо, что ты работаешь в колхозе и таким образом можешь, основываясь на собственном опыте, описать тамошнюю жизнь. Скажу наперед, что я очень жаден. Хочу получить много, давая взамен мало. Дело в том, что я могу посылать в год только шесть писем и то теоретически, лишь в лучшем случае. В действительности же из-за дисциплинарных взысканий это число сильно сокращается. Так что при самом большом желании я не могу послать тебе больше одного письма в год. Плохо дело, но ничего не попишешь.

Тебе, наверное, поначалу трудно было мне писать по той причине, что не знаешь, какое понятие мы имеем о вашей жизни в колхозе. Поэтому напишу коротко, что мы о ней знаем. Членами колхоза является деревенская беднота, включая середняков. О размерах колхоза не имеем представления. Правление колхоза избирается членами колхоза.

Есть ли между правлением и членами колхоза какое-нибудь промежуточное звено? Не знаем. А также не знаем, как далеко простирается власть правления, например при приобретении инвентаря, распределении работ и т. д. Кому подотчетно правление? Только членам колхоза?

Поля, инвентарь и земля находятся в коллективном пользовании. Колхозникам оставлено право держать корову, овец, свиней, домашнюю птицу — так ли это? Колхоз имеет собственное стадо и рабочий скот. Есть ли в вашем округе государственная тракторная станция, какие полевые работы выполняются машинами станций? Какие там есть машины? Как велик район деятельности такой станции? Много ли недовольства бывает, когда машины не успевают всюду в самое лучшее время? Видел ли ты, как работают комбайны? Можно ли их использовать здесь, на севере, или они годятся только на юге, где более сухая погода? Применяете ли вы искусственные удобрения? Много ли было забито скота при коллективизации? Как велико колхозное поголовье? Сколько молодняка? Сколько вообще разного рода скота? Сколько рабочих и сколько ездовых лошадей? Как велика посевная площадь? Что вы сеете? Урожай с гектара раньше и теперь? Сколько из него вы употребляете сами? Сколько продаете и куда?

С колхозных дворов взимаются государственные налоги, как велики они? Плата машинной станции — какая? Определенное количество зерна продается государству, сколько, по какой цене? Вычитаемая из дохода сумма на производственные расходы, машины и т. д.

Наконец, остаток распределяется между колхозниками в зависимости от того, сколько кто выработал трудодней, это так? Сколько, например, в вашем колхозе колхозник получил на трудодень в минувшем году? Какова земля в вашем колхозе? Сильно ли ее нужно улучшать, прежде чем можно полностью использовать машины?

Как обстоит дело с выходящими из колхоза? Ведь с увеличением числа машин вроде бы должна высвобождаться рабочая сила для промышленных предприятий? Сколько у вас людей? Если при вступлении в колхоз люди имели инвентарь, получают ли они при выходе из колхоза какое-нибудь возмещение за него?

Сколько у вас в колхозе партийных, молодежи? Что вы сделали и намереваетесь сделать в ближайшем будущем на культурном поприще? Какая у вас школа? Какие организации есть в колхозе? Издается ли своя стенгазета, какие газеты читаете? Как обстоят дела со спортом? Сломлена ли власть религиозных мракобесов? Многие ли читают книги? Уходит ли молодежь в город получать образование и много ли таких? Кто помогает нести связанные с этим расходы и т. д.

Таких вопросов можно задать тьму-тьмущую, но не стоит продолжать, ведь ты сам видишь, какого они рода. И если ты мне на них ответишь и добавишь текущую информацию, каков был урожай у вас и во всем Советском Союзе, много ли производится тракторов и других машин и т. д., и напишешь о своей личной жизни, ты можешь быть уверен, что твое письмо ждет теплый прием и я заранее говорю тебе спасибо!

Хорошо, если бы ты прислал нам художественную литературу, такие книги меньше всего задерживают. Например, вторую часть „Поднятой целины“ Шолохова, первая часть у нас есть. А также, если вышла, — третью часть. Из учебников не могу ничего назвать, выбирать не приходится, пропускают книгу, если она чисто технического содержания.

Теперь несколько строк о себе. Мне 32 года, из них 12 лет провел в тюрьме, из этого ты можешь заключить, что арестовали меня совсем молодым, так что революционной работой успел заниматься совсем мало и все-таки, несмотря на это, приговорен к пожизненному заключению. Из семьи живы мать и брат. Отец умер в 1929 году. Второго брата расстреляли 1 декабря 1924 года за участие в подготовке вооруженного восстания рабочих. У матери небольшой арендный участок — 8 га, платит за него городу около 400 крон, что составляет половину дохода, — эксплуатация крепкая. Брат — мелкий чиновник.

О тюремной жизни. Мы уже третий год сидим в одиночках.

Но поскольку камер мало, нас держат по двое в одной камере. Размер камеры — 4×3 шага. Тут же в камере уборная и водопроводный кран, так что выходим из камеры только на 20-минутную прогулку. В двери камеры есть небольшое окно, через которое нам подают еду. Так что можно сказать, что мы совершенно отрезаны от внешнего мира. Ничего хорошего из этого дома написать нельзя. Господа стремятся удержать свою власть посредством неприкрытого террора. И если это так на воле, что же говорить о тюремной жизни, где нашим верным средством борьбы является сплоченность и упорство. Это нам помогало до сих пор, и надеемся, что будет помогать и впредь.

Большой поддержкой для нас является сознание, что у вас там работа приносит плоды и особенно труд ваших колхозников. Это должно показать деревенской бедноте всего мира путь из того тупика, в котором бьется сейчас весь буржуазный мир. Вы знаете, что уже в 1932 году, когда кризис еще далеко не достиг высшей точки, в Соединенных Штатах Америки было 1,2 миллиона брошенных ферм, владельцы которых могли назвать своими одну только палку и мешок, так как их имущество пошло с молотка. Эта цифра была бы еще больше, если бы число безработных не достигало 10 с лишним миллионов человек. В то же время крупные фермы работали с удовлетворительным успехом, как об этом писал их министр земледелия.

Отсюда ясно, какое значение имеет ваша работа для бедняков всех стран, ведь аукционный молоток занесен над их головой и впереди им маячит призрак безработицы. По вашей работе они в состоянии видеть, что можно жить и иначе.

Желаю крепкого здоровья...

Это письмо посылаю тайком, в своем ответе не упоминай про него, пойму по содержанию».

Письмо к другу «Адольф» было послано тайно. Читатель видит, как много в нем вопросов, касающихся колхозов. Это, разумеется, не значит, что я или кто-нибудь другой вплотную заинтересовались проблемой колхозного строительства. Обилие вопросов давало корреспонденту возможность дать так же много ответов. И я, будучи уже опытным конспиратором, учил писать между строк.

Мое письмо характерно и тем живым интересом к жизни Советского Союза, который был присущ, конечно, не только мне. В этом убеждаешься, читая и другие письма политзаключенных. Хорошо передано в письме наше понимание международного значения успехов экономики Советского Союза для трудящихся других стран. Эти успехи дали нам силы выстоять. Приговоренные к пожизненной каторге или к 15–20 годам (что,

по существу, означало то же самое), черпали в победном шествии Советского Союза огромную волю и веру в то, что социалистическое строительство в СССР неизбежно приведет и к нашей победе. А в условиях, которые создали для политзаключенных после поражения восстания 1 декабря 1924 года, это было очень важно.

Борьба продолжается

Статья в газете «Тюремный луч». — Следы «одиночки». — Организация политзаключенных. — «Вабе» и «Кабе». — Кто станет центром?

Перелистывая книгу «За решеткой»^[19] я наткнулся на статью, которую написал в 1980 году для нелегальной рукописной газеты «Тюремный луч» № 2 от 1 февраля. Поскольку эта статья довольно хорошо раскрывает тактику нашей борьбы за тюремной решеткой, приведу ее.

«Для улучшения положения заключенных нужны их общие требования. Для этого между заключенными должно быть тесное сотрудничество, каждый заключенный должен писать заметки в „Тюремный луч“.

Имеется бесчисленное количество примеров, подтверждающих, что, если отдельный заключенный начнет тягаться с администрацией, последнее слово непременно останется за правительством, а заключенный будет наказан. Ведь за спиной часового стоит начальник тюрьмы, а за его спиной начальник главного управления, прокуроры, и весь этот букет венчает министр юстиции, который окончательно затыкает рот заключенному, если тот упорно настаивает на своих требованиях.

Таким образом, угнетатели заключенных организованы, составляют единый фронт. Подавить одного заключенного для такой силы — просто забава. Поэтому необходимым условием улучшения положения заключенных является сплочение их в свой единый фронт, чтобы противостоять гнету правительства, — это уже и раньше делалось, и не безрезультатно. Далеко ходить за примерами не надо, достаточно вспомнить направленную недавно совместную жалобу в связи с избиением одного заключенного. Точно так же в прошлом, т. е. 1929 году, пришлось вести особенно упорную войну из-за длительного содержания заключенных на голодном пайке.

Систематически появлялись статьи о тюремных условиях как во внутренних, так и в зарубежных рабочих газетах. Даже министр юстиции Кальбус не в силах был покрыть злоупотребления своих подчиненных и до последнего времени засыпает редакции зарубежных рабочих газет своими опровержениями, пытаясь доказать, что ни в одной из эстонских тюрем заключенные не спят на полу, расстояние между постелями составляет один метр, пищевой рацион во всяком случае не ниже рациона полицейской собаки и т. д. Конечно, вся

эта ложь была разоблачена заключенными. [20]

Чтобы добиться удовлетворительных результатов, мы должны крепче сплачивать свои ряды и совместными требованиями улучшать свое положение. Но совместные требования могут появиться лишь в том случае, если каждый акт произвола тюремного управления будет касаться всех заключенных.

Газета заключенных „Тюремный луч“ и выполняет эту задачу. Но если мы лишь из буржуазных газет узнали, что в Нарве заключенные открыто протестовали против плохой пищи, что в Харку заключенного ранил шашкой пьяный представитель власти, тогда как в „Тюремном луче“ об этом не появилось ни слова, то из этого надо сделать вывод о необходимости укреплять связь между заключенными и их собственной газетой.

Общеизвестно, как жестоко угнетают заключенных в мастерских, здесь и речи нет о 8-часовом рабочем дне. Говорят, что за напряженный труд заключенным, делающим, например, коробки, платят так мало, что хватает только на папиросы и на сахар. Общеизвестно также, какой произвол, какая бесконтрольность царят при определении платы. А произвол тюремного управления над заработанными заключенными деньгами? Ведь не секрет, что скопившаяся в течение лет неприкосновенная половина заработка заключенных фактически является фондом, откуда тюремное управление берет необходимые суммы для покрытия всевозможных недостат и растрат. А все это позволяет тюремному управлению выступать на маленьком рынке труда Эстонии в качестве весьма весомого фактора понижения заработной платы.

И поэтому политзаключенные, хотя сами они на работу не ходят, поддерживают каждую попытку других заключенных бороться против эксплуатации.

Обличение подлинного положения работающих — одно из звеньев этой борьбы. Что работающего заключенного эксплуатируют — это общеизвестно, однако необходим подробный материал для обличения этого. Поэтому ближайшая задача всех сознательных заключенных — следить за тем, чтобы каждый случай хищения пайка, каждый случай грубого обращения, каждая нетопленная камера, эксплуатация заключенных были правдиво описаны в „Тюремном луче“. Каждый заключенный должен быть сотрудником „Луча“. Улучшение собственного положения возможно только при сплочении сил».

Воспоминания о пребывании в тюрьме довольно тягостны. Многое пришлось пережить борцам за Советскую власть. Среди них были и такие, как я, — попали в тюрьму 20-летними, а вышли

из нее 35-летними. Это не могло не повлиять на их физическое и духовное состояние. В тюрьме был разработан целый комплекс мер для превращения коммуниста в «приличного» гражданина. И право же, не вина «воспитателей», что у них ничего не вышло. Конечно, находились и такие, кто в революционной ситуации выступал вместе с другими, но позднее, в тюрьме, когда надо было проявить характер и выдержку, сдавался. Но у тех, кто отсидел весь срок и не согнулся, появились в характере новые черты, которыми они прежде не обладали, их привила им тюрьма. Помню себя: до тюрьмы я был живым, общительным, а по выходе из тюрьмы долгое время не в состоянии был в многолюдной среде отделаться от какой-то скованности. Видно, сказывались годы, проведенные в одиночке.

Как должны были держаться в тюрьме политзаключенные, чтобы, с одной стороны, не дать спровоцировать себя «черным» (так мы называли тюремных надзирателей по цвету их мундиров) и, с другой стороны, самим не лезть зря на рожон? Надо сказать, что состав политзаключенных был очень пестрым как по возрасту, образованию, так и по профессии, и поэтому особенно необходимо было сплотить их в один коллектив. Политзаключенные стали подумывать о создании своей организации, хотя прекрасно сознавали, что это повлечет за собой новые испытания и трудности, новые наказания.

Организация могла возникнуть на базе общих требований политзаключенных, которые были сформулированы в одном из обращений: «Отделение политических заключенных от уголовных. Отмена „прогрессивной системы“ наказания в отношении политзаключенных. Увеличение пайка и улучшение его качества. Разрешение свиданий с родными и переписки, отмена ограничений на продуктовые передачи. Право на подписку и чтение газет. Отмена коллективного наказания».^[21]

Наша сила состояла в том, чтобы держаться единой семьей, чтобы, как на войне, чувствовать локоть соседа — в этом была как моральная, так и физическая необходимость. Кто именно и когда первым высказал мысль, что необходимо создать такую организацию, наверное, невозможно установить, мысль об этом, как говорится, витала в воздухе, ее вынашивали одновременно как в Центральной тюрьме («Батарей»), так и в карательной тюрьме («Сирина»). Все чувствовали необходимость в организации. И она была создана.

Назвать всех инициаторов создания организации довольно трудно. Одним из ее вдохновителей был Йоханнес Лауристин, его поддерживали Хендрик Аллик, Андрей Мурро, Оскар Сепре, Ольга Кюннапу, я и другие. Моя память не сохранила, что было прежде

— яйцо или курица, то есть что было раньше — «вабе» (вангимая — тюремное бюро) или «кабе» (камбрибюро, камерное бюро). Мне представляется, будто первоначально было все же камерное бюро. «Кабе» были созданы во всех камерах, где политзаключенных было не меньше трех, потому что три человека было вроде минимума, необходимого для голосования, а там, где политзаключенных в общих камерах было менее трех, скажем, двое, то один из них был связной, держал связь с политзаключенными других камер. С образованием во многих камерах «кабе» появилась необходимость в центре, который объединял бы всех политзаключенных в одну семью, представлял организацию как в тюрьме, так и вне ее стен. Последнее имело большое значение, поскольку товарищам с воли надо было знать, с кем они должны иметь дело, кто выражает взгляды политзаключенных как коллектива.

Кто мог стать этим координирующим центром? Скажем, бывшие депутаты Государственного собрания, которые пользовались большим авторитетом. Но дело затруднялось тем, что они сидели не в одной камере. Значит, координирующим центром бывшие депутаты стать не могли. Оставалось одно — создать центр на другой основе. При строгом соблюдении правил конспирации такой центр был создан.

Тюрьмы делились на отделения, каждое в пределах одного коридора с запирающимися дверями, за которыми всегда стояли надзиратели. Таким образом, составной единицей организации политзаключенных стало отделение, или коридор со всеми находившимися здесь камерами. Само собой образовалось бюро отделения, или «ябе» (яосконна бюро), которое координировало действия политзаключенных одного коридора.

После вынесения приговора политзаключенные помещались главным образом в пятом отделении. Здесь содержались в основном приговоренные к пожизненным каторжным работам и некоторое число осужденных на 15–20 лет. Каждая камера имела по 15–16 нар. Политзаключенные и уголовные сидели вместе. В некоторых камерах большинство составляли политзаключенные, а в некоторых — уголовники, осужденные за тяжкие преступления.

В пятом отделении были самые толстые стены и самые крепкие решетки. «Батарея» являлась раньше крепостью, ее стены, сложенные из плитняка, были толщиной более чем в сажень. В камере имелось сравнительно большое окно, которое было затянуто тонкой и густой сеткой и двойной решеткой из толстых железных прутьев. Свет через такую преграду проникал плохо. Особенно мешала мелкая сетка, зимой ее залепляло снегом, и в

камере воцарялась полутьма.

В «каменном пароходе»

12 тюрем в буржуазно-демократической республике. — Пресс оправдывает свою фамилию. — Гибель Адольфа Цильмера и Мартина Нурка. — Юная Вильгельмана Клементи и ее подруги.

Мрак усугублял и без того тяжелые условия нашей жизни. Мы должны были безропотно терпеть все издевательства «черных». За малейшую провинность следовало наказание.

Приведу один документ о налагавшихся на политзаключенных Центральной тюрьмы дисциплинарных наказаниях в 1930 году (в нем укашено имя политзаключенного, количество проведенных им в карцере дней и число месяцев, на которые он был лишен «прав»):

«Силленберг, Йох — 41 день, 7,5 месяца; Шер — 23 дня, 5 месяцев; Вите — 12 дней, 4 месяца; Куль — 10 дней, 2 месяца; Бауман — 14 дней, 3 месяца; Тульп — 57 дней, 5 месяцев; Ральф Пика — 24 дня, 11,5 месяца; Китсинг — 42 дня, 7 месяцев; Эрлих — 73 дня, 7 месяцев; Рейнштейн — 40 дней, 2 месяца; Рандорф — 17 дней, 12 месяцев; Аксель — 33 дня, 11,5 месяца».

А вот сведения за 1931 год. «37-я камера. Ойнас, Мюльберг, Кэппер, Борн, Апперсон — каждый по 6 месяцев лишения прав; Штамм — 12 дней, 6 месяцев; Сейн — 20 дней, 6 месяцев; Буш — 14 дней, 8 месяцев; Ханзен — 12 дней, 8 месяцев; Юргенсон — 974 месяца, Камберг — 6,5 месяца, Мурро — 8,5 месяца, Сеавере — 14 дней, 4 месяца; Типман — 8 дней, 6,5 месяца, в том числе 6 месяцев коллективного наказания всей камере.

35-я камера: Георг Абельс — 14 дней, 7,5 месяца; Мете — 10 дней, 7 месяцев; Прульян — 38 дней, 8 месяцев; Тыниссон — 12 дней, 9 месяцев; Лейман — 8,5 месяца; Йентсон — 8,5 месяца; Тиннори — 8,5 месяца плюс 3 дня; Роотси — 8,5 месяца; Реа — 3 дня, 9 месяцев; Мададь — 10 дней, 9,5 месяца; Вольдемар Аллик — 12 дней, 8,5 месяца; Борис Кумм — 39 дней, 12 месяцев; Пеетрее — 7 дней, 7,5 месяца; Мязматть — 6 дней, 12 месяцев, в том числе 8,5 месяца коллективного наказания всей камере.

39-я камера: Роотс — 7 дней, 5 месяцев; Саат — 10 дней, 7 месяцев; К. Паук — 7 дней, 11 $\frac{1}{4}$ месяца; Рейнсон — 7 дней, 13 месяцев; Антон — 10 дней, 12 $\frac{1}{2}$ месяца; Пообус — 28 дней, 11 $\frac{1}{4}$ месяца; Оравас — 3 дня, 3 $\frac{1}{4}$ месяца; Куульберг — 6 месяцев; Муй — 10 дней, 11 $\frac{1}{4}$ месяца; Веймер — 65 дней, 16 месяцев; Аллик Хендрик — 14 дней, 11 $\frac{1}{4}$ месяца; Томинг — 3 дня, 6,5 месяца; Цильмер — 12 дней, 8 $\frac{3}{4}$ месяца, в том числе 1074 месяца всей

камере».[22]

Надо сказать «сводка» составлена точно: я действительно просидел в 1931 году 65 дней в карцере, на 16 месяцев меня лишили «прав», то есть запретили читать, писать родным, не давали свиданий с близкими и т. д.

В Эстонии в тот период насчитывалось 12 тюрем. Число томившихся в них политзаключенных не было постоянным. В 1926–1927 годах их было 466, в том числе в Таллине: в Центральной тюрьме — 235, в «Сирина» — 70, в подследственной тюрьме — 15; в Валга — 17, в Пярну — 45, в Тарту — 44, в Нарве — 8, в Курессааре — 6, в Харку — 9, в Раквере — 5, в Вильянди — 12.[23]

Наиболее жестокий, прямо-таки террористический режим царил в Центральной тюрьме. Здесь «черные» зверски избили коммуниста Александра Каазика. Ему насильно сбрили бороду, что якобы вызывалось необходимостью установить его личность. Несмотря на все мучения, Каазика ничего не сказал. Я короткое время сидел с ним на улице Вене, в подследственной тюрьме, Каазик отбывал срок — 8 лет каторжных работ — в камере того отделения, где находились тяжкие преступники. Камера маленькая, на 7–8 человек. В этой же камере был еще Круузамая, обвинявшийся в устройстве побега из тюрьмы политзаключенным женщинам.[24]

Сырость и холод. Пища скверная. За малейшее возражение сажают в карцер, часть которых вообще не отапливается. Обычная тюремная одежда при отправке заключенных в карцер заменяется тряпьем.

Свидание с родными разрешалось шесть раз в год. Это, конечно, при условии, если заключенный не наказан лишением права на свидание, а это делалось, как уже указывалось выше, весьма часто. Кстати, разговаривали заключенные с родными через двойную решетку, между которыми прохаживался надзиратель, зорко следивший, чтобы заключенному ничего не передавалось. Иногда же стоял надзиратель прямо за его спиной.

Приведу строки из одного письма, посланного нелегально 1 сентября 1931 года на имя Александра Круузамая в СССР.

Его автор, узница такой же тюрьмы, только в Вильянди, писала:

«Пользуюсь случаем, чтобы сообщить тебе в двух словах кое-какие новости о нашем „каменном пароходе“. Во-первых, сообщаю, что твоего „бизона“ на суповое мясо получила. Но того журнала, о котором ты упоминаешь в письме, я не видела и о нем ничего не слышала. Если бы задержали, мне бы сообщили. Очевидно, по дороге пропал. У нас задерживают все политические

журналы и книги, а также все книги и журналы, которые рассказывают о достижениях социалистического строительства в Советском Союзе. „Технический разбор“ по некоторым отраслям проходит, а общие итоги о достижениях и успехах строго запрещены. Например, журнал „Наука и техника“ проходит. В Таллине некоторые его получают. Но те номера, где несколько больше говорится об успехах, мы не видим. Исходя из этого, ты сам можешь ориентироваться, когда собираешься что-нибудь послать. В мае я была в Таллине в больнице; я впервые посетила это заведение — „повезло“. В это время там находилась и Лонни Вельс, с которой я лежала в одной палате. Ее совсем свалил ревматизм. На носилках принесли в больницу. Еще была там Лийза Прикс и из тартуских — Цильмер и Борн, ты, наверное, помнишь их. Пребывание в больнице превратилось для меня в приятное событие.

Сию в одиночке уже 15 месяцев. Во время прогулки видела целый легион старых приятелей, как-то: Сепре, Тульпа, Аллика, Кээрдо, Веймера, Резева и др. Ребята что быки, ничего не сделалось. Бледнее и худее стали, но ног не волочат, и настроение у всех хорошее и революционное. Последнему удивляться нечего. Порядок там страшно строгий, по 30 дней заключенные проводят „на зеленой лужайке“ (имеется в виду карцер. — *Ред.*) — это там обычное дело. Это делает „кровожадным“, как и всякая „гражданская война“. Ты и не представляешь себе, какова жизнь в наших гробах. Большую часть года мы сидим на казенном пайке, потому что целые камеры лишаются права получать передачу на шесть, семь месяцев подряд. Одно наказание следует за другим. Вдобавок по 30–45 дней „на зеленой лужайке“. Причина — беспощадная война с нами, живучими. Так что под видом исправления нашего мировоззрения вгоняют в гроб, это им счета не портит, наоборот.

Прошлой осенью от разрыва сердца умер Мартин Нурк, помнишь его по семинарии? В 1924 году ему дали пожизненную за листовки. Будем надеяться, что больше урожая им не собрать и мы поменяемся ролями! Но довольно о наших делах, расскажи лучше, как твои дела. Выполнил ли на сто процентов план сева и урожая? Я уже в прошлый раз спрашивала о подробностях, касающихся твоего имения, но ты в ответ ни звука, не будь же таким ленивым. Передай привет нашей молодежи. Есть ли у вас там ячейка МОПре, привет от меня и ей. Ах да, нас сейчас здесь в Мульгимаа четыре души: трое мужчин и я. Трое уже второй год сидят в одиночке. А вообще-то здесь ничего, не так жестоко преследуют, как в Таллине. Желаю тебе здоровья и сил». [25]

В 30-х годах начальником главного тюремного управления был назначен некто Пресс. Фамилия соответствовала его призванию и характеру. Он прямо заявил политзаключенным, что намерен сломить им хребет и для осуществления своего плана введет новую «систему воспитания». Теперь белый террор стал еще более жестоким. В систему вошли долговременные наказания, в результате отдельные заключенные месяцами сидели в карцере, а целые камеры на многие месяцы лишались всех прав. Этим Пресс надеялся сломить политических заключенных и духовно, и физически. Первой жертвой стал Адольф Цильмер. Он заболел туберкулезом, лечения же, кроме карцера и голода, не было, поэтому он сгорел довольно быстро.

Жертвой суровейших тюремных условий стал и упоминавшийся Мартин Нурк. О его судьбе следует рассказать особо. Выходец из пролетарской семьи, воспитанник Таллинской семинарии, он был схвачен накануне декабрьского восстания в тот момент, когда распространял листовки. Его предали военно-полевому суду на том основании, что он имел при себе оружие. Хотя «оружием» этим был обыкновенный перочинный нож, военно-полевой суд в полном соответствии со всеми законами «демократического» государства приговорил Мартина Нурка к смерти. Но поскольку Мартин, был несовершеннолетний, смертный приговор ему заменили пожизненной каторгой. Ее Мартин Нурк и отбывал главным образом в пятом отделении таллинской Центральной тюрьмы вместе с другими пожизненными заключенными.

Никто не знал, что у Мартина Нурка большое сердце. А сам он не любил говорить о болезнях и горестях. Он почти все время сидел, уткнувшись в книгу, а если к кому и обращался, то чаще всего с какой-нибудь математической задачей, которая у него не выходила, или по другому вопросу из области науки. Нурк пристально следил по газетам за политической обстановкой и участвовал в ее обсуждении, при этом он всегда реально оценивал действительность, учитывал все конкретные факты и на их основе делал выводы. Его не увлекали прогнозы людей с богатой фантазией, таких, как Андрей Мурро или кто-нибудь другой, он, скорее, присоединялся к тем, кто исходил не из желаемого, а из действительного. Но, возможно, это обуславливалось и тем, что он чувствовал себя в области политики еще не совсем уверенно, а в теоретических и философских вопросах недостаточно компетентным. Но во всяком случае, Нурк, по-моему, глубоко положительный образ молодого коммуниста. Его большое сердце не выдержало тюремных условий, и он умер от инфаркта на глазах у всех.

Другая комсомолка того времени Вильгельмине Клементи — по-дружески Виллу — признала для себя более важным практику — активное участие в работе по организации трудящихся, особенно молодежи.

Помню одно собрание в литературном кружке, кто-то заметил, что участие в революции без глубоких теоретических знаний бессмысленно, ведь здесь дело идет не только о тебе самом, а о судьбе народных масс, если же человек недостаточно теоретически подготовлен, он способен причинить движению крупный ущерб. Виллу со всей присущей ей горячностью стала опровергать этот тезис.

— Оратор делает грубую ошибку, — заявила она, — он забывает, что речь идет о движении, вождями которого являются не школьники, не подростки, а опытные как в теоретическом, так и в практическом отношении люди, партия, и поэтому неправильно присваивать школьникам то, что принадлежит партии, и совершенно неверно противопоставлять овладение теорией марксизма-ленинизма революционной практике. История рабочего движения знает так называемых общественных деятелей, в голове которых как бы сложены бесчисленные ящички с цитатами из книг и речей подлинных и мнимых вождей революции, в том числе меньшевиков и даже контрреволюционеров.

— Какой толк в знании цитат, — спрашивала Виллу, — если их не применять и не проверять в жизни, в борьбе, особенно в революционной борьбе рабочего класса? В противном случае эти цитаты становятся дымовой завесой для трусов, которые не осмеливаются вступать в революционное рабочее движение, поскольку это все-таки опасно, а свою трусость маскируют разглагольствованием о том, что сперва надлежит основательно подковаться в теории, а потом уже вступать в революционное движение в роли руководителей.

Они, конечно, не говорят этого открыто, но, безусловно, так думают. Но кто, спрашивается, выдвигает их в руководители? Это ведь не так просто — стать руководителем, подучился теории, и готов руководитель. Чтобы быть руководителем, необходимо иметь доверие народа, а его можно заслужить не болтовней, а борьбой, работой.

Так Виллу на обе лопатки уложила своего противника. Сама же своей повседневной революционной работой она доказывала, что слова у нее не расходятся с делом. Не изменилась она и в тюрьме. И здесь она была готова в любую минуту защищать интересы и мировоззрение революционного рабочего класса. Виллу неизменно была ярым врагом всякого пресмыкательства

перед буржуазией, всяких компромиссов с ней. Она побывала почти во всех тюрьмах Эстонии. Ни один начальник тюрьмы не хотел видеть ее в «своей» тюрьме: ее боялись, особенно после того, как при ее участии был совершен блестящий побег из таллинской подследственной тюрьмы.

Побег из тюрьмы являлся большой редкостью, особенно в условиях режима в подследственной тюрьме. Подробности этого побега забылись, но общая схема все же сохранилась в памяти.

Политические заключенные женского отделения пролезли в сделанный в стене пролом и по веревочной лестнице спустились в соседний двор. Их камера находилась на третьем этаже, но, как потом рассказывали сами участницы побега, спускаясь, они не испытывали страха — ночь была довольно темная, и они просто не видели высоты, механически спускаясь одна за другой. Как это им удалось, ума не приложу, ведь в коридоре непрерывно расхаживал надзиратель, и каждый шорох, малейший шум были ему отчетливо слышны. На это и уповали надзиратели и администрация тюрьмы, и меньше всего они думали, что возможно пробить стену, ведь это сразу было бы услышано. Но, как известно, наиболее уязвимым оказывается место, за которое опасаться меньше всего. Пролом в стене был сделан, так сказать, в тесном сотрудничестве внешних и внутренних сил. Снаружи была проделана дыра, главным исполнителем этого явился один бывший заключенный по фамилии Моррис, хорошо знавший расположение камер в тюрьме. А чтобы заглушить удары, заключенные производили всякий шум в камере, когда надзиратели на них прикрикивали и дело принимало серьезный оборот, заключенные давали знать «каменотесу», чтоб он стучал потише. Отверстие расширяли постепенно.

И вот вынут последний кирпич. В ночь, когда решили бежать, женщины уложили на свои места чучела, одев их в тюремную одежду и набив всем, что только нашлось в камере, и накрыв одеялом. Создавалось полное впечатление лежащего человека. В строгой очередности заключенные пролезали в пролом и по веревочной лестнице спускались вниз. Мгновенно они исчезали, направляясь на условленные квартиры. Вся эта операция была проведена так четко, что надзиратели обнаружили побег только утром после свистка, когда никто из «спящих» в женской камере на него не отреагировал. Среди бежавших были сестры Тельман, осужденные на пожизненную каторгу, подследственные Моргенсон и Прууль, а также Виллу Клементи и Хельми Нийнеберг.

Некоторое время они скрывались на конспиративных

квартирах, ожидая решения партии о своей дальнейшей судьбе. Было решено переправить их через границу в Советский Союз, чтобы они могли укрепить там здоровье, после чего уже определить, как поступить с ними дальше. Переправка через границу была возложена на Круузамяэ, который предложил использовать морской путь как менее опасный, поскольку сухопутная граница с Советским Союзом строго охранялась и даже добраться до границы было делом весьма нелегким.

Потребовалась довольно большая рыбацкая лодка, способная вместить всех. После продолжавшихся некоторое время расспросов и поисков Круузамяэ удалось договориться с одним рыбаком, у которого была подходящая лодка. К назначенному часу женщины собрались в условленном месте и сели в лодку. Лодка отчалила. Спустя немного времени неожиданно появились двое мужчин, которые прятались в лодке, и скомандовали: «Руки вверх, вы арестованы». Щелкнули наручники. Лодка продолжала бороздить воду. Как потом рассказывала одна из бежавших, она со страхом следила за тем, куда повернет лодка, если — в море, то, очевидно, всех тут же расстреляют, если — к берегу, то дело может кончиться водворением в тюрьму. Позже выяснилось, что о побеге узнал провокатор. Так начатая удачно операция закончилась провалом.

Заметим, кстати, что ни того, кто сделал пролом в стене, ни тех, кто помогал совершить побег, охранка обнаружить не смогла.

Виллу Клементи после водворения в тюрьму продолжала борьбу с надзирателями и администрацией. Ее часто сажали в карцер, в результате она заболела одной из самых опасных в тюремных условиях болезней — туберкулезом, от которого и погибла. Отказать родным в выдаче тела власти не решились. Товарищи устроили ей гражданские похороны, множество таллинских пролетариев участвовали в похоронном шествии, вылившемся в демонстрацию против тюремных порядков.

Наша сила — в единстве

Мой неудавшийся побег. — Газета политзаключенных «Голос тюрьмы». — Наши «средства связи». — Политзаключенные объявляют голодовку. — Борьба против Пресса.

Околько заключенных, столько и мечтающих о побеге. Все вынашивают способы побега и при благоприятных условиях его осуществляют. Так было и со мной. Попытку бежать я предпринял, когда еще сидел в тюрьме «Сирина». Как-то вечером заключенных погнали набивать новой соломой тюфяки. Нас было 10–12 человек, то есть около половины «населения» камеры. Идти надо было на второй этаж склада, находившегося рядом со зданием тюрьмы. Сопровождал нас надзиратель, который тоже поднялся с нами и следил, чтобы никто не нарушал порядок.

Со второго этажа склада был хорошо виден весь двор. Набив мешок, я сел возле двери и стал смотреть, что делается снаружи. Мне представилась следующая картина: большой тюремный двор разгорожен надвое дощатым забором — на передний и задний. Мы находились в переднем дворе, отсюда ворота выходили прямо на улицу, у ворот стоял стражник. Наблюдая, я заметил, что тот же стражник открывает и ворота в задний двор. Когда он отходит, у ворот, выходящих на улицу, стражи нет. Мгновенно я решил воспользоваться этой возможностью, второго случая могло не повториться. К тому же мне, пожизненному заключенному, терять было нечего: больше не прибавят. Но стражник, открыв задние ворота, вернулся на место. Теперь оставалась одна возможность: выскочить на крышу, перебежать по ней до наружной стены, прыгнуть на землю — и ты на воле. Это был идеальный план при условии, если бы снаружи ожидала помощь. Рассчитывать на это было невозможно, и я решил все равно рискнуть. Тюрьма стояла на склоне холма, а бежать надо было вниз, к городу. Следовало описать небольшую дугу и, обжав тюрьму, свернуть на улицу Катусепапи, находившуюся примерно в 200 метрах от того места, где я прыгну со стены. Был еще один вариант: оказавшись внизу, свернуть налево и по узкому коридору, отделявшему целлюлозную фабрику от тюрьмы, направиться во двор фабрики, где хранилась балансовая древесина и за которой можно было спрятаться. Хорошо, что я отказался от второго варианта, позже я узнал, что в этом коридоре — между тюрьмой и фабрикой — обычно дежурил полицейский шпик. Так что я почти обязательно столкнулся бы с

ним.

Вариант с улицей Катусепапи устраивал меня больше, поскольку в самом начале этой улицы жил один мой родственник. Правда, адрес его я знал, но никогда у него не бывал, последнее обстоятельство, конечно, осложняло дело, так как в спешке можно было и не найти нужный дом.

Одежда на мне была не тюремная, полосатая, какую потом носили заключенные, а обычная рубашка из мешковины и такие же штаны, которые могли сойти за рабочую одежду. Таким образом, я мог двигаться по улицам, не вызывая особых подозрений...

Все набили свои мешки соломой, по команде взвалили их на плечи и направились обратно в камеру. Один заключенный был болен, и кому-то надлежало набить и его мешок, я без долгих слов взял эту задачу на себя и вторично отправился на склад.

Быстро набив мешок, я лег возле окна и стал смотреть вниз. Прошло немного времени, и появился заместитель начальника тюрьмы, он направился к заднему двору. Стражник сразу покинул наружные ворота, чтобы отпереть задние, и, когда он их отпер, а затем запер, у меня мелькнула мысль, что если я теперь тронусь, то он первым делом побежит к наружным воротам, а с заднего двора его начнет звать заместитель начальника. Таким образом я выиграю какое-то время. Мои расчеты оказались правильными.

Как только я выскочил из дверей и добежал до наружной стены, послышался крик надзирателя из сарая: «Стой, стой!» Через секунду я был за тюремной стеной и сразу побежал с горы к улице Катусепапи. Стена была довольно высокая, и, спрыгнув, я вывихнул ногу. Бежать было очень больно. Все же я успешно достиг поворота. Но здесь произошло непредвиденное.

На углу работала группа мужчин, которые мостили улицу. Когда я пробежал мимо, один из них, довольно испитого вида человек, пытался преградить мне дорогу. Я сказал ему, что не сделал никому ничего плохого, что я коммунист, а не уголовник. Но он либо не понял, либо не хотел ничего слышать и побежал за мной. Скоро он догнал меня и стукнул лопатой как раз по больной ноге. От боли я упал. Тут подоспели стражники...

Дальше все шло по стандарту. Кое-как я доковылял до тюрьмы. «Черные» жестоко избили меня и бросили в карцер. Побег и полчаса свежего воздуха обошлись мне в тридцать дней «зеленой лужайки» и лишения прав на свидания и передачи. Через несколько дней меня перевели в Центральную тюрьму, где водворили в пятое отделение. Так закончилась моя первая и последняя попытка бежать из тюрьмы...

Одной из главных забот политзаключенных было поддержание постоянной связи между собой. Без этого были немыслимы никакая организация, никакие совместные действия. Мы не могли бы жить, если бы не получали никакой информации, хотя бы самой скупой. Именно эти обстоятельства вызвали к жизни газету политзаключенных. Назвали мы ее «Вангимая Хяэль» («Голос тюрьмы»), она должна была собирать сведения, получаемые заключенными из разных источников, и делать их достоянием всех.

Организовать связь между заключенными было крайне трудно.

Так, сидевшие в пятом отделении выпускались из камеры на прогулку раз в день на 10–15 минут, причем под тщательным надзором и в строгом порядке: запрещалось выходить из строя, забегать вперед или отставать.

Три раза в день заключенных выпускали в уборную, которая состояла чаще всего из двух помещений: в переднем находились умывальники и две-три бочки для пищевых отходов и мусора, в заднем — клозет, здесь стояла и круглая железная печка. Топили ее редко. Ее-то мы и использовали для передачи писем друг другу. Когда один «тонкс» — так мы называли письма — «подрывался на mine», то есть попадал в руки «черных», мы находили другие каналы связи. И так шло из года в год. Как правило, мы довольно быстро устанавливали, какие места раскрыты «черными», и переставали ими пользоваться.

Чего только мы не изобретали! Довольно долго тайником служила крышка, или, как мы ее перекрестили, «шапка», высокой железной печки. Правда, снимать ее было трудно, для этого требовались усилия группы мужчин. Под «шапку» прятали тайное письмо или газету, полученную с воли по нелегальному каналу. Этот путь долго выручал нас, им мы пользовались лишь для более крупных пакетов, следовательно, довольно редко. Надзирателям было хлопотно слишком часто поднимать крышку, но в конце концов и этот тайник был раскрыт. Длительное время он бездействовал, но потом, убедив «черных», что мы больше крышкой не пользуемся, мы возобновили этот канал.

У нас была разработана своеобразная система, при помощи которой нам удавалось поднимать крышку незаметно для надзирателя. В камере обычно сидело около 20 человек. Мы договаривались, в каком порядке выходить в уборную. Первая группа быстро покидала камеру. В уборной они какое-то время оставались одни, так как надзиратель ждал, пока из камеры выйдет последний заключенный. Тут мы времени не теряли! Покинувшие камеру первыми молниеносно снимали «шапку» — и

дело было сделано.

Другой тайник находился в менее привлекательном месте. В мужской уборной был желоб для стока, связанный с канализационной трубой. Сверху трубу прикрывала частая литая решетка. Вот под этой решеткой политзаключенные и устроили свой тайник. При помощи несложного механизма в трубу через решетку проталкивали «тонксы». Чтобы письмо не промокло, мы соответствующим образом его обертывали.

Этот тайник действовал тоже долго, но однажды надзиратели неожиданно нагрянули и заметили около желоба скопление заключенных: одни закладывали «почту», другие загораживали их...

Дорого мы заплатили за эту оплошность. Надзиратели, сделав вид, что ничего не заметили, вынимали записки, переписывали их и клали обратно. Таким образом, у «черных» скопилось много тайных писем, которые они предъявили соответствующим камерам как улики. Авторы легко узнали по почерку. В итоге — семь дней карцера и сверх того лишение всех прав на несколько месяцев.

После этого случая политзаключенные стали писать письма, пользуясь азбукой Морзе, что лишило надзирателей возможности установить автора письма по почерку. Правда, это не спасало от наказания всю камеру, если надзиратели точно знали, что письмо «вышло» из ее стен. В случае, если невозможно было отпереться от письма, для предотвращения репрессий против всей камеры кто-нибудь из политических, чаще всего тот, кто долго избегал наказания, «признавался», что письмо написано им, избавляя от кары камеру в целом, а также того, кто не вылезал из карцера или по году не имел права на переписку и т. п.

Таким путем поддерживалась связь между камерами внутри отделения. Связь между отделениями осуществлялась обычно через баню, а также во время выхода и возвращения с прогулки — записки прятались на лестнице под перилами в заранее условленном месте. Поскольку надзиратели каждый раз проверять перила не могли, кое-что и проскальзывало.

В баню, находившуюся в нескольких десятках метров от Центральной тюрьмы, заключенных водили два раза в месяц. Хотя всех обыскивали и до бани и после, нам все же удавалось обмануть надзирателей. В бане, которая представляла собой довольно просторную деревянную постройку, можно было без труда найти множество мест для тайников. Это был более или менее надежный канал, хотя и с большими интервалами, но в тюрьме проблема времени вообще воспринималась несколько

иначе, чем на воле. Заключенным, например, давали читать газеты месячной давности, и мы набрасывались на них, точно они были свежие. Никого не смущало, что информация порядком устарела.

Тяжело переживали мы отсутствие контактов с внешним миром. Использование для этой цели надзирателей, хотя бы посредством подкупа, исключалось. На эти должности подбирались надежные, с точки зрения властей, люди. Их проверяли со всех сторон. Между прочим, в тюрьме служило довольно много унтер-офицеров разгромленной армии Юденича — ярых врагов коммунистов.

В период предварительного следствия эту связь поддерживали через родных. Заключенные имели права получать с воли белье — тюрьма снабжала бельем плохо — и отправлять его домой в стирку. Записки обычно вкладывались в швы. Тонкая папиросная бумага разрезалась на полоски шириной примерно в десять сантиметров, текст писался чернильным карандашом и так мелко, что прочесть его можно было разве через лупу. Поэтому обладавшие мелким почерком были у нас на особом учете. Среди них были Типман, Йоозеп Саат и я.

Надо сказать, что папиросная бумага, если она сыроватая, в белье вообще не прощупывалась.

Таким путем письма отправлялись из тюрьмы на волю и попадали адресату. В общем эта связь работала довольно четко, и, насколько мне известно, провалов не было, хотя отдельные неудачи и случались. Однажды, например, в возвращенном из дома белье я обнаружил свое же письмо, отправленное на волю месяц назад, мои домашние его не нашли.

Куда мы писали? В Советский Союз, в Центральный Комитет КПЭ, требовавший от нас информации о положении и настроении политзаключенных, коммунистам капиталистических стран. У нас был контакт с преподавателем Тартуского университета Кескюла. Это у его брата мы были с Вааранди в Швейцарии. При его содействии наша информация о положении в тюрьмах и о царившем в Эстонии белом терроре попадала в швейцарскую печать. Наши письма, публиковавшиеся в коммунистических газетах западных стран, помогали в известной мере раскрывать рабочим глаза на истинное положение в «демократической» Эстонии. Конечно, особых результатов нам это не давало, но все же досаждало судебным и полицейским властям Эстонии — ведь не очень приятно было читать в заграничной прессе, что министр юстиции эстонского государства Кальбус нагло лжет, когда отрицает террор в стране.

А террор все усиливался. Мы это ощущали во всем. Уже

упоминаемый начальник тюремного управления Пресс не брезговал ничем в своем стремлении «сломить хребет политзаключенным». В ответ на ужесточившийся террор политзаключенные решили объявить голодовку. И не в одной тюрьме, а во всех тюрьмах республики одновременно.

Подготовка всеобщей голодовки была делом нелегким. Надо было связаться друг с другом, а также установить по этому вопросу контакт с товарищами на воле, чтобы заручиться их поддержкой, переправить им информацию о требованиях и положении политзаключенных и т. п.

В тюрьме и прежде бывали голодовки, но всеобщая голодовка политзаключенных была совершенно новым делом, и организовать ее в тюремных условиях было исключительно трудно. Сперва мы выработали требования. Они сводились к тому, чтобы в отношении политзаключенных не применялась так называемая «новая система воспитания». Эта система предусматривала разделение всех заключенных на группы по степени их «исправления», причем поддающимся «исправлению» полагались некоторые льготы. Полное «исправление» политзаключенного должно было состоять в отказе от участия в революционном рабочем движении, подаче прошения главе государства о помиловании, что на тюремном языке называлось «понести свои кости». Прощения, как правило, удовлетворялись, так как «принесший свои кости» практически был властям уже не опасен, его политическая деятельность была окончена.

Отвергая «новую систему», политзаключенные тем самым разоблачали тщетность надежд властей на то, что им удастся сломить волю коммунистов. К основному требованию был добавлен ряд других, обычно фигурировавших в протестах политзаключенных, а именно: содержать их отдельно от уголовников, улучшить питание, чаще пропускать газеты и письма и т. д. Всеобщая голодовка должна была не допустить осуществления замысла Пресса перевести заключенных на принудительные работы и тем самым изолировать их друг от друга.

Голодовка началась во всех тюрьмах республики в один и тот же день, причем везде были выдвинуты одинаковые требования. Люди держались стойко. Вначале было опасение за тех, чье здоровье после многих лет тюрьмы было сильно подорвано. Выдержат ли они? Особенно тяжело было первые три дня. На четвертый день были спущены нары, и заключенные смогли проводить голодовку лежа. Это несколько облегчило наше состояние.

Администрация применяла все меры, чтобы склонить

отдельные камеры прекратить акцию и таким образом свести общую голодовку на нет. Но эти попытки окончились провалом. Хотя политзаключенным не удалось добиться принятия своих требований, все же их единый фронт имел определенное воздействие. Они продемонстрировали полное единодушие, сплоченность и готовность бороться до конца.

С общего согласия было решено на восьмой день прекратить голодовку, продолжая борьбу против тактики Пресса. И если придется испытать новое дисциплинарное наказание, то квалифицировать его как насилие, а не слепое повиновение и «исправление».

Так, мы были против принудительного труда. Во-первых, потому, что для работы не было особых помещений. Заниматься же в тесной камере, где размещено 20 человек, то ли сапожным, то ли портняжным ремеслом или плести корзины означало еще более ухудшить условия жизни в тюрьме. При других обстоятельствах политзаключенные участвовали в работе и даже извлекали из этого пользу: занятым на работах легче было осуществлять связь с внешним миром. В карательной тюрьме «Сирина» их выводили на дровяной двор целлюлозной фабрики, где трудились и вольные рабочие. Соприкасаясь с ними, заключенные могли передавать и получать газеты, книги и прочее. Удавалось проносить все это и в тюрьму, надзиратели не в состоянии были тщательно обыскать каждого возвращающегося в камеру.

Пресс принудил к работе краткосрочных политзаключенных. Часть из них водили в Харку, на торфяные болота, часть — в сапожную мастерскую, находившуюся в Центральной тюрьме. Отдельные заключенные работали в типографии и в столярной мастерской. В одной камере в конце концов все же была устроена коробочная мастерская, в результате условия жизни здесь крайне ухудшились. Единственный в камере большой стол был теперь занят. Пыль, запах клея, вороха коробок. Тут уж не считаешь. А именно этого и добивался Пресс. Политзаключенные всячески саботировали, работали крайне медленно, под разными предлогами отказывались от принудительного труда.

Политическая учеба в тюрьме

Я перевожу на эстонский язык книгу Эррио. — Дискуссия с троцкистами. — Дискуссионный листок. — Политзаключенные «голосуют» за линию ВКП(б). — «На поселении». — Тридцать дней карцера. — «Интернационал» за стенами тюрьмы.

Из задуманного Прессом «воспитания» политзаключенных так ничего и не получалось. Видимо, это стало главной причиной того, что в Центральной тюрьме начали строить новый корпус, по слухам предназначавшийся для нас, политзаключенных. Корпус строился как отделение одиночек. Это был точно рассчитанный удар тюремных властей по политзаключенным.

Размещение по одиночкам серьезно затрудняло их общение. И хотя в общей камере было тяжело от тесноты, духоты, мы предпочитали их одиночкам, которые крайне изматывали нервную систему. Общая камера была своеобразной школой, где мы много и очень сосредоточенно работали с книгой, накапливая знания. Из политзаключенных занимались все. Обладавшие большими знаниями делились ими с товарищами. В тюремной библиотеке можно было выписать учебники по общим и специальным дисциплинам. В камерах сложился порядок, когда определенное время дня было полностью отведено для занятий, и по негласному уговору все старались в это время поменьше мешать друг другу. Обычно занятия шли по группам, в одних группах изучали математику, вплоть до курса высшей математики, в других — историю и языки. Все стремились изучать языки. Мы использовали разрешение тюремной цензуры передавать нам с воли книги на немецком, французском, английском языках (если они не имели явно «антибуржуазного» названия). Почти все мы, выйдя из тюрьмы, могли читать со словарем немецкие, английские и французские тексты. Хендрик Аллик изучал еще и испанский язык.

Помню, мне поручили перевести на эстонский язык книгу Э. Эррио о его поездке в Советский Союз. Интерес к ней был очень велик. Мой перевод этой книги в рукописи обошел почти все камеры политзаключенных. Правда, содержание книги было значительно скромнее, чем можно было ожидать, судя по заглавию. Однако написанная с позиций благожелательного буржуа и включавшая отдельные важные факты, она все равно представляла для нас большой интерес. Из французской и

немецкой буржуазных газет мы получали информацию о происходившем на белом свете.

Мы остро нуждались в коммунистической литературе. Но проникала она в тюрьму, преодолевая многие рогатки. О том, как она была нам необходима, расскажет следующий факт.

Если память мне не изменяет, это было в 1926–1927 годах. Мы получили тогда с воли сборник, в котором освещалась борьба ВКП(б) с троцкизмом (к сожалению, я забыл название книги, ведь это было более сорока лет тому назад). Материалы эти представляли значительный интерес, и с ними следовало ознакомиться всем коммунистам, находившимся в тюрьме. Но как это сделать? Книга была довольно объемной, и передать ее из камеры в камеру представляло большую сложность и опасность. Между тем с воли была получена директива: продискутируйте вопрос, займите определенную позицию и передайте результаты голосования...

Обсудив в своем узком кругу, как быть, мы решили, что параллельно с чтением сборника выпустим в качестве приложения к нелегальной рукописной газете «Вангима Кийр» («Тюремный луч») дискуссионный листок. В нем была пересказана статья немецкой троцкистки Рут Фишер, излагавшая взгляды троцкистской оппозиции. Конспект этой статьи составил по поручению редакции Х. Аллик. Сам он занимал твердую ленинскую позицию и излагал статью Фишер по материалам упомянутого выше сборника. И другие дискуссии организовывались подобным же образом: тому или другому товарищу предлагалось изложить взгляды оппозиционеров, после чего завязывался спор, и, как правило, мы приходили к правильной точке зрения. Такая форма организации дискуссии диктовалась недостатком материалов, литературы. Другой возможности изложить взгляды троцкистов мы тогда не видели.

Основное место в дискуссионном листке отводилось пересказу статей, излагавших правильную точку зрения на взгляды троцкистов. В таком виде дискуссионный листок был пущен по камерам.

Уже тогда нашлись отдельные товарищи, которые заявили, что это неподходящий способ для организации политической дискуссии. Особенно они возражали против отдельной публикации статьи Рут Фишер, и второй выпуск дискуссионного листка обращался к коммунистам с просьбой определить свою позицию по всем спорным вопросам, выдвигаемым троцкистами. Редколлегия выражала уверенность, что все коммунисты займут правильную партийную позицию.

«Голосование» показало, что статья Рут Фишер никого не склонила к поддержке оппозиции, коммунисты единодушно поддерживали партийную точку зрения на троцкизм. В этом была немалая заслуга и товарища Аллика.^[26]

О единодушии эстонских коммунистов-политзаключенных в вопросе о единстве рядов партии и раскольнической деятельности оппозиции убедительно говорит приветствие, посланное политзаключенными из таллинской исправительной тюрьмы XV съезду ВКП(б).

Само приветствие было написано на носовом платке.

«Мы, страдающие в тюрьме белой Эстонии, следим с большим вниманием за каждым шагом, каждым событием в ВКП(б). Ваша победа — наша победа, и наоборот. Поэтому особое внимание дарим нынешнему конгрессу, где должна решиться проблема оппозиции, проблема и судьба всего коммунистического движения.

У нас — непреклонная вера в ваш классовый разум и политическую дальнзоркость. ВКП(б) была и должна быть в будущем крепка и мощна как сталь. Это наше единодушное желание к результатам конгресса. Это и единственное облегчение в наших страданиях.

Еще сердечный привет преважнейшему XV конгрессу ВКШ»

В итоге можно сказать, что политическая учеба в тюрьме была своеобразной формой политмассовой работы и особенно много давала молодежи, которая по ряду вопросов была еще совсем неопытной.

Именно поэтому политзаключенные настойчиво требовали, чтобы в камерах помещались они одни, ведь в таком случае открывалось больше возможностей для организации планомерной, глубокой учебы. Тюремная администрация, напротив, всячески этому препятствовала и выискивала любой повод, чтобы отправлять наиболее энергичных и влиятельных политзаключенных «на поселение». Так назывались одиночки, которые были в каждом отделении. Эти крошечные клетушки — один шаг в ширину и три с половиной в длину, — сырые и холодные, походили на карцер. Иногда отправляли «на поселение» в шестое или второе отделения. В шестом отделении находились краткосрочные уголовники, завербовать среди них своих агентов тюремным властям было труднее, и поэтому политзаключенные здесь были в большей безопасности. Во втором отделении в основном содержались крупные воры, которых иронически именовали «буржуями». Эти охотно брали на себя обязанности внутренних надзирателей, доносили о коммунистах.

Мне тоже пришлось — после того, как очередной номер «Тюремного луча» «подорвался на mine» (меня подвел мой почерк), — побывать «на поселении» у уголовников. Со мной в камере были еще Адольф Паук и Карл Ханссон. Нас поместили во втором отделении, где среди прочих сидели четыре бывших полицейских, приговоренных за различные злоупотребления. Очень скоро выяснилось, что один из них был «кобылой» — так на тюремном жаргоне называли согладатаев-надзирателей. Он-то и выдал тайник, в который мы прятали записки. Мы, конечно, не могли примириться с таким предательством и решили дать ему хорошую взбучку. У нас была надежда, что администрация, после того как мы отбудем наказание за драку, переведет нас из этой камеры в одиночку. Так оно и произошло. Сразу после вечерней переключки, когда надзиратель — в этот раз дежурил заместитель начальника тюрьмы — проверил нашу камеру и отправился дальше, мы «рассчитались» с «кобылой». Вскоре все мы трое сидели в карцере, а затем каждому из нас дали по тридцать дней карцера «на хлебе и воде».

Карцеры в Центральной тюрьме, как упоминалось, были крайне опасны для здоровья, поскольку здание стоит на самом берегу моря, шагах в десяти от воды. В осенние штормы даже казалось, будто брызги залетают в окно камеры. Карцеры, как правило, не отапливались, так что двухметровые стены, естественно, были пропитаны вековой сыростью. Сидели мы в карцере не в своей одежде, а в драном тряпье. Холод, сырость и постоянная темнота действовали угнетающе.

Три дня сидевшие в карцере голодали. Обычную тюремную пищу приносили только на четвертый день. Да и что это была за пища! Почти все политзаключенные, не сговариваясь, отказались есть суп из корюшки, поскольку его варили из протухшей рыбы.

И без того скудный рацион уменьшался в результате махинаций тюремной администрации — она занижала вес порций, скармливала заключенным тухлую салаку и т. д. При активных жалобах в тюрьму обычно вызывался прокурор, а если он не являлся, то мы объявляли голодовку. Но приезжавшее в тюрьму начальство, конечно, одобряло действия администрации. Мы это знали, но все равно не оставляли без протеста ни одну мерзость тюремщиков...

Нельзя не вспомнить, как мы праздновали в тюрьме 1 Мая. По установившейся традиции заключенные в точно назначенное время начинали все вместе петь «Интернационал». Добиться такой согласованности было довольно сложно. С одной стороны, надо было выбрать такое время, чтобы администрация не в состоянии была помешать заключенным допеть гимн до конца, а с

другой — важно, чтобы запели все сразу. В этом случае администрация ничего не могла сделать.

Если надзиратели налетали на одну камеру, пение становилось еще громче в другой. Поэтому администрация чаще всего не вмешивалась и начинала сводить счета после: все «поющие» камеры переводились на карцерный режим. Так повторялось из года в год.

Иногда наши родные, зная, что за первомайским пением последует карцер, лишение прав, пытались уговорить нас отказаться от подобных демонстраций: мол, что это вам дает, все равно тюремщики знают, что вы коммунисты, для чего вам это еще доказывать? Но рассуждения эти были неверными, подсказаны лишь заботой о близких. А нам эти демонстрации придавали силы, мы ощущали свое единство с рабочими, которые в этот день во всем мире демонстрировали свою солидарность, притом часто в условиях, не лучших, чем наши. Сознание, что ты стоишь в одних рядах с товарищами, и не только твоей родины, но и всего мира, — это великое чувство помогало нам выносить любые трудности и наказания.

Небезынтересно отметить, что даже среди уголовников находились такие, кто присоединялся к нашей демонстрации, зная, что за этим последует наказание. Надо сказать, что, за небольшим исключением, относились они к нам неплохо, особенно в тех камерах, где политические преобладали. Уголовники нередко обращались к нам за советом, обсуждали с нами не только политические, но и бытовые вопросы. Другими словами, авторитет политических благодаря их борьбе за смягчение тюремного режима был среди всех узников тюрьмы довольно высок.

Накануне освобождения

*Жизнь в одиночке. — В одной камере с Паулем Кээрдо. —
Аугуст Борн и другие. — Истоки их падения. — Наши ряды не
дрогнули.*

После месячного пребывания в карцере нас, как мы и предполагали, поместили по разным камерам в отделение одиночек. Я попал к Паулю Кээрдо, который до этого сидел один.

Жизнь в одиночке была не легче, чем в общей камере или даже «на поселении». Здесь угнетала полная оторванность от внешнего мира. Единственная возможность для обмена записками предоставлялась в бане, куда из одиночек водили раз в месяц. Кроме того, мы перестукивались по канализационной и водопроводной трубам в камере. Надзирателю никак не удавалось застукать «телеграфистов» — его шаги, хотя он и ходил в обуви на мягкой подошве, были все же слышны в камере. Кое-какую информацию, пусть обрывками, мы получали в результате такой связи о том, как изменился состав политзаключенных: кто вновь прибыл, кто вышел на волю, кого куда перевели. До тех пор пока в камере было что читать, заключенные не теряли бодрости. Когда же книжные ресурсы иссякали, настроение падало.

В условиях полной изоляции особенно важна так называемая психологическая совместимость. Когда люди живут вдвоем, не имея внешних импульсов или тем для обмена мнениями, то они до того основательно изучают друг друга, что знают мысли один другого, привычки, характерные жесты и другие детали.

К счастью, мы с Паулем Кээрдо были людьми одного склада: оба любили читать, писать, переводить. Кээрдо к тому же сочинял. Его многочисленные эссе не были литературно отшлифованы, но написаны хорошо. Обычно мы заранее знали, кто как будет проводить день, и старались не мешать друг другу. Камера была очень узкая, и двоим одновременно двигаться в ней было невозможно. Один непременно должен был сидеть, чтобы дать возможность другомуз походить. Мы так и делали: один сидел, другой двигался.

Кээрдо был старше меня, с большим опытом как в политических делах, так и в обыденных, житейских, и поэтому я больше спрашивал, чем отвечал. К тому же он хорошо разбирался в технике, был неплохим психологом. Часто он делился своими литературными замыслами, рассказывал содержание своего будущего произведения. У Кээрдо был острый аналитический ум,

нередко саркастический, хотя по форме его разговор был даже благодушный.

Как известно, чем больше город и дом, тем меньше люди знают своих соседей и меньше интересуются ими, тогда как обитатели маленького дома проявляют повышенный интерес к каждому шагу и слову соседа. Эта истина относится и к тюрьме: чем больше камера, тем меньше бросаются в глаза особенности отдельного заключенного, его личности. Только человек с исключительными психологическими интересами может выявить эти особенности. В одиночной же камере они сразу бросаются в глаза.

Как по-разному ведут себя заключенные, оказавшись вдвоем, свидетельствует такой факт. Среди политзаключенных находился Аугуст Борн, бывший ученик из Тарту. По характеру он был замкнутый, неразговорчивый. Я знал его по Тарту. На собраниях в Тартуском рабочем доме он выступал очень горячо, что не очень вязалось с его тихим на первый взгляд характером. В тюрьме его необщительность еще в какой-то мере усилилась. Аугуст Борн словно не находил контакта с другими политическими, даже в принципиальных вопросах. Он довольно поверхностно был знаком с марксистско-ленинской теорией и легко поддался троцкизму. Начал в духе Троцкого рассуждать о перманентной революции, выражать сомнения относительно возможности быстрого роста экономики в Советском Союзе, высказывал и другие взгляды, которых коммунисты не разделяли. В результате он все больше отделялся от других, а очутившись вдвоем с политзаключенным Аперсоном, стал совсем отшельником. Аперсон рассказывал в бане, что в течение двух недель его сосед не обменялся с ним ни единым словом. В их камере царила абсолютная тишина. Прошения о помиловании Аугуст не подавал, с тюремным режимом не мирился и в остальном вел себя, как полагается политзаключенному.

В тяжелой тюремной обстановке случалось, конечно, что с годами отдельные товарищи утрачивали способность сопротивляться и сдавались. При этом некоторые из них откровенно признавались в этом. В конце концов они подавали прошение о помиловании. За все годы таких набралось не больше десятка. Это были люди слабые духом.

Но случалось, что доселе хорошо державшийся политзаключенный вдруг изменял своим принципам, начинал высказывать непартийные взгляды, а через некоторое время заявлял, что, по его мнению, борьба, руководимая Коммунистической партией, не даст успешных результатов, поэтому он «понесет свои кости». Таким оказался Оравас. Правда,

о нем и раньше ходили слухи, что он был когда-то полицейским агентом. Но на процессе он выступал солидарно с другими и в тюрьме вел себя порядочно. Поэтому подозрения улетучились. И вдруг однажды он заявил, что переменял свои взгляды, подает прошение о помиловании.

И уж совсем неожиданным был поступок одного заключенного. До ареста он находился на довольно крупных постах в нелегальной партии. И на процессе, и в тюрьме он твердо придерживался революционной линии, не выказывая никаких симптомов духовного падения. И вдруг...

Однажды вечером при переключке заместитель начальника тюрьмы Биркан остановился неподалеку от него, тот вышел из строя и, не говоря ни слова, дал ему пощечину, его сразу отвели в карцер. Через тридцать дней его поместили в одиночку, а через некоторое время он подал прошение о помиловании...

Как потом выяснилось, не обошлось без вмешательства его близких. Они находились в каких-то родственных связях с представителями властей, через которых и действовали. Под давлением близких он решил постепенно изолироваться от политзаключенных. Его пощечина была, скорее, символической. Власти же были заинтересованы в том, чтобы поколебать единство политзаключенных, и всячески подбивали заметного в прошлом политического деятеля подать прошение.

Помню последнюю встречу с ним. Его привели в нашу камеру, чтобы он после помилования забрал свои вещи. Выходя, он, надеясь произвести эффект, произнес:

— И вы пойдете по моим стопам!

Как известно, он жестоко ошибся. За ним последовал только бывший член Государственной думы Янсон, который тоже подал прошение о помиловании.

Так буржуазии удавалось выхватить из наших рядов отдельных неустойчивых политзаключенных. Таких мы решительно исключали из партии.

Но наши ряды не дрогнули. Коммунисты стойко выдержали долгий срок. У одних он составил 14 лет, у других — еще больше. По 16 лет отсидели в тюрьме сестры Тельман. Свыше 15 лет — Иоханнес Лауристин. Всего 19 дней он был на свободе. Потом его снова арестовали и приговорили к семи годам каторги.

Большую поддержку, моральную и материальную, оказывали нам рабочие из Советского Союза. Мы знали, что на предприятиях Ленинграда, Пскова, Вологды, Великих Лук есть организации, которые шефствуют над политзаключенными Эстонии.

Эстонцы, которые жили в то время в Советской России,

посылали нам и средства, и литературу.

Нас выпускают из тюрьмы. — Встреча с матерью и братом. — Все тот же Таллин. — Перемены на хуторе Соо. — С надеждой на Советский Союз.

Однажды вечером после переключки неожиданно открылось окошко в двери нашей камеры, и надзиратель скороговоркой прошептал, что скоро нас освободят, после чего он сразу же исчез. Поскольку этот надзиратель не принадлежал к числу живодеров, то провокации с его стороны опасаться не приходилось. Однако сразу принять это сообщение за чистую монету мы не решались. По опыту долгих лет мы привыкли ко всевозможным слухам, так что «завести» нас было не так уж легко. Слухи о предполагаемой амнистии до нас доходили. Но ей должно было предшествовать обсуждение в Государственном собрании, а на это требовалось время.

Мы с Кээрдо, услышав о предстоящем освобождении, стали строить различные предположения, в какой форме это может произойти. Шел 1938 год. Обстановка в мире была достаточно напряженная. Фашистская Германия открыто демонстрировала свои агрессивные стремления. Эстонское правительство Пятса все больше ориентировалось на Гитлера. Но, совершив в 1934 году фашистский переворот, Пятс посадил в тюрьму своих конкурентов — вапсов — агентов германских фашистов. Видимо, амнистия была связана с очередными внутривнутриполитическими маневрами фашистских правителей Эстонии. И вот Пятс, рассуждали мы с Кээрдо, хочет выпустить вапсов на волю. А так как вапсы осуждены на основе того же параграфа 102, что и коммунисты, то Пятс вынужден автоматически распространить закон об амнистии и на нас. Было у нас и еще одно объяснение одновременной амнистии и для вапсов, и для коммунистов. В глазах Советского Союза освобождение по амнистии одних вапсов выглядело бы как антисоветская провокация.

Мы не были уверены в абсолютной точности своих предположений и старались раздобыть более подробные сведения об амнистии.^[27]

Ближайшие дни показали, что тюремные власти действительно готовятся к тому, что будут амнистированы, хотя бы частично, и коммунисты.

Наконец была объявлена амнистия всем осужденным на основании параграфа 102. Таким образом, на участников

восстания 1 декабря 1924 года она не распространялась, поскольку они были приговорены по другому параграфу. Не попадали под амнистию и лица, которых буржуазный суд в свое время осудил по ложному обвинению в шпионаже в пользу Советского государства. В Центральной тюрьме набралось примерно три десятка политических, не подлежащих амнистии.

Тюремная администрация заранее приводила в порядок документацию на заключенных. Кажется, возник вопрос и об одежде, поскольку та, в которой нас привели в тюрьму, за 14–15 лет пришла в негодность.

Наконец 7 мая 1938 года пришло распоряжение собрать вещи. Принадлежавшие государству сдать, одеться в свою одежду. Вся процедура освобождения прошла без инцидентов, довольно гладко. Большинство освобожденных встречали родные, о тех же, у кого их не было, позаботились активисты-рабочие, которые взяли их на свое попечение, чтоб помочь встать после тюрьмы на ноги. Меня встречал младший брат Бернард. Вместе с ним я отправился на Красную улицу, где меня со слезами радости встречала мать.

Отца я не застал в живых: он умер в 1929 году от жестокого бронхита. Старший мой брат Руут, участник восстания рабочих 1 декабря 1924 года, попал в руки белогвардейцев и был расстрелян. После него остались вдова с дочерью, которые жили в нашей семье, вдова по профессии учительница, преподавала в школе.

Итак, после почти 15 лет заключения снова на свободе! На ближайшие дни была намечена встреча вышедших из тюрьмы коммунистов с активистами рабочего движения. Еще в тюрьме, за несколько дней до освобождения, политзаключенные Центральной тюрьмы обсудили свои задачи на воле. Все были настроены по-боевому, полны решимости продолжать борьбу. Договорились, что в Таллине будет партийный центр, в который были тут же избраны Йоханнес Лауристин, Хендрик Аллик и Пээтер Петрее (Педраэ)^[28], условились также, кто будет вести партийную работу в других городах и уездах.

Встреча вышедших из тюрьмы коммунистов с таллинской организацией КПЭ во главе с Д. Кузьминым состоялась на следующий день после нашего освобождения. В рабочем гимнастическом зале, за чашкой чая, мы вспоминали былое, обменивались мыслями о предстоящей борьбе. Тут же завязывались у нас новые знакомства. На этой встрече был согласован со всеми коммунистами состав партийного центра, избранного в Центральной тюрьме.

Трудно передать состояние человека, не видевшего 15 лет

свободы.

После тюрьмы с ее саженными каменными стенами я все время рвался на улицу. Мне было интересно посмотреть, какие изменения произошли в Таллине за эти годы. Но город мало изменился. Все так же угнетающе выглядела Ласнамяэ, усеянная скрывавшими нищету и горе халупами. А промышленный центр Коппель жил словно в летаргическом полусне. На зеленых покосах Лиллекюла спокойно жевали жвачку коровы.

Все было как в 1922 году. Только с далекого горизонта политической жизни доносились приближавшиеся раскаты грома.

Побывал я и на хуторе Соо. В отличие от Таллина все здесь сильно изменилось. Бывший бобыльский участок превратился в настоящее поместье. Знакомый читателю по первым главам книги Кости значительно расширил свои владения, купив землю бедняков, а также участки, принадлежавшие городу. Выросли новые строения — свидетельство того, что хозяйство пошло в гору. Кости хвастался, что все это его заслуга, плоды их с женой труда. О труде батраков и батрачек он не упоминал. Из Кости вырос типичный кулак. Один его сын окончил университет и теперь был врачом. Другой стал агрономом, но больше промышлял в торговых учреждениях Объединения аграриев (партия крупной буржуазии и кулаков) и, будучи активным кайтселийтчиком, завязывал связи с деятелями этой реакционной военизированной организации. Кости не скрывал своего настроения, он во всем поддерживал фашистский режим Пятса.

Баронское имение Соо, где когда-то мой отец арендовал мельницу, было давно разделено. Земли барона перешли в руки кулацких сынов и дочерей, но и самому бывшему владельцу имения достался изрядный куш — сердцевина усадьбы, которая вместе с участком в два-три раза превышала размеры обычного крестьянского хутора. Из окраинных земель баронского имения небольшие участки получили и бывшие работники, но вскоре тяжелые обстоятельства заставили их отказаться от земли, поскольку выяснилось, что за нее нужно платить. Этим воспользовались кулаки, вроде Кости, и сам бывший помещик, быстро купивший большую часть земли. Бывший хозяин имения отказался от гонки спирта, и люди, работавшие на винокуренном заводе, покинули Соо. От прежнего имения — с заводом, большими постройками — мало что осталось. Появились отдельные домики и хозяйства.

Старый квартал Таллина.

В новом квартале.

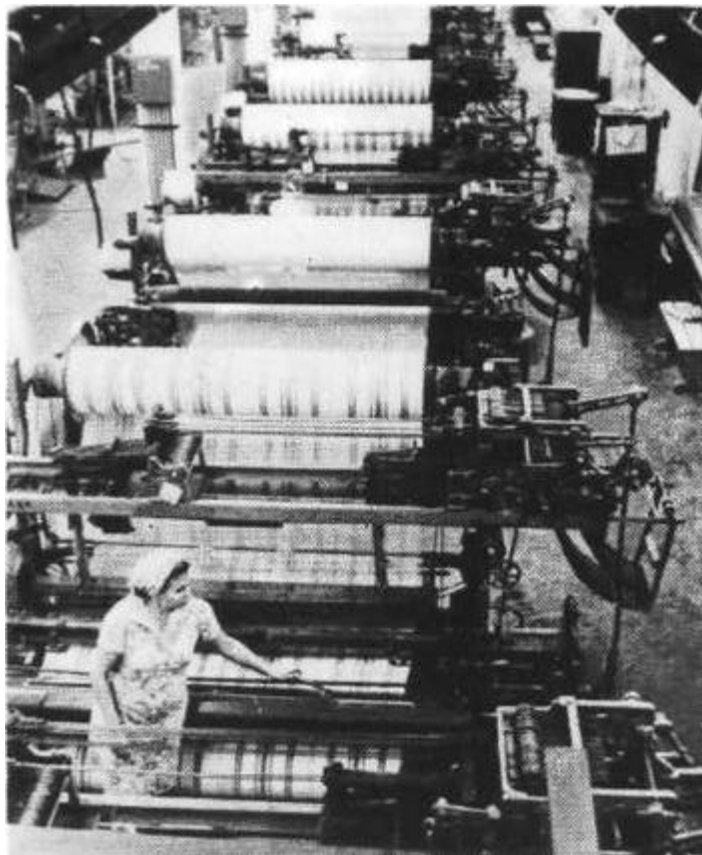
Широкой известностью пользуется в Эстонии Тартуский Дом быта. (Здесь работают 300 мастеров своего дела, оказывающих населению более 100 видов услуг.)

Новое здание гостиницы «Выру».

*Мустамяэ — новый район Таллина. Здесь выросли корпуса
Политехнического института.*

Ткацкий цех Георгиевской фабрики.

*Эти здравницы для тружеников Советской Эстонии.
Межколхозный санаторий «Тервис» в Пярну.*

Для тех, кто любит отдыхать в лесу. Мотель «Вийтна».

Кроме Кости, других знакомых я в Соо не встретил. На мельнице, где прошла часть моего детства, за эти годы сменилось несколько арендаторов — арендная плата была взвинчена до предела, и арендаторы прогорали один за другим. Я расспросил кое о ком из работников имения, особенно о тех, кто был активистом в борьбе за Советскую власть. Но никто ничего мне не мог рассказать. Известно было только, что Пулловер обитает где-

то близ Таллина, откуда вместе с детьми ездит в город на работу.

Мать рассказала мне, что, когда я находился в тюрьме, а белые расстреляли моего брата, жить родителям было очень тяжело. Отец от горя превратился в полного инвалида, часто болела и мать. Вот тогда в один прекрасный день у них появился Пулlover со своим подростком-сыном 16–17 лет.

— Вот вам мой Юлиус, — сказал он. — Пусть живет у вас на правах родного, ходит в среднюю школу, а в свободное время будет во всем помогать вам по хозяйству, как ваши собственные сыновья.

Мои старики были глубоко тронуты такой заботой и обещали относиться к Юлиусу как к родному сыну. Юлиус оказался славным малым, он охотно помогал старикам по хозяйству, да и в школе учился хорошо.^[29]

Кузнец, просвещавший меня в вопросах политики, пропал без вести. Из старых мызных работников в Соо жил лишь Кару, влача жалкое существование.

Буржуазное государство не разрешило ни одну крупную проблему, волновавшую тружеников деревни. Их жизнь стала еще тяжелее и безысходнее. И деревню поразила безработица. Бывшие мызные батраки маялись в поисках места, хотя бы на летний сезон. Кулаки платили плохо, а жизнь стала дороже. Надежды, возлагавшиеся на «демократическую» республику, не оправдались. Бедный люд в городе и деревне был разочарован и ожесточен против правительства и богатеев, жадно прислушивался к рассказам о Советском Союзе, которые передавались из уст в уста. И в сердцах бедняков загоралась надежда...

Опять на казенных харчах

35-летний призывник. — Солдат и студент. — Признание ротного фельдфебеля. — Части Красной Армии, в Эстонии. — Плоды фашистской диктатуры. — О чем спорили кулак и батрак. — Демобилизация. — Интеллигенция Тарту. — Новая встреча с Паулем Кээрдо.

Хотя по закону об амнистии политические права нам возвращены не были, но от военной повинности нас все же не освободили. Таким образом, в ближайшее время меня могли призвать в армию. 20 июня 1938 года мне исполнялось 35 лет, а с этого возраста в армию больше не призывали. Значит, весь вопрос в том, пришлют мне до этого времени повестку или не пришлют.

Повестку явиться на военную комиссию я получил 13 июня... Без долгих разговоров меня приписали к находившейся в Тарту 2-й дивизии. Таким образом, казенный хлеб мне опять был обеспечен на год.

Место моей военной службы — Тарту — устраивало меня, потому что я задумал привести накопленные в тюрьме знания в определенную систему, а для этого вновь поступить в Тартуский университет, на экономический факультет. В этом решении меня убеждал весь мой опыт, сознание, что экономика — основа всего, что экономическая наука нужна рабочему классу для борьбы с буржуазией, а после завоевания власти — для строительства социалистического общества.

За долгие годы пребывания в тюрьме я ознакомился с довольно обширной экономической литературой, проштудировал основные произведения классиков политической экономии, проработал все тома «Капитала» К. Маркса и отдельные его работы, что заложило серьезную основу для дальнейшего изучения экономической науки. Прочел я и труды классиков буржуазной политической экономии — Д. Рикардо, А. Смита, а также авторов вульгарной политэкономии и экономистов более позднего периода — представителей «австрийской школы» с Бем-Баверком во главе, труды Розы Люксембург, Р. Гильфердинга и других. Нередко я ощущал узость своего кругозора, мешавшую мне систематически изучать весь материал и критически анализировать прочитанное. Возобновляя после большого перерыва учебу, я надеялся, что при некотором напряжении сил смогу пройти курс факультета в более короткий срок, чем положено.

Но прежде надо быть принятым в университет. Следовало выяснить, нет ли для этого юридических препятствий, каковы требования к поступающим и т. д. Мне разрешили сдавать вступительные экзамены, я довольно удачно с ними справился, и это дало мне право сдавать университетские экзамены экстерном. Начиная с 1939 года я приступил к занятиям по программе университета. Таким образом, как солдат, я проходил военное обучение, а как студент, занимался экономической наукой.

Военное обучение делилось на два периода: первые три месяца — срок «молодого солдата», когда усваивались практические навыки, по своему характеру не слишком сложные, а затем — строевая подготовка. Для нее надо было иметь хорошее здоровье, а у меня его, по правде говоря, не было. Рентген показал, что у меня в легком каверны — признаки туберкулеза. Это, конечно, давало о себе знать. Если маршировку и другое я переносил довольно легко, то бег, особенно на длинные дистанции, очень меня утомлял. Вот когда я убедился, что народная поговорка — загнать человека так, чтобы он был в мыле, — не выдумка; видел я своими глазами, как под ремнями заплечного мешка идущего впереди солдата выступала белая пена.

По окончании срока «молодого солдата» меня определили в рабочую роту и назначили объездчиком военных лесов. Как потом выяснилось, начальство тем самым хотело изолировать меня подальше от молодых солдат из рабочей среды. Поскольку я был старше других новобранцев на 15–17 лет и, естественно, лучше них разбирался в политических событиях, они с интересом слушали мои разъяснения. Эти вечерние беседы в казармах не остались не замеченными начальством.

Я в целом был доволен этим назначением. Не надо было столько заниматься военной муштрой, да и начальников теперь у меня было значительно меньше. Я подчинялся фельдфебелю рабочей роты, на чьей обязанности было смотреть за лесом, а также содержать в порядке военное кладбище. Военный лес, довольно большой по территории, представлял собой главным образом кустарник, так что особенной охраны не требовал.

Став объездчиком, я получил возможность снять неподалеку от военной территории у одного бобыля комнату, где я мог заниматься. Благодаря этому я и успел в течение года сдать основную часть экзаменов.

Барометром настроений сверхсрочников был ротный фельдфебель — пьянчуга с красным носом. Однажды ночью во время своего дежурства он сказал, что хочет поговорить со мной с

глазу на глаз. Он был, как всегда, под хмельком и, ухмыляясь, сказал мне, что о каждой моей отлучке из роты приказано докладывать охранной полиции. Кроме того, он сообщает, как я веду себя в казарме, с кем общаюсь, не провожу ли среди солдат антигосударственную агитацию.

О том, что за мной ведется такая слежка, я, конечно, знал и без фельдфебеля. Его признание просто поставило точки над «и», одновременно показав, как боялось начальство коммунистического влияния в армии.

Политическая обстановка в Эстонии, особенно в период советско-финского вооруженного конфликта, была очень напряженной. В те дни в роте довольно откровенно высказывались различные мнения. И хотя большинство молодых солдат не во всем разбиралось, все же они давали отпор отдельным буржуазным отпрыскам, которые выгораживали белофиннов и даже разглагольствовали о том, что отправятся им на помощь в качестве добровольцев.

Политическая атмосфера стала еще более накаленной после заключения пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Эстонией. Трудовой народ приветствовал этот пакт, а богачи злобствовали. По этому пакту, в Эстонии должны были разместиться части Красной Армии. В казармах было объявлено состояние «по тревоге». Солдатам приказали спать в одежде, чтобы по первому сигналу быть готовыми к военным действиям. Покидать казарму было запрещено. Но все это были лишь чисто внешние атрибуты: воевать с Красной Армией никто не хотел, даже кадровые офицеры. Не только мой «приятель» — красноносый фельдфебель, но и командир роты высказывался в том смысле, что война с Советским Союзом — это авантюра.

Однако все это не помешало им усилить надзор за мной. Когда я решил пойти на шоссе Псков — Выру — Валга, чтобы взглянуть на проходящие там части Красной Армии, тут же явились трое вооруженных винтовками солдат и, напомнив, что казарму покидать запрещено, велели мне немедленно возвращаться.

Общаясь, насколько это было возможно, с окрестными жителями, я пытался восстановить старые и наладить новые связи с вырусской беднотой. Родом из Выру и окрестных мест были некоторые сидевшие со мной политзаключенные: сапожник Тируссон, плотник Тагель. Когда-то в Выру жил художник Яан Вахтра, с которым я встречался еще в 1922 году; уроженцем Выру был известный радикальный поэт Вальтер Каавер, который впоследствии принимал активное участие в революционном

рабочем движении. Пытаясь через старых знакомых завязать новые связи, я получил возможность беседовать со многими людьми.

У меня сложилось твердое впечатление, что широкие круги трудящихся разочаровались как в буржуазной демократии, так и в дешевой демагогии фашистов. Фашистская диктатура осуществляла «политику твердой руки», загнала в подполье политическую жизнь даже самой буржуазии, оставив свободу действий только самой реакционной клике. За весьма короткий срок она доказала, что жизнь для бедняка, для трудящегося человека стала еще более невыносимой.

Экономика страны деградировала. (Правда, в какой-то степени оживилась сланцевая промышленность в результате заинтересованности фашистской Германии в сланцевом масле и бензине.) Но все другие отрасли промышленности в 1938–1940 годах вследствие ослабления связей с вступившими в войну капиталистическими государствами еще больше стали сворачиваться. Давали себя знать скудость сырья, недостаток рынков.

Важные процессы происходили в деревне. Во время гражданской войны часть безземельных, малоземельных крестьян и середняков, увлеченная демагогией и посулами меньшевиков, качнулась в сторону буржуазии в надежде стать хозяином своего клочка земли. Однако в результате буржуазной земельной реформы землю получили лишь те, кто, по довольно меткому определению буржуазного идеолога Я. Тыниссона, «был в состоянии ее обрабатывать», то есть сынки и дочери зажиточных середняков, «серых» баронов, а также офицеры буржуазной армии.

Широкие круги безземельных — бобыли, батраки, мызные рабочие — если и получили клочок плохонькой земли, то попадали из одной кабалы (помещичьей) в другую (банковскую), поскольку кулацкое государство, взяв на себя обязательство выплатить прибалтийским баронам за отчужденную у них землю, в свою очередь, стало взимать эти деньги через банки с бедняков. В результате четверть крестьянских хозяйств была продана с аукциона.

Вот почему политическое настроение трудящихся и их сыновей в солдатских мундирах было отнюдь не в пользу реакционных властей. Мне вспоминается один спор, свидетелем которого мне довелось быть в то время. Спорили кулак и батрак. Хозяин, бывший сильно под хмельком, по-кулацки спесивый и наглый, не выбирая выражений, пытался «втолковать» батраку, что они, кулаки, являются их кормильцами и что все батрацкое

сословие может существовать только благодаря им, кулакам. Батраки, мол, обнаглели, утратили уважение и благодарность к хозяевам, которые носятся с этим дерьмом как с писаной торбой...

— Ну-ну, хозяин, вы все-таки держитесь в рамках, — оскорбился батрак, — я так с собой говорить не позволю.

— В каких еще рамках! Все вы — коммунисты, всех вас надо засадить за решетку, — не унимался кулак.

— Нет, хозяин, я не коммунист, коммунисты хотят все поделить поровну, жены у них и то общие, мне это не по вкусу, я социалист! — оправдывался батрак.

Этот спор характерен в том отношении, что даже имевший весьма отдаленное представление о коммунистах батрак не хотел уже жить по-старому.

Кулак на миг даже онемел, когда я вмешался и сказал, что я, как коммунист, могу внести ясность в их спор. Батрак, конечно, путает, говоря о коммунистах, но он, кулак, сознательно все переворачивает с ног на голову, заявляя, будто он и ему подобные кормят остальных. Дело обстоит как раз наоборот — это батраки кормят кулаков, только они еще недостаточно сознательные и поэтому пока сносят эту несправедливость.

Дальнейшее ухудшение положения трудящихся вызвало широкое недовольство масс. Усилилось влияние Коммунистической партии, росла волна протеста против фашистской правящей клики. Мы видели это каждый день. В июньские дни 1940 года и после них в ходе избирательной кампании по выборам нового состава Государственной думы собрания, особенно в деревне, собирали полные залы народу, причем для этого не нужно было проводить какой-либо особой организационной работы. Трудовой люд искал выхода из создавшегося положения. Люди жадно слушали беседы о политической и внешней обстановке. Это был точно живительный дождь после длительной засухи.

Итак, будучи солдатом рабочей роты, я мог в какой-то мере сталкиваться с политической жизнью вне казармы, вне маленького городка Выру.

Вышедшие из тюрем коммунисты в силу своей организованности и политической зрелости, монолитности и боевой закалки превратились в тот костяк, вокруг которого стали быстро спланиваться свежие силы.

В Тарту центральной фигурой партийной жизни в то время был Пауль Кээрдо, с которым у меня был тесный контакт. Конечно, подпольные собрания у Кээрдо нельзя было проводить,

для этого он был слишком известен, а его квартира постоянно находилась под наблюдением полиции. Обычно встречи происходили в окрестностях Тарту или же у какого-нибудь человека, находившегося вне подозрений. Так, неоднократно предоставляли возможности для сходов преподаватель университета Э. Кескюла-Ээритс (она и сейчас проживает в Тарту), Эрхард Лепик и ряд других тартуских товарищей.

Поддержанию моих связей с Паулем Кээрдо мешало то обстоятельство, что для выезда из Выру я каждый раз должен был получать официальное разрешение начальства. В результате вырусские шпики легко могли предупреждать своих тартуских «собратьев» о моем прибытии в Тарту. Это, безусловно, затрудняло мои контакты с тартускими товарищами, особенно участие в собраниях. Я рвался к активному делу, но положение солдата сковывало меня. Мне полагалось служить год, но в связи с обострением внешнеполитической обстановки этот срок продлили еще на полгода. Так что я сбросил солдатский мундир лишь 1 января 1940 года.

Все экзамены в университете я к тому времени сдал, но остались практические работы. Чтобы их выполнить, надо было хотя бы полгода поучиться на стационаре. И вот с 1 января 1940 года я студент очного отделения университета. Живу в Тарту. Теперь у меня больше возможности ближе изучить жизнь, настроение местной интеллигенции. К этому времени относятся запомнившиеся мне интересные встречи.

В поисках домашних обедов (я страдал гастритом) по газетному объявлению я попал в квартиру разведенной жены епископа Рахамяги. Она сдавала комнаты вместе с диетическим питанием. Тартуские мещане считали эту женщину «тронутой», ибо, по понятиям среднего обывателя, ее деятельность отнюдь не отвечала ее положению как бывшей супруги епископа. (Она считала своим долгом претворять в жизнь учение Льва Толстого о помощи ближнему.)

Познакомившись с жильцами, которые, как и я, у нее столовались, я вскоре выяснил, что, по-видимому, являюсь среди них единственным, кто платит за пансион. Хозяйка квартиры часов с пяти утра уже была на ногах. Сама колола дрова, топила печи, готовила пищу, убирала комнаты — и все это бескорыстно, гонимая идеей «служить людям». Во время наших с ней разговоров она выражала глубокое разочарование в эстонской церкви, в институте брака и во всем буржуазном строе.^[30]

Через месяц я съехал с квартиры, поскольку не мог выносить больше ее обитателей. Это была удивительная коллекция. Жила там бывшая актриса, которая, по ее словам, в молодые годы

играла у Станиславского. Ко времени нашего с ней знакомства все мечты юности были уже позади, и она превратилась в настоящего человеконенавистника, предпочитая общество собак, которым отдавала все свои заботы. Другим жильцом госпожи Рахамяги был какой-то индийский факир, но родом из Тарту. Все дни он проводил в испытании на легковых пациентах индийских «лечебных секретов». Под стать им были и другие жильцы.

С переездом в Тарту я познакомился с легальными рабочими организациями. Среди университетской интеллигенции были сильные, грамотные марксисты-ленинцы. К ним можно было отнести Х. Хабермана, молодого растущего товарища — Иллисона, организатора рабоче-просветительного общества, уже упоминаемую мною Э. Кескюла — преподавательницу испанского языка.

Из среды рабочего класса я познакомился в это время с супружеской четой Освальдом и Вандой Ире. Освальд был профсоюзным деятелем. Он подробно рассказал мне о тартуском профсоюзном движении того периода и об его руководителях и кадрах. Ванда Ире, активная, инициативная женщина, по своим воззрениям и политическим убеждениям стояла очень близко к Коммунистической партии. В этой семье я провел не один вечер. Мы много беседовали о прошлом, о современной политической ситуации в Эстонии, о наших задачах на будущее. Ближе всех я был к товарищу Кээрдо, он руководил деятельностью революционеров, которые объединялись вокруг Тартуского культурно-просветительного противоалкогольного общества. В этом обществе работали коммунисты И. Круус, Э. Лепик, В. Теллинг, О. Сепре, Х. Хаберман, М. Кангро-Лепик, Л. Иллисон, М. Лаоссон, А. Уйбо.

П. Кээрдо держал меня в курсе всех партийных дел, давал мне задания, советовал, с кем вести партийно-политическую работу, кого привлечь в партию из наиболее подготовленных людей.

В июне 1940 года я наконец окончил высшее учебное заведение. Не скажу, чтоб меня удовлетворял объем и содержание полученных знаний. Уже после восстановления Советской власти в Эстонии я неоднократно изъявлял желание вернуться к систематической учебе, но неотложные дела вынуждали подождать более спокойных времен. Однако более спокойного времени так и не наступило, и в дальнейшем степень кандидата наук, а затем доктора наук мне пришлось «отработать» без отрыва от производства...

От П. Кээрдо я знал, что состоявшаяся в апреле 1940 года конференция Коммунистической партии Эстонии, делегатом которой он был, в качестве основного лозунга выдвинула свержение фашистской диктатуры и решила всю деятельность партии направить на реализацию этого лозунга.

На очередь дня партия поставила вопрос о восстановлении Советской власти, о чем мечтали трудящиеся Эстонии.

Да здравствует Советская Эстония!

Июньская революция

Боевое задание партии. — Я занимаюсь организацией отрядов народной защиты. — Во главе газеты «Рахва Хяэль». — Меня избирают председателем Государственной думы.

19 июня я вернулся в Таллин. Впервые за последние 15 лет я провел день своего рождения в родной семье. А на следующий день открылась новая страница в жизни всего эстонского народа. 21 июня 1940 года наконец наступил долгожданный день...

Вот как развивались эти незабываемые события. Утром, как было условлено накануне на собрании актива рабочих, фабричные гудки и сирены возвестили о начале всеобщей забастовки. Со всех концов Таллина на площадь Свободы двинулись колонны рабочих. Они несли лозунги: «Долой правительство провокаторов войны!», «Требуем правительства, которое будет с честью выполнять пакт о взаимопомощи с Советским Союзом!» и другие. Состоялся грандиозный митинг, потребовавший смены правительства.

Народ желал видеть в своей стране правительство, которое будет не на словах, а на деле защищать интересы трудящихся, проводить политику честной дружбы с Советским Союзом. С пением «Интернационала» рабочие отправились ко дворцу президента, но тот не пожелал выполнить волю народа. Тогда по призыву Коммунистической партии рабочие заняли правительственные учреждения, освободили из тюрьмы политзаключенных, захватили помещение политической полиции.

Мне и Паулю Уусману поручили захватить радиостанцию. Забрав с собой группу рабочих, частично вооруженных, отправились на радиостанцию. Там несло караульную службу отделение солдат. На месте находились и некоторые работники. По нашему требованию отделение солдат сразу же покинуло радиостанцию. Это можно объяснить только паническим страхом буржуазии перед революцией. Сопровождавшие нас рабочие взяли на себя охрану радиостанции. В тот же вечер радиостанция передала сообщение о формировании нового правительства, состав которого был одобрен Коммунистической партией. Возглавил его Йоханнес Варес — известный поэт и видный демократический деятель. Главные посты в государственном аппарате заняли коммунисты.

Так в Эстонии победила революция. Буржуазные фальсификаторы истории, побитые и эмигрировавшие за границу

остатки фашистской клики вопреки истине твердят, будто во всех прибалтийских республиках никакой революции не было, будто республики эти были оккупированы советскими войсками. Но в доказательство эти клеветники за многие десятилетия не могли привести ни одного конкретного факта об участии советских военных частей в революции. И это не случайно, ибо таких фактов не существовало.

Социалистическая революция в Эстонии, как и в других прибалтийских республиках, победила потому, что созрела революционная ситуация. Эту победу одержали трудящиеся, в авангарде которых шел рабочий класс, руководимый Коммунистической партией.

Считаю нужным назвать людей, которые возглавили июньские события. Это были мои товарищи по тюрьме — коммунисты Йоханнес Лауристин, Оскар Сепре, Хендрик Аллик, Херман Арбон, Пауль Кээрдо и другие. Их хорошо знал трудовой народ, он им верил и шел за ними. Они в его глазах олицетворяли собою Коммунистическую партию Эстонии.

С победой революции в стране стал устанавливаться революционный порядок. Были разоружены полицейские участки. Оружие передавалось отрядам народной самозащиты, которые охраняли правительственные учреждения. Я и другие товарищи занимались организацией этих отрядов. Но мне, И. Саату и А. Вааранди поручили новый участок — организовать издание газеты «Рахва Хязль» («Голос народа»), которая начала выходить вместо закрытого официоза — газеты «Уус Ээсти».

Любопытно, как это происходило. Было созвано общее собрание акционеров «Уус Ээсти», чтобы официально избрать редактора и директора новой газеты. Юридически я должен был представлять на нем пакет акций, принадлежавших Эстонскому лесопромышленному центру, что давало мне основание принимать участие в собрании в качестве полноправного акционера.

Собрание это было самое короткое и самое тихое, в каком мне когда-либо приходилось участвовать. Оно состоялось на улице Пикк, в доме № 40, где сейчас находятся редакции газет «Советская Эстония» и «Ноорте Хязэль». Руководил им местный адвокат, фамилию которого я забыл, сославшись на изменившуюся обстановку, к которой следует отнестись с пониманием, он внес предложение считать издание газеты «Уус Ээсти» прекращенным и основать новую газету «Рахва Хязэль», которая фактически уже выходила, главным редактором избрать меня, что и было сделано. Директором избрали Аугуста Ханзена. Все собрание продолжалось каких-нибудь четыре-пять минут. Так

законную санкцию на свое рождение газета «Рахва Хяэль» получила от акционеров бывшего официоза — газеты «Уус Ээсти». Редактором газеты я был недолго, до созыва нового состава Государственной думы.

21 июля 1940 года Государственная дума, состоявшая из подлинных сынов и дочерей трудового народа, провозгласила Эстонию Советской республикой, единодушно высказалась за ее вступление в СССР, объявила землю всенародным достоянием, а затем приняла декларацию о национализации банков, крупной промышленности, шахт и предприятий транспорта. В последней декларации говорилось:

«...Идя навстречу справедливым требованиям трудящихся и для того, чтобы уничтожить эксплуатацию человека человеком и навсегда отнять у паразитов — фабрикантов, заводчиков и банкиров власть над трудовым народом, Государственная дума объявляет на всей территории Эстонии национализацию банков и крупной промышленности.

С этого дня общенародным достоянием, т. е. собственностью государства, объявляются все банки вместе с их имуществом, все крупные промышленные предприятия, шахты и предприятия транспорта.

С этого дня трудовой народ Эстонии получает в свои руки могучие средства экономического освобождения — банки и крупную промышленность. Тем самым создаются условия для быстрого подъема народного хозяйства, которое обеспечивает свободный труд рабочих, ставших хозяевами фабрик и заводов.

Государственная дума убеждена, что это решение полностью отвечает интересам государства и народа, и призывает всех рабочих и служащих поддерживать революционную дисциплину и самоотверженно трудиться для того, чтобы новый строй смог окончательно победить».

Новый состав Государственной думы резко отличался от всех предыдущих: ее членами стали рабочие промышленности, сельского хозяйства, транспорта, рыбаки и крестьяне — бедняки и середняки, — представители прогрессивной интеллигенции. Довольно значительной была группа коммунистов, народной интеллигенции — учителя, врачи. Хотя многие впервые были в этих помещениях, все чувствовали себя хозяевами, деловито уточняя порядок дня, порядок ведения дел, повестку дня.

Все чувствовали, что этот день исторический, особый, который создаст совершенно новые условия для дальнейшего развития жизни на новых началах, и с нетерпением ждали, как все это на деле произойдет.

У всех оживленные лица, обмениваются радостными

возгласами, ведут беседы.

В назначенное время старший по возрасту — депутат Янсон по поручению Совета старейшин открывает сессию новой Государственной думы. В краткой речи он подчеркнул важность переживаемого политического момента и задачи, которые требуют решения. Янсон предложил для руководства сессией избрать ее рабочие органы. Меня избрали председателем Государственной думы.

Сессия новой Государственной думы не была продолжительной, но принятые ею законы и постановления означали самый глубокий перелом в жизни эстонского трудового народа. Дума единогласно приняла историческую декларацию, объявившую Эстонию Советской Социалистической Республикой и вступление ее в Советский Союз.

Привожу выдержку из речи, произнесенной автором этих строк на заключительном заседании Государственной думы, преобразованной в Верховный Совет Эстонской ССР.

«Эти пять законов^[31] настолько всеобъемлющи, что их претворение в жизнь, их конкретизация в порядке обычного законодательства потребует еще немало труда на протяжении многих лет, труда напряженного, охватывающего всю нашу общественную жизнь — политическую, экономическую и культурную.

В рамках этих пяти законов мы завершили ликвидацию политической власти буржуазии, с образованием Эстонской Советской Социалистической Республики мы навсегда обеспечиваем рабочему классу и всему трудовому народу свободу самому решать свою судьбу; мы лишили эксплуататоров возможности когда-либо вновь прийти к власти, создали политические предпосылки для свободного развития к социализму.

В рамках этих пяти законов мы обеспечили трудовому народу Эстонии мир и свободное социалистическое строительство тем, что вступили в великий братский союз трудовых народов в качестве его равноправного члена. Этим решением исторического значения мы навсегда сбросили с себя зависимость от капиталистических держав, создали незыблемую основу для строительства социализма.

В рамках этих пяти законов мы осуществляем коренное улучшение жизни трудящихся деревни, осуществляем такое положение, чтобы земля действительно находилась в руках тех, кто ее обрабатывает... Отныне земля больше не является предметом спекуляции, средством всяческих махинаций, она становится неисчерпаемой сокровищницей, из которой

подлинный труженик получает богатую награду за свой труд... С переходом к социализму перед трудящимися села также открываются широкие возможности для применения всех своих творческих сил. Законом о земле мы создали... единый фронт великой армии труда против всех эксплуататоров, и это является залогом того, что мы быстро преодолеем стоящие перед нами трудности.

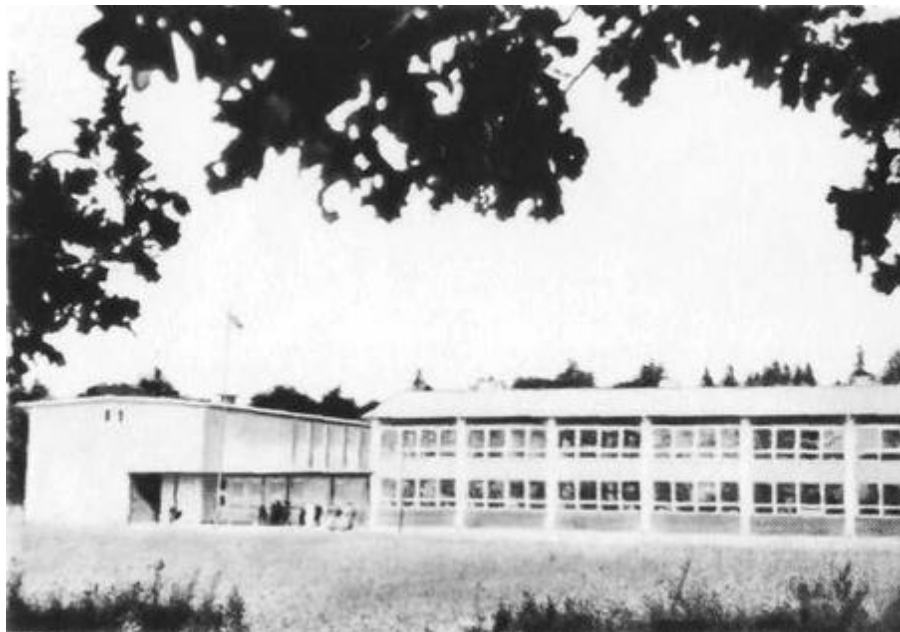
В рамках этих пяти законов мы завершаем завоевание экономических командных высот буржуазии путем национализации крупной промышленности и банков. Тем самым мы возвращаем трудовому народу его средства производства, а это позволяет использовать их на новых основаниях, в условиях новых социальных отношений, социалистических производственных отношений. Положительный эффект этих условий в других союзных республиках показывает, какие грандиозные достижения дает освобожденный труд... Перед нами, перед трудовым народом Эстонии, стоит трудная, но благородная задача: научиться работать по-большевистски, работать так, чтобы мы могли не только идти в ногу с другими советскими народами, но и наверстать то, в чем мы отстали. Мы хотим выйти и выйдем на достойное место в семье советских народов».

Как явствует из документов, принятых тридцать лет назад на заседании Государственной думы, коммунисты ясно понимали историческое значение революционных событий 1940 года, правильно оценивали значение пяти деклараций и постановлений в коренном преобразовании общественно-экономического строя Эстонии.

Итак, дело, за которое боролась партия, восторжествовало. Это было счастье для эстонского народа. Это было и моим счастьем. Мне было 37 лет, из них около пятнадцати лет я провел в тюрьме, все время твердо веря в неизбежность победы трудового народа, в торжество дела Коммунистической партии...

Хотелось бы сделать короткое отступление. На волне июньских событий выплыл Карл Сяре. Он прибыл в Эстонию в середине 1939 года, выдавая себя за уполномоченного Коминтерна и представителя Заграничного бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Эстонии. Сяре считал новый курс партии ошибочным, а силы пролетариата недостаточными для свержения фашизма. Лозунгу борьбы за диктатуру пролетариата он противопоставлял лозунг «демократии». С партийным центром, избранным весной 1938 года политзаключенными, у Сяре вышел конфликт в связи с принятым нелегальной конференцией КПЭ, состоявшейся в Таллине в ночь

на 1 апреля 1940 года, курсом на свержение фашистского режима и установление диктатуры пролетариата. Бывшие политзаключенные относились к нему настороженно, поскольку уже тогда ходили слухи, что Сяре добивался приема у президента Пятса и, будучи принятым, вел с ним продолжительную беседу, в ходе которой дал обещание в какой-то мере сотрудничать с ним. Естественно, что уже сам визит к Пятсу, без ведома партийной организации, вызывал, мягко говоря, недоумение, посеяв недоверие к Сяре. Вскоре он был выслан из Таллина в Кярдла на острове Хийумаа, откуда с разрешения президента переехал на юг Эстонии.

Здание 8-летней школы в колхозе «Эстония».

Пляж в Пирита — излюбленное место отдыха таллинцев.

Праздники песни в Таллине собирают многие тысячи слушателей. Певческое поле.

Торжественное шествие Государственного академического хора ЭССР — участника певческого юбилейного праздника в Тарту. Слева его художественный руководитель и главный дирижер народный артист СССР Г. Г. Эрнесакс.

Здание Центрального Комитета Коммунистической партии

А. Т. Веймер. 1971 год.

Во время спора с Сяре о линии партии в назревавших событиях Хендрик Аллик, возглавлявший тогда подпольный партийный центр, сказал ему: мол, это еще вопрос, кого ты вообще представляешь и что ты за человек. Этого было достаточно, чтобы у Сяре возникло предубеждение относительно всех бывших политзаключенных, и он по возможности изолировался от нас.

Вследствие плохой связи в то время невозможно было проконсультироваться с Коминтерном, авторитетом которого прикрывался Сяре. Но в дальнейшем это все же было сделано. Когда делегация молодой Эстонской ССР в августе 1940 года поехала в Советский Союз с ходатайством о принятии Эстонской ССР в его состав, Пауль Кээрдо, как он сам об этом рассказывал,

взял с собой материалы, характеризовавшие существо нового курса КП Эстонии. В Коминтерне этот курс был признан политически совершенно правильным. При этом было замечено, что он свидетельствует о широком политическом кругозоре и высоком теоретическом уровне руководителей КПЭ.

Небольшой эпизод, который характеризует Карла Сяре. Когда я на следующий день после переворота случайно встретил его в Рабочем доме и сообщил о том, как происходил захват радиостанции, к моему удивлению, он недовольно перебил меня словами:

— О каком захвате вы говорите, никакого захвата не было, все происходило в рамках законности! — И отошел.

Разумеется, такое объяснение меня не удовлетворило, поскольку оно означало совершенно новое толкование революционных событий. Когда я передал свой короткий разговор с Сяре Лауристину, он тоже был удивлен, но события развивались стремительно, долго задерживаться на этом инциденте не было времени. Так он и забылся.

Теперь, оглядываясь назад, я думаю, что слова Сяре были порождены не случайным настроением. Уже тогда он оценивал июньское выступление, его революционный характер совершенно неверно. Об этом, между прочим, свидетельствует хотя бы и то, что легализация Коммунистической партии Эстонии произошла несколько позднее, чем это было возможно, — 4 июля 1940 года.

Сяре удалось занять руководящее положение в ЦК КП Эстонии. Аллику он не простил его принципиальности и сделал все, чтобы отеснить его от партийной работы. В период Великой Отечественной войны Сяре показал свое подлинное лицо, став изменником Родины.

На посту наркома. — Поиски форм организации промышленности. — За один год 63 процента роста! — Итоги и перспективы. — Опираясь на помощь братского содружества.

Восстановление власти Советов в Эстонии в 1940 году означало переход командных высот в народном хозяйстве в руки государства. Как читатель уже знает, на первой сессии Государственной думы, преобразованной в Верховный Совет ЭССР, был принят закон о национализации промышленности, а также крупных и средних предприятий других отраслей народного хозяйства. Это были преимущественно частные предприятия, принадлежавшие акционерному капиталу или отдельным капиталистам. Сектор государственного капитализма был сравнительно невелик, в него входили в основном железные дороги, несколько крупных предприятий, как-то: Кехраский целлюлозный комбинат, ряд машиностроительных заводов, которые вследствие больших убытков и недогрузки мощностей не представляли интереса для частного капитала.^[32]

Требовалось не только провести национализацию командных высот капиталистической экономики, но необходимо было наладить и работу на новых условиях, на новых плановых началах по социалистическим формам ведения народного хозяйства.

В августе 1940 года я был назначен народным комиссаром легкой промышленности в первом составе Совета Народных Комиссаров, который возглавил Иоханнес Лауристин.

В лице Иоханнеса Лауристина Совнарком имел прекрасного председателя, пользовавшегося полным доверием партийного актива. Он умело организовал работу Совнаркома, в решении наиболее грудных и ответственных проблем опирался на помощь коллектива.

Конечно, и ему, и всем нам недоставало опыта государственной работы, который предстояло приобрести в самой жизни.

В первые месяцы после восстановления Советской власти в Эстонии заседания Совнаркома происходили при наличии полного состава Совнаркома. Это дало возможность коллективно обсуждать и решать крупные вопросы, но требовало слишком много времени, поэтому позже решили рассматривать текущие

вопросы на бюро Совнаркома (как это происходит и поныне). Так на ходу искали лучшие формы работы.

Для руководства национализацией Совнарком создал при СНК комитет по национализации крупной и средней промышленности, банковского хозяйства, страховых обществ, транспорта и коммунального хозяйства, торговли и кредитных учреждений. Комитет возглавил О. Сепре, заместителями и вместе с тем руководителями соответствующих отраслей были: я — по промышленности, Х. Аллик — по банкам и кредитным учреждениям, Ханзен был членом комитета и руководил национализацией транспорта, в том числе торговым флотом морского транспорта, А. Радик, как член комитета, ведал национализацией коммунального хозяйства и жилья.

Эта работа по своему характеру была особенно трудоемкая: объекты были распылены, кадров было мало и опыта в этом деле никакого. Комитет по национализации обобщал накапливаемый опыт, делал его достоянием подкомитетов. Во всей своей работе мы опирались на местные заводские профсоюзные организации, которые пользовались доверием рабочих. Кое-где, правда, пришлось провести перевыборы профкомов, на этих же собраниях из рабочих выдвигались кандидаты в уполномоченные комитета по национализации.

Учитывая небольшие размеры нашей республики, первоначально был создан один-единственный промышленный комиссариат — Наркомат легкой промышленности. Исходили из того, что в широком смысле под легкой промышленностью подразумевается вся обрабатывающая промышленность, все производство товаров широкого потребления. Включили в систему этого комиссариата и предприятия тяжелой промышленности, удельный вес которых в республике был невелик.

Вряд ли это было правильное решение. В СССР в систему легкой промышленности входили тогда текстильная, прядильная, трикотажная, швейная, меховая, а также обувная и кожевенная промышленность, то есть довольно узкий круг отраслей производства. И это оправдано. Уже вскоре у нас возникли трудности в решении плановых вопросов развития возможным только благодаря тому, что с самого начала было взято правильное направление: все, что пригодно для работы, использовать. И таким образом в течение первого года была проделана огромная работа по пуску законсервированного оборудования предприятий.

На Кренгольмской, Балтийской мануфактурах, на Нарвской суконной фабрике в годы буржуазного владычества мощности

использовались лишь на одну четверть. С получением металла из братских республик СССР резко расширился и фронт работ в машиностроении и металлообрабатывающей промышленности. Началось восстановление судостроительных заводов, с их территории переводились приютившиеся там предприятия, как-то: химический завод ЭРСПО «Орто», машиностроительный завод ЭРСПО, «Ээсти Дестиллаат» и ряд других. Однако пуск судостроительных заводов осуществился не так гладко, поскольку в буржуазный период были растащены новые станки, выпущенные английской фирмой «Виккерс».

С каждым днем росли требования на строительные материалы, они были особенно дефицитны.

Помню, является в наркомат начальник строительного треста Сухарев и спрашивает, где можно получить фонды на стройматериалы, в первую очередь на кирпич, цемент, известь. Я уточнил, в каких количествах все это ему требуется. Каково же было удивление Сухарева, когда я попросил его дать номер банковского счета и письменное заявление и заверил, что с завтрашнего дня трест будет получать кирпич в нужном количестве. Сухарев заявил, что такое он слышит впервые за всю его жизнь строителя! Даже когда мы с ним встретились двадцать с лишним лет спустя, он вспоминал этот разговор.

Этот эпизод весьма характерен для первого этапа организации управления хозяйством в Эстонии, когда у нас еще не вошел в силу общесоюзный порядок выделения фондов и лимитов, когда мы еще не умели смотреть на хозяйство республики как на часть общесоюзной экономики, на которую мы опирались во всем. Мы черпали в советском содружестве силу и веру. Ощущая рядом плечо верных друзей, мы шагали все более твердо и уверенно.

Продолжавшаяся примерно год работа по реорганизации промышленности и становление ее на социалистические основы позволили сделать несколько важных выводов. Во-первых, Эстонская ССР стала на путь перехода к социализму, во-вторых, народ всемерно приветствует все социальные перемены и с большим воодушевлением, энтузиазмом включился в строительство социалистического общества, в-третьих, успехи созидания новой, социалистической Эстонии полностью обнаружили бессилие буржуазии, что избавило эстонский народ от гражданской войны.

Аналогичные процессы происходили и в деревне. Подавляющее большинство крестьян встретило первые шаги новой власти с полным удовлетворением. Даже середняки не испытывали большого колебания. Коммунистическая партия

очень осторожно осуществляла все мероприятия, касающиеся широких масс: не торопила крестьян с переходом на путь колхозов, провела земельную реформу в интересах деревенской бедноты, а отчасти и середняков, отрезав или полностью отобрав землю у тех, кто ее не обрабатывал, — у кулаков, городских адвокатов и других подобных деятелей. Все трудовое крестьянство приветствовало эти меры. Правда, отчуждение части земли у кулаков происходило в условиях классовой борьбы. Но поскольку соотношение сил было явно не в их пользу, то они не осмеливались в тот период перейти к открытому выступлению против народа.

Перед Советской Эстонией, шедшей в едином братском союзе со всеми республиками, открывались радужные перспективы. Но мирный труд ее людей, как и всего советского народа, был нарушен фашистской агрессией.

Когда страна в опасности

Рядом с фронтом. — Подлинное лицо предателя. — Я отвечаю за эвакуацию. — Мы покидает Таллин. — В блокадном Ленинграде. — Заботы, об эвакуированных. — В частях Красной Армии. — Встречи с земляками.

Война не явилась для нас неожиданностью. О том, что фашизм намерен воевать со Страной Советов, было легко догадаться по всему: велась подготовка к обороне и в Эстонии, строились военные объекты, увеличивалась численность приграничных войск.

Чем ближе к Эстонии продвигался фронт, тем серьезнее становилась опасность, что республика может быть отрезана от остальной советской территории и окажется буквально в мешке.

С началом войны вся жизнь была подчинена одному — обороне. Надо было создать на предприятиях необходимую базу для ремонта военной техники, для производства военного снаряжения.

Центральный Комитет Компартии Эстонии сразу же информировал местные партийные и советские органы о вероломном нападении фашистской Германии. 23 июня 1941 года было опубликовано воззвание ЦК КП(б) Эстонии и Совнаркома ЭССР к трудящимся республики, в котором говорилось: «Трудовой народ Эстонии вместе с другими народами Советского Союза, и прежде всего с великим русским народом, сегодня поднимается на Отечественную войну против врага цивилизации и гуманизма, против поработителей народов, против варваров и фашистских извергов.

Вы, молодые советские граждане, рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция Советской Эстонии, поднимайтесь на борьбу против фашистских бандитов, за свое счастье и благополучие, за счастье и благополучие всех братских народов!»

Партия призывала в сжатые сроки перестроить всю жизнь на военный лад. По заданию ЦК КП(б)Э в довольно короткий срок были сформированы бронепоезда. Необычайно возросла потребность в лопатах: они были нужны для строителей оборонных сооружений; землеройной техники у нас в то время было еще очень мало, и поэтому рыли окопы в основном вручную. Оборонные работы были тем участком, который требовал повседневного и весьма пристального внимания. Центральный Комитет КП(б) Эстонии, местные партийные комитеты

поддерживали тесную связь с командованием воинских соединений, действовавших на территории республики. В то время в Эстонии находилась база Краснознаменного Балтийского флота, командование которого руководило сооружением оборонительных укреплений.

Второй большой задачей была разъяснительная работа на фабриках и заводах. Все мы, руководящие работники, выступали в те дни на предприятиях, разъясняли освободительный характер Великой Отечественной войны, положение на фронте, говорили о том, что успех гитлеровской армии носит временный характер. Настроение в рабочих массах было боевое: все выражали свою готовность воевать против оккупантов.

Вместе с тем вставала и проблема эвакуации. Как никогда, требовалась организованность и порядок. В этих условиях настоящим тормозом был являвшийся тогда первым секретарем ЦК КП(б)Э Карл Сяре. От него поступали самые противоречивые распоряжения: отданное накануне заменялось на следующий день другим. Это вносило сумятицу и неразбериху. Так Иоханнес Лауристин, председатель Совета Народных Комиссаров, узнал о своем назначении членом комитета обороны республики из газет. Фактически все вопросы решал в комитете единолично Сяре.

Так было и со мной. Однажды меня вызвали в ЦК КП(б)Э, и Сяре сообщил мне, что я назначен руководителем эвакуации промышленности и должен немедленно приступить к делу. Что эвакуировать в первую очередь, кого еще привлечь к этому, ясной директивы не было. Обсудив вопрос с Лауристином, мы решили в первую очередь эвакуировать то, что могло бы быть использовано фашистами для усиления их военного потенциала. Начинать эвакуацию мы решили из районов, которым непосредственно угрожал враг, но и из Таллина надлежало вывезти наиболее крупные предприятия. Едва мы успели приступить к работе, как пришло новое распоряжение явиться к Сяре. Он в ярости набросился на меня:

— Что происходит? Это что за провокация?! — кричал он.

И когда в ответ я сказал, что действую в соответствии с его указанием, он заявил, что никаких распоряжений он мне не давал. Никакой эвакуации производить не надо. На мое сдержанное возражение, что необходимость эвакуации диктуется приближением военных действий, он стал кричать, обвиняя меня в панике. Приказал эвакуацию прекратить, а в противном случае пригрозил отдать меня под суд. Я был вынужден обратиться за разъяснением в Совет Народных Комиссаров. Лауристин обещал уточнить вопрос, но заявил, что, по его мнению, эвакуацию приостанавливать нельзя. Через некоторое время он позвонил

мне и сообщил, что решение об эвакуации остается в силе.

Эвакуация была делом довольно трудным: не было ни судов, ни людей. Работников порта распустили, так как считалось, что из-за военных действий работы в порту не будет.

Срочно послали в порт надежных людей, которые, быть может, не очень хорошо знакомы с технологией погрузочных работ, однако сделают все, для того чтобы обеспечить эвакуацию. Одновременно договорились с управлением железной дороги, что все свободные вагоны, весь порожняк без исключения, будут отданы для нужд эвакуации. Был создан приемный пункт в Ленинграде, в чем Ленинградский горком и горисполком оказали нам большую помощь. Уполномоченным Совнаркома по эвакуации в Ленинград назначили Аугуста Кони. Будучи ленинградцем, он имел тесный контакт с руководящими работниками горкома и горисполкома, и поэтому эвакуация материальных ценностей проходила организованно. В результате большие хозяйственные ценности были спасены. Союзный наркомат легкой промышленности предоставил для хранения эвакуированного имущества свои ленинградские склады.

Ленинградские рабочие самоотверженно помогали эстонцам. И в окопах, и на возведении оборонительных сооружений представители эстонского и русского народа были рядом. «Сегодня красные моряки из Ленинграда, не жалея жизни своей, защищают свободу Советской Эстонии, — писала газета „Советская Эстония“. — Сегодня эстонские бойцы на русских равнинах мужественно сражаются с наглым врагом, защищая великий город Ленина».

Последним из Таллина на ледоколе «Суур Тылль» эвакуировался партийный и советский актив. Здесь были почти все наши руководящие кадры, а также члены правительства. Мы благополучно прибыли в Ленинград, хотя шли среди довольно большого числа судов, в том числе и военных. Однако не обошлось и без жертв. На наших глазах торпедой фашистов был потоплен эсминец, на котором погибли председатель Совнаркома И. Лауристин, секретарь ЦК КП(б)Э Паук и уполномоченный ЦК ВКП(б) и Совмина СССР В. Бочкарев.

Сяре среди эвакуированных не было. Сначала предполагали, что он остался по решению ЦК КП(б)Э. Не оказалось среди эвакуированных членов правительства наркома пищевой промышленности Кийзера и наркома местной промышленности Зауэра. Мы мало их знали. Они появились в Эстонии после восстановления Советской власти. Было известно только, что они дружили, хотя и резко отличались по характеру: Кийзер был уравновешенный, спокойный, а Зауэр — экспансивный, любил

выпить; он позволял себе весьма резкие высказывания о той или другой стороне жизни в Советском Союзе. Они сразу были назначены на высокие должности — наркомками. Эта беспечность дорого обошлась. Испугавшись эвакуации по морю, они решили, что останутся, а потом пешком уйдут в советский тыл. Однако вскоре же были схвачены гитлеровцами. Зауэр стал предателем и пособником фашистов, а Кийзер был замучен, никого не выдав.

Отсутствие Зауэра и Кийзера вызвало всеобщее удивление. Но когда узнали, что остался и Сяре, начались разные толки. Позднее стало ясно, что сделал он это сознательно. На его совести гибель оставленных в Эстонии для подпольной работы активистов: они очень скоро попали в руки гитлеровцев и были убиты. Среди погибших такие испытанные революционеры, как Херман Арбон, Карл Тооминг и другие.

Когда мы прибыли в Ленинград, город был уже окружен, связь с другими районами Советского Союза прервана. В первые дни была сделана попытка вырваться из кольца через Шлиссельбург, но неудачно. В Шлиссельбурге выяснилось, что дальше идти нельзя, поскольку фронт приблизился вплотную и огонь минометов преградил путь. Поэтому мы получили распоряжение возвращаться в Ленинград уже пешком...

Местопребыванием Совета Народных Комиссаров Эстонской ССР был назначен Челябинск. В городе и области в основном сосредоточились эвакуированные из Эстонии предприятия, производственные коллективы, а также отдельные граждане.

Разумеется, забота о десятках тысяч эвакуированных явилась важнейшим участком работы Совета Народных Комиссаров ЭССР. Очень многие из эвакуированных потерпели кораблекрушение и потеряли все свои вещи и документы. Обеспечение их предметами первой необходимости представляло тогда серьезную задачу, но благодаря помощи братских республик люди вышли из этого катастрофического положения.

Совнаркому ЭССР надо было составить ясную картину того, где и сколько эвакуированных из республики граждан, где они работают, в чем нуждаются. Уполномоченных Совета Народных Комиссаров ЭССР направляли в те районы, где имелись компактные группы эвакуированных из ЭССР. Среди них было и довольно много людей, нашедших себе работу в разных отраслях промышленности, в колхозах и совхозах, на лесозаготовках. Непрерывно шла мобилизация в эстонские дивизии Красной Армии.

Предметом особой заботы были работники искусства. Из них при энергичной поддержке заместителя председателя Совета Народных Комиссаров СССР Р. С. Землячки были образованы

художественные ансамбли — коллективы песни и танца. Находились они в Ярославле. Там жили художники, писатели, которые работали в содружестве с ансамблем. И надо сказать, что только огромная забота Советского правительства обеспечила в чрезвычайно трудных условиях военного времени — ведь это было в 1941–1942 годах — сохранение национальных кадров работников искусств. Наш ансамбль обслуживал воинские части, выступал среди населения.

К сожалению, об этом периоде жизни нашей творческой интеллигенции, и в частности об ансамбле, написано мало. Мысль о создании ансамблей подал Гольдшмидт. Обсудив этот вопрос с секретарем ЦК Н. Каротаммом и исполняющим обязанности председателя Совнаркома товарищем Сепре, я обратился к Р. С. Землячке, которая довольно деятельно вмешалась в судьбу работников культуры. Я хорошо помню — это было в Куйбышеве — поздним вечером в гостиницу вошла группа мужчин в огромных сибирских тулупах. Я с трудом узнал артистов Пауля, Пинна, Лаутера. Они направлялись в Ярославль...

Одной из самых неотложных задач было открытие школ детских домов для эстонских детей. Конечно, это было связано с большими трудностями. И здесь нам активно помогли местные организации.

Совет Народных Комиссаров ЭССР и особенно Центральный Комитет КП(б) Эстонии много сил отдавали формированию в составе Красной Армии эстонских национальных дивизий. Эта работа в основном протекала на призывных пунктах военкоматов по месту жительства эвакуированных.

В конце 1942 года в Москве начала выходить газета «Рахв хяэль» («Голос народа») — орган ЦК КП(б) Эстонии. Редактором ее был мой старый друг Антон Вааранди. Председатель Президиума Верховного Совета ЭССР поэт Иоханнес Варес-Барбарус редактировал литературно-политический альманах «Сыясарв» («Боевой рог»). У нас на Урале, в Челябинске, на эстонском языке издавались «Последние известия Советского Информбюро», редактором их выпусков был А. Хаберман. Книги на эстонском языке выходили в Москве, Ленинграде и других городах.

ЦК КП(б) Эстонии неустанно руководил идеологической работой. Коммунист с 1920 года Э. Пяльль стал секретарем ЦК по пропаганде и агитации; И. Кэбин возглавил отдел пропаганды и агитации ЦК.

А. Вааранди, П. Вихалем, П. Кээрдо, О. Сепре и я были утверждены внештатными лекторами Центрального Комитета

Компартии Эстонии.

Нам приходилось часто бывать на призывных пунктах, в военкоматах, в эстонских национальных частях Красной Армии. Свои впечатления о посещении воинских частей я изложил тогда в статье «Посещение эстонских частей Красной Армии», которая была затем включена в сборник «Победа будет за нами», вышедший в Ленинграде в 1943 году. Приведу ее текст.

«Героическая Красная Армия в исторических битвах под Москвой развеяла миф о непобедимости фашистов. Это героическая Красная Армия уничтожила миллионы фашистских убийц и захватила бесчисленные трофеи. Недалек тот час, когда вся наша великая Родина снова будет свободна. Достижение этого требует упорной и жестокой борьбы, ибо враг знает — поражение равносильно для него гибели. И как смертельно раненный зверь, который особенно опасен, фашисты проявляют крайнюю жестокость и упорство перед своим концом.

Созданные по решению Государственного Комитета Обороны СССР эстонские части Красной Армии продолжают освободительную борьбу, которую эстонский народ начал совместно с Красной Армией на территории ЭССР в 1941 году. Тогда тысячи лучших сынов и дочерей эстонского народа добровольно вступили в истребительные батальоны и рабочие полки, чтобы изгнать вторгшегося врага. Перед превосходящими силами противника Красная Армия вынуждена была тогда отступать, но она отступала с боями, нанося врагу огромный урон. Битва при Кивилоо, битва под Тарту, бои за Таллин — во всех этих сражениях эстонские трудящиеся проявили исключительное мужество, отвагу, умение воевать. Позже, в боях под Порховом и Лугой, эстонские подразделения показали, что дух Лембиту воистину продолжает жить в его сынах, что ненависть к фашистским мерзавцам глубока и сильна...

Обязательные во всей Красной Армии чистота и порядок стоят на исключительной высоте и в эстонских частях. Территория вокруг жилых помещений украшена художественно выполненными лозунгами, нередко выложенными из зеленого дерна. Дорожки посыпаны песком, трава подстрижена. Все бойцы крепкие, стройные, высокие. Есть молодые призывники, но есть и постарше, прибывшие в порядке мобилизации. Здесь много бывших офицеров эстонской буржуазной армии. В Красной Армии они самоотверженно участвуют в борьбе против общего врага. Например, полковник Сауесэльг, который в старой армии находился на ответственном посту... В Красной Армии для них созданы исключительно хорошие условия, обращение учтливое, товарищеское. Общее величайшее желание — как можно скорее

изгнать орды грабителей из пределов нашей великой Родины и уничтожить фашизм. Быстрее вернуться в родные края, узнать о родных, о своих семьях.

Здесь представители всех профессий из разных уголков Эстонии: этот плотный человек — малоземельный крестьянин из Вильяндиского уезда, член Верховного Совета ЭССР Абори. До армии он работал где-то в совхозе, выглядит он значительно более здоровым, чем, насколько помнится, был в Эстонии, весел и разговорчив. Включившись в беседу, он выражает уверенность, что фашизм рухнет: ведь противостоящие ему силы антифашистского фронта безграничны... Да и в своей семье он уверен:

— Они у меня молодцы, если не смогли остаться на месте, то небось ушли в лес, в партизаны, бить фашистов и их прихвостней, — говорит он, а потом добавляет: — Но ничего, скоро мы их вызволим.

Я знал, что в бою это необходимо, и поэтому выполнял все вместе с молодыми, ничуть не отставал, — сообщает он не без гордости. Расставаясь с ним, думаю: этот человек в достижении своей цели будет упорен и непоколебим.

Молодых призывников много. Во время эвакуации из ЭССР фашисты бомбили их на море. Призывники своими глазами видели злодеяния фашистов и приходят в ярость, если кто-нибудь сомневается в правдивости их рассказов. Они жаждут вестей о родине. Я говорю им, как фашисты и их пособники разоряют страну, сколько отбирают в деревне продуктов сельского хозяйства. Мы приходим к единодушному мнению, что введенные оккупантами нормы поставок не только обрекают городское население на голод, но и сам крестьянин останется без хлеба, если будет выполнять эти нормы.

— Я не дам превратить себя в раба, — говорит молодой парень из Пярнуского уезда, сын крестьянина, — скорее, оставлю землю непаханной, чем стану немцев кормить.

— И вывезти из страны все тоже не дадим, — заявляем второй, боец-комсомолец. — Подорвать железнодорожный мост не просто, но можно так ловко все подготовить, что враг ничего не заметит, пока не полетит вверх тормашками. — Следует подробное объяснение, как это технически выполнить.

Встречаю бывших работников системы наркомата легкой промышленности — и из центрального аппарата, и с предприятий. Все веселы, рады, что могут принять активное участие в разгроме врага. Все воодушевлены одним желанием — как можно быстрее вернуться к той большой, интересной работе, которую прервало вторжение захватчиков. С большой сердечной

теплотой смотрю я на этих мужественных, отважных людей: пережитые трудности лишь закалили их, превратив в подлинную опору советского строя. Вот молодой директор фабрики из Тарту Мэиэль. Два года назад он был простым рабочим-текстильщиком; ему, очевидно, и не снилось, что он будет руководить крупным предприятием. Целый год он работал на ответственном посту, рос с каждым днем, и теперь перед нами командир, которому можно доверить задание любой трудности: он его выполнит, даже если для этого придется пожертвовать своей жизнью.

Беседую с главным инженером одного главка, Кальманом. Он теперь командир моторизованной части. Лицо загорелое, движения резкие и скупые. Немногословен, целеустремлен. И желания у него немалые — вся часть должна сидеть на моторах, только тогда он успокоится! И оружие, на его взгляд, лишь тогда будет иметь подлинную ценность, если тащить его будет трактор. Я напоминаю ему про плохие дороги, в которых трактор увязнет, а лошади пройдут. Со своим делом он справляется хорошо, точен и находчив в поддержании порядка. В его мастерской образцовая чистота.

Беседую с шахтером-сланцевиком. Он сражался в истребительном батальоне, подробно рассказывает об этом, а также о том, что лишь при Советской власти почувствовал себя полноправным членом общества: работы было достаточно, можно было не бояться, что завтра останешься без хлеба, не надо было бродить в поисках работы. Да и зарплата была такая, какой в буржуазное время нельзя было добиться даже самой удачной забастовкой. И все это наше советское правительство осуществило само, без просьб, без забастовок... Дома отдыха, клубы — грустно становится, как вспомнишь обо всем утраченном! — кто в прежнее время мог мечтать об этом? Кабы дали еще хоть годик поработать, какая замечательная жизнь была бы!

— Вышибем фашистов из своей республики, — сразу же утешает он себя, — и снова начнем трудиться. — Он спрашивает, куда эвакуировано оборудование сланцеперегонных заводов, как скоро удастся снова пустить их в ход. Перед расставанием он показывает мне свой новехонький миномет, которым явно гордится и с помощью которого надеется отправить на тот свет не одну дюжину фашистов.

Меня знакомят с молодым майором артиллеристом Паулем. Звание майора он получил в Красной Армии; у него за спиной боевое прошлое: его зенитные орудия сбили 27 вражеских самолетов! Пауль представлен к ордену. Он сдержанно рассказывает о жизни на фронте, которую никак нельзя сравнить с тыловой.

„Скорее бы опять на передовую!“ — так думает не он один, а вся его команда...

С комиссаром мы обсуждаем трудности рождения и роста части. Их много, пришлось немало поработать, чтобы за короткий срок сформировать из весьма разношерстной массы часть Красной Армии, проникнутую единым боевым духом, крепкую в военном и политическом отношении. Но тот, кто теперь увидит людей в строю, на учениях или в часы отдыха в клубе, на вечере художественной самодеятельности, тот не может не признать, что эта работа принесла хорошие плоды, что новые части смело продолжают лучшие традиции гражданской войны, основы которых были заложены еще двадцать четыре года назад эстонскими стрелковыми полками на Урале и берегах Волги. Я покидаю Еоинские подразделения с твердым убеждением, что здесь в лице молодых воинов растут и закаляются основные и ведущие кадры общественной жизни Эстонской ССР...

Наряду с этой работой, как главной, приходилось много заниматься организационными делами, решать, самые разнообразные вопросы жизни эвакуированных, разбросанных по всему Советскому Союзу. В Свердловской и Челябинской областях были созданы школы для эвакуированных. Там, где детей было меньше, работали группы с эстонским языком преподавания.

Уже в ходе войны мы думали о подготовке кадров для восстановления хозяйства республики. Помогали эвакуированным из Эстонии студентам поступить в высшие учебные заведения в тылу, размещали технические кадры в ряде учреждений в качестве стажеров. Этой работой занимался непосредственно тогдашний заместитель председателя Совета Народных Комиссаров ЭССР А. Кресс.

Все мы уделяли много внимания агитационно-массовой работе. Я систематически сотрудничал в газетах и на радио. Успешно был проведен среди эвакуированных сбор денег на постройку эскадрильи военных самолетов «Тазуя» и танковой колонны «Советская Эстония». Эскадрилью самолетов и танковую колонну торжественно передали представителям соответствующих воинских соединений Красной Армии, в руках которых они превратились в грозную ударную силу. Вспоминаются волнующие сцены, когда вносившие в фонд обороны выражали ненависть к фашистским грабителям и убийцам, которые, так же, как их предки, германские псы-рыцари, грабили нашу землю.

Можно твердо сказать, что советский патриотизм вдохновлял и бойцов на фронтах, и тружеников тыла отдавать все для победы.

Эстония свободна!

*Первые мероприятия по возрождению республики. — Как и что восстанавливать? — Первая послевоенная пятилетка. —
Опять на хуторе Соо.*

Осенью 1943 года началось наступление войск 2-го Прибалтийского фронта. Артиллерийские части 8-го Эстонского стрелкового корпуса участвовали в боях за освобождение Невеля и Новосokolьников. В феврале 1944 года Красная Армия подошла к границам Эстонии. Все мы с величайшим напряжением ждали этого момента. 26 июля 1944 года советские войска освободили Нарву.

Мы стали собираться домой и в августе прибыли в Выру.

Небольшой городок казался вымершим. Люди появлялись по одному, робко подходили к нам, узнавая, кто мы, радовались и плакали одновременно. 10 сентября здесь состоялся III пленум ЦК КП(б) Эстонии, 16 сентября — третья сессия Верховного Совета ЭССР. Сессия обсудила задачи, стоявшие перед республикой, приняла закон о возвращении крестьянам земли, отнятой у них фашистами и их пособниками.

Началась неуклонная, систематическая работа по возрождению республики. Самой животрепещущей проблемой в деревне было восстановление земельной реформы, проведенной в 1940/41 году. Фашисты аннулировали реформу, жестоко расправившись при этом с новоземельцами (получившими землю по этой реформе). Требовалась большая разъяснительная работа. Ведь нельзя забывать о том, что эстонский народ всего год жил свободно, а потом снова оказался под гнетом фашизма. У некоторых оставалось неверие — а вдруг все происходящее не так прочно? Однако быстрое продвижение Советской Армии, в рядах которой шел и Эстонский стрелковый корпус, было самым убедительным доказательством прочности наших побед, опровергало фашистскую ложь и клевету о «погибели» эвакуированных в начале войны эстонских военных частей.

22 сентября советские войска освободили Таллин, и правительственные органы вернулись в столицу республики.

На IV пленуме ЦК КП(б) Эстонии 28 сентября 1944 года первым секретарем ЦК КП(б) Эстонии был избран Н. Г. Каротамм. Меня утвердили председателем Совнаркома республики. ЦК Компартии и правительство республики приступили к решению задач по восстановлению хозяйства Эстонии.

Фашисты намеревались превратить землю Эстонии в мертвую зону. Они разрушили ее города, разграбили сельское хозяйство. Общий ущерб, нанесенный Эстонии оккупантами, составлял более чем 16 миллиардов рублей. Задача, которая стояла перед республикой, может быть сформулирована примерно так: восстановить все, что было разрушено, и затем двигать народное хозяйство вперед.

Но с чего начинать и в каком виде восстанавливать? В молодых советских республиках Прибалтики нельзя было, да и не имело смысла, восстанавливать все в том виде, по той структуре, как было в прошлом. Ведь структура народного хозяйства Эстонии царского времени сформировалась на капиталистических основах и имела довольно односторонний характер: развивалось судостроение и связанные с ним отрасли промышленности, строились судостроительные заводы и т. д.

В капиталистической Эстонии структура промышленности подверглась весьма сильному изменению. Я уже отмечал выше, что крупная промышленность, по существу, была почти ликвидирована и вместо нее возникло большое число средних и мелких предприятий, выпускавших товары широкого потребления. Разве целесообразно было теперь все их восстанавливать? Требовалось вдохнуть жизнь во все те предприятия, где можно было быстро наладить производство. Ведь население освобожденной территории остро нуждалось в одежде и обуви, в продуктах питания. Надо было сделать все возможное, чтобы скупить имевшиеся запасы кожи и изготовить из них обувь. А это, в свою очередь, означало, что должны с полной нагрузкой работать предприятия легкой промышленности, начиная с дубления кожи и кончая изготовлением обуви. Аналогичная картина была и в текстильной промышленности.

В период оккупации гитлеровцы почти весь урожай вывозили из Эстонии в Германию. Эстония стала свободной осенью 1944 года. Хлеб еще не был убран. Поэтому первой заботой восстановленных органов Советской власти — сельсоветов, волостных и уездных исполкомов — было максимально мобилизовать силы для уборки урожая, вовремя выполнить хлебозаготовки.

Очень трудно было с электроэнергией: электростанции жестоко пострадали. В республике в последние годы буржуазной власти производилось всего 192 миллиона киловатт-часов электроэнергии. В 1945 году было произведено только 123 миллиона киловатт-часов. Электростанции тогда работали на жидком топливе, которого остро не хватало. Поэтому надо было

быстро восстановить (и прежде всего погасить в них пожар) сланцевые шахты, предприятия термической обработки сланца.

Благодаря самоотверженному труду коллективов и помощи братских республик все эти задачи были довольно скоро разрешены. Еще шла война, а многие предприятия республики уже были пущены в ход. В Таллине через несколько дней после освобождения заработали машиностроительные заводы «Ильмарине» и «Пунане Круль», текстильные фабрики «Пунане койт», «Юнивийт», «Марат», кожевенный комбинат «Унион», городская электростанция.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство выделили на восстановление народного хозяйства и культуры республики из союзного бюджета дополнительно 300 миллионов рублей. Со всех концов Родины в Эстонию поступало оборудование для заводов, станки; прибывали и кадры, которых нам так не доставало. Число рабочих и служащих в народном хозяйстве республики в 1945 году достигло уровня 1940 года. Почти на уровне 1940 года было число учащихся в общеобразовательных школах, а в специальных средних учебных заведениях оно превышало его в 4,6 раза.

Наряду с восстановлением промышленности и других отраслей народного хозяйства жизненно важно было поднимать из руин города, поселки и деревни, мосты, тушить пожары на шахтах и в лесах, заготавливать топливо и т. д. и т. п.

Как подойти к решению всего этого, где брать людей, орудия труда? Как вовлечь в производство каждого трудоспособного?

Окончание Великой Отечественной войны и возвращение воинов вдохнули в промышленность и сельское хозяйство республики вторую жизнь. Люди, сбросившие фашистское иго, трудились с энтузиазмом.

В ЦК КП(б) Эстонии было принято решение организовать республиканские субботники по очистке городов, поселков и деревень. Современному молодому читателю трудно представить, во что фашисты превратили наш красавец Таллин. Коллективы столичных предприятий во главе с руководителями вышли на очистку города от развалин. Каждый отработал не менее 50 часов. Работали все жители города.

Первый послевоенный пятилетний план должен был определить структуру нашей промышленности и узловые проблемы ее развития. Перспективы развития республики мы обдумывали, еще находясь на Урале. Плановая комиссия, руководимая О. Сепре, многое успела сделать. В соответствии с директивами партии и правительства планирующие органы составили правильную схему размещения производительных сил, что было очень важно и помогло избежать крупных промахов.

План был утвержден на сессии Верховного Совета ЭССР в июле 1946 года. Он предусматривал восстановление и развитие прежде всего сланцевой и сланцехимической, машиностроительной промышленности и промышленности строительных материалов, а также транспорта. Вдвое намечалось увеличить производство электроэнергии. Планировалось расширить и производство предметов широкого потребления. Большие средства отпускались и на строительство, культуру, образование, медицину.

Сложные проблемы возникли при разработке перспектив судостроения; прежняя судостроительная база, унаследованная еще от царской России, была в период буржуазного господства в Эстонии занята предприятиями совершенно иного типа; и когда соответствующие комиссии приступили к серьезному анализу перспектив судостроения в республике, то пришли к выводу, что в прежнем объеме разместить в Таллине судостроительные предприятия нет возможности. Поэтому были внесены некоторые коррективы, согласно которым Русско-Балтийский судостроительный завод был, по существу, превращен в ремонтный, в одну из основных баз ремонта рыболовного флота. С территории названного завода в первую очередь «переехали» предприятия Эстонского республиканского совета потребительской кооперации: химический завод «Орто», завод сельскохозяйственного оборудования и «Ээсти Дистиллаат».

Строительство нового судостроительного завода не было закончено, поскольку союзные органы в связи с изменением конъюнктуры сочли его завершение нецелесообразным. Для руководства предприятиями общесоюзного значения в республике была создана более или менее приспособленная к общесоюзной структура хозяйственных органов — это было единственно правильное решение, позволившее быстрее залечить раны войны, ведь в распоряжении соответствующих союзных министерств имелись значительно большие материальные ресурсы, чем могла выделить на восстановление этих предприятий сама республика.

Мы решили произвести некоторую реорганизацию. О. Сепре, возглавлявший Госплан и одновременно исполнявший обязанности председателя Совета Народных Комиссаров, был переведен на пост первого заместителя председателя СНК. Были изменения и в структуре органов управления, например ликвидирован наркомат труда, поскольку входившие в его компетенцию вопросы были переданы в ведение профсоюзов.

Следует сказать, что хозяйственные руководители были подобраны в целом удачно, работалось с большим воодушевлением.

Мы побывали во всех районах республики. Они тяжело пережили оккупацию и теперь переходили на мирное строительство. Демобилизованные офицеры и солдаты направлялись в помощь сельским активистам, составляя на местах основной костяк актива.

Война окончилась, но еще оставалась опасность, которую представляли собой скрывавшиеся на территории республики националисты. Недобитые кулаки и другие враждебные элементы в период фашистской оккупации активно пособничали гитлеровцам. И теперь те, у кого руки были в крови, с самого начала старались избежать справедливой кары. Они уходили в леса, объединившись в банды, совершали разбойничьи набеги на советские учреждения, особенно в деревне, вламывались в магазины, расхищая товары и продукты питания, совершали другие преступления.

Для проведения всевозможных кампаний в первые послевоенные годы приходилось широко использовать институт уполномоченных Совнаркома и Центрального Комитета КП(б) Эстонии. Дело осложнялось тем, что в деревне еще не было колхозов, и поэтому государственные задания приходилось доводить до каждого крестьянина, налаживать сельскохозяйственные работы так, чтобы не пустовала ни одна пядь земли. Уже в первую осень стал вопрос об использовании хозяйств, брошенных бежавшими кулаками. Где это было можно, на их базе создавали ячейки будущих совхозов. В первую очередь это удалось сделать там, где имелась сердцевина бывшего имения, вокруг него группировали заброшенные хозяйства кулаков. Подобным же образом обстоит дело с хозяйствами бандитов, их также присоединяли к совхозным землям или отдавали в пользование бедноте. Вся эта работа лежала на тогдашних уездных и волостных исполкомах, которые, конечно, нуждались в квалифицированном совете и практической помощи. Как лучше использовать землю, как организовать снабжение населения — эти вопросы не сходили с повестки дня.

Для того чтобы помочь учреждениям, школам, предприятиям улучшить питание трудящихся и одновременно использовать брошенные земли, было создано довольно много подсобных хозяйств.

В качестве примера можно привести судьбу знакомого читателю имения и хутора Соо. Дела привели меня в поселок Соо — это было через год после освобождения республики от оккупации. Владелец имения бежал вместе с немцами. Так как там были приличные животноводческие постройки, то наркомат мясной и молочной промышленности ЭССР решил создать там

базу по откорму скота. Но земли там было мало, а значит, не хватало своих кормов.

Вставал вопрос: а целесообразны ли такие подсобные хозяйства вообще? Так было на хуторе Соо, так было и в других имениях. Как же распорядились своей судьбой владельцы усадьбы Соо? Старый Кости лишился ноги (ампутировали из-за костного туберкулеза); старший его сын эмигрировал во время войны, а младший, занимавшийся в годы оккупации хозяйством, был теперь арестован за саботаж государственных поставок сельхозпродуктов. Их бывший батрак Рутт, стрелявший в брата, стал фашистским пособником.

Хутор был передан Госплану в качестве подсобного хозяйства. Экономический уровень этого хозяйства поднялся, но перспективы у него не было. То же произошло и с другими подсобными хозяйствами, получившими довольно широкое распространение. Вопрос о них был окончательно решен в 1948 году, на первом послевоенном (V) съезде партии, где так называемые «образцовые хозяйства» и Министерство сельского хозяйства подверглись суровой критике за передачу хуторов учреждениям, не способным установить в них должный порядок.

Опираясь на решение ЦК ВКП(б) от 21 мая 1947 года «О строительстве колхозов в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР», V съезд Компартии Эстонии подчеркивал в своих постановлениях, что нужно держать курс на коллективизацию, поскольку созданные для помощи беднякам коннопрокатные пункты не очень-то оправдали себя, не давали хозяйствам того, в чем они нуждались. В коннопрокатных пунктах не было достаточной заботы о лошадях, кормах, в результате чего к весне, когда наступала страдная пора, большое число лошадей не было пригодно для работы. Выход был в коллективизации сельского хозяйства. Теперь, в конце 1948 года, для этого сложились необходимые условия.

Как и в решении ЦК ВКП(б), съезд отмечал, что осуществлять коллективизацию нужно на основе полной добровольности, без торопливости. Однако даже на этом съезде раздавались голоса, обвинявшие партийные и советские органы в медлительности. Выступивший на съезде секретарь Вильяндимаского укома партии заявил, что к коллективизации следовало приступить сразу же после освобождения республики от оккупантов, забыв, что в то время для этого не было ни политических, ни организационных, ни экономических предпосылок.

Осуществляя ленинский план кооперации

Во главе Совета Министров республики. — В обстановке острой классовой борьбы. — Используя опыт братских республик. — Знакомство с совхозом «Караваево». — Добрая память об Альфреде Мыттуса. — Оправданная мера.

Коллективизация сельского хозяйства стала актуальной через два-три года после освобождения республики. Проходила она в условиях острой классовой борьбы, вызванной сопротивлением кулаков и буржуазно-националистических элементов социалистическим преобразованиям в деревне. Активизировались различные банды националистов. В уездах тут и там происходили убийства и зверские расправы, учиненные бандитами над местными активистами и инициаторами колхозов. Летом 1948 года от руки бандитов погибли секретарь партийной организации волости Тыллисте Николай Луми с женой и ребенком, секретарь Лаеваского волкома партии Михаил Сибуль. Были жертвы и в других волостях. Эти зверства показывали трудовому крестьянству истинное лицо буржуазных националистов и кулаков. Бедняки и середняки под влиянием большой разъяснительной работы все охотнее поворачивались в сторону колхозов.

Сильным средством убеждения стали передовые колхозы и совхозы. Передовой совхоз «Удева» в Ярвамааском уезде был окружен многими бедняцкими хозяйствами, владельцы которых сами выразили желание слиться с совхозом.

Надо сказать, что уже в первые послевоенные годы у нас имелись хорошие совхозы и колхозы. Так, по результатам всесоюзного социалистического соревнования в системе Министерства совхозов СССР около трети совхозов Эстонской ССР заняли высокие места. В печати было названо 100 победителей соревнований, 35 из них были совхозы, находившиеся в ведении Главного управления совхозов Эстонской ССР. Это, конечно, было большое достижение.

Немалая заслуга в этом была начальника Главного управления совхозов республики Альфреда Мыттуса. Он с огромной энергией и настойчивостью боролся за высокий уровень животноводческого хозяйства совхозов, используя весь опыт, накопленный Советским Союзом. Мыттус много лет проработал в системе совхозов СССР, хорошо знал опыт лучших совхозов братских республик, часто их посещал. Однажды я побывал

вместе с ним в знаменитом животноводческом совхозе «Каравaeво» Костромской области. Было заметно, что Мыттус среди работников «Каравaeво» популярный человек. Причем он, как говорится, отнюдь не мазал медом по губам каравaeвцев, а подчас говорил им горькие истины. Например, укорял их за невнимание к созданию собственной кормовой базы: в «Каравaeво» ввозили по железной дороге даже сено, и Мыттус называл это позором для совхоза. Но стадо в «Каравaeво» действительно было хорошее. Работали там много, с огоньком, и знакомство с хозяйством было для меня весьма поучительным.^[33]

В связи с этим мне припоминается один небольшой эпизод. Не помню точно — в 1948 или в 1949 году — в Таллине проходил актив Главного управления совхозов, в котором принимал участие главный зоотехник «Каравaeво» Штокман. Он подарил нам тогда свою только что вышедшую из печати брошюру о чистопородном стаде совхоза. Нам захотелось в свою очередь преподнести гостю подарок. За два дня и одну ночь брошюра была переведена на эстонский язык, отпечатана, переплетена, и к концу собрания актива первый экземпляр перевода был вручен автору. Правда, полиграфистам досталось при выполнении столь сверхоперативной работы. Но и они были довольны, что сумели блеснуть своим мастерством. Брошюра Штокмана явилась для наших животноводов хорошим пособием.

В первое время к молодым колхозам прикреплялись руководящие партийные и советские работники. До начала массовой коллективизации окончательное решение о создании того или иного колхоза принимало бюро ЦК КП(б) Эстонии. И это было оправданно.

Коллективизация — самый трудный этап социалистического строительства. В Эстонии была своя специфика — разбросанность хозяйств, сильное, особенно на первых порах, влияние кулака, слабость некоторых сельских партийных организаций. В решении Бюро ЦК КП(б) Эстонии «О работе партийных организаций по строительству колхозов в Эстонской ССР» указывалось, что агитация в пользу колхозов должна носить наступательный характер, что нужно решительно разоблачать кулаков и их пособников.

Особого внимания требовали к себе середняки. Мы помнили указание Ленина о двойственности души середняка, который, с одной стороны, труженик и, как таковой, поддерживает Советскую власть и ее аграрную политику; с другой же стороны, он собственник. Часть середняков видела свою перспективу в том, чтобы стать кулаком, еще более расширить свое хозяйство за счет

наемного труда. И разумеется, с известным недоверием относилась к аграрным мероприятиям Советской власти, не знала, чего ждать для себя от коллективизации.

Следует заметить следующее: когда речь идет о классическом кулаке или середняке, то социально-политический смысл проблемы вполне ясен. Но на практике мы сталкивались с рядом трудностей. Не всегда можно было определить границу, где кончается середняк и где начинается кулак. Иногда вопрос о принадлежности семьи к середнякам или кулакам решался узкой коллегией — секретарь укома партии, уполномоченный по заготовкам и уполномоченный органов безопасности. Здесь были неизбежны ошибки. Решение вопроса только через народные собрания, без серьезного изучения всех относящихся к делу обстоятельств также порождало сложности: кулаки нередко избегали включения в соответствующий список, середняк же, наоборот, то ли в результате ложного доноса, то ли по каким другим соображениям причислялся к кулакам. Не случайно часть выселенных в качестве кулаков позже ходатайствовала о возвращении в республику, причем большинству из них это было разрешено.

Мне пришлось некоторое время быть в Вырумааском уезде уполномоченным Совета Министров, и там у меня возник серьезный спор с тогдашним секретарем укома Генрихом Айо из-за местного учителя. Как известно, зарплата учителя складывалась из двух частей: из жалования, которое он получал от государства, и из квартиры, топлива и участка земли, луга — для содержания коровы. И вот учителя, который на лето, на время сенокоса, на условиях частного соглашения нанимал себе в помощь школьную уборщицу, зачислили в кулаки, — он-де эксплуатирует чужой труд. Я объяснял Генриху, что для учителя сено не являлось товаром, что он заготавливал его не для продажи, а на корм своей корове, и это надо рассматривать как натуральную часть оплаты труда учителя, и в данном случае совершенно нелепо говорить об эксплуатации. Но секретарь укома никак с этим не соглашался, и учитель был занесен в списки кулаков...

Вспоминается и другая история. Одинокая хуторянка, малоземельная, вдова, наняла для ремонта своего дома плотника; и на этом основании ее занесли в список кулаков. И хотя было совершенно ясно, что здесь нет постоянного использования наемной рабочей силы, что женщина принадлежит к малоземельцам, тем не менее ее включили в списки кулаков. Эти и подобные им решения Совет Министров, конечно, не мог утвердить.

Не сразу определили и судьбу кулаков. Некоторые сомневались, оправдана ли изоляция кулаков, выселение их из республики. Но факты массового бандитизма — поджоги колхозных строений, убийства партийных и советских активистов вынуждали на эти меры. Для предотвращения еще более тяжелых последствий борьбы нужно было изолировать, выселить из республики главную силу — классового врага, которым являлось кулачество. Это диктовалось самой жизнью и помогло нам за сравнительно короткий срок сломить сопротивление элементов, поддерживавших кулаков, и обеспечить нормальные условия для развития колхозов.

Не обошлось здесь, конечно, и без ошибок. Но в дальнейшем они по мере сил были исправлены.

На посту директора

В Институте экономики. — Основа всего — первичный материал. — Директор ремонтного завода. — Коммунисты — «за», министерство — «против». — Наши первые успехи. — За доброе имя завода.

Я продолжал работать в Совете Министров до марта 1951 года — до первой сессии Верховного Совета республики третьего созыва, на котором в соответствии с Конституцией было образовано новое правительство. Я подал заявление, в котором просил в связи с переходом на научную работу не выдвигать мою кандидатуру в члены нового правительства. Заявление было удовлетворено. ЦК КПЭ направил меня директором Института экономики Академии наук ЭССР.

Прежде в научном учреждении мне трудиться не приходилось, поэтому все здесь было для меня ново. Институт был небольшой, имел секторы экономики промышленности, экономики сельского хозяйства и политэкономии. Штаты были укомплектованы, как правило, довольно хорошо, хотя не у всех имелась соответствующая подготовка, особенно в секторе экономики сельского хозяйства, где были люди, пришедшие из других отраслей. Но все были молоды и полны желания работать. Первым делом надо было поставить работу всех сотрудников в методическом отношении на правильную основу. Я имею в виду в общем-то слабоватый контроль в научно-исследовательских учреждениях. Много времени расходовалось зря из-за того, что не обращалось достаточного внимания на первичный материал. И поэтому моей первой задачей было просмотреть, каков этот первичный материал при разработке той или другой темы. Вскоре выяснилось, что в этой области довольно много недостатков.

Помню хорошо работу товарища Хеленурм по анализу рентабельности совхозного производства. Обсуждая, какие материалы нам нужны, мы пришли к единодушному мнению, что следует уточнить прежде всего необходимые для анализа факторы, а также сделать соответствующие выписки из годовых отчетов совхозов. Мы получили по каждому совхозу на основе разработанной нами схемы соответствующие карты в разрезе по годам. Так у нас появился довольно основательный статистический материал по отдельным совхозам, который затем подвергся тщательному экономическому анализу. Дополнив статистический материал наблюдениями на месте, товарищ

Хеленурм положила его в основу своей диссертации на соискание степени кандидата экономических наук. Методика, разработанная ею, успешно используется совхозами при оценке рентабельности их производства.

Наше внимание к первичному материалу себя оправдало. Когда руководство Академии наук ЭССР интересовалось итогами нашей работы, внимание действительного члена Академии наук Томпсона привлек как раз первичный материал, используемый нашими сотрудниками, и в частности товарищем Хеленурм. Думаю, что проанализированные им первичные карты со всеми показателями, составленными на основе годовых отчетов совхозов, должны были вызвать чувство удовлетворения.

Через некоторое время меня направили на работу директором нового Таллинского ремонтного завода, в системе Министерства сельского хозяйства. Атмосфера здесь была довольно благоприятная, коллектив подобрался неплохой, с ним вполне можно было работать.

Вместе с главным инженером Г. Мыттусом и партбюро завода мы внимательно пересмотрели план предприятия, обратив первоочередное внимание на выпуск станков для МТС. Мы с Мыттусом пришли к выводу, что целесообразно перевести изготовление станков на малое серийное производство. Это обеспечит непрерывное поступление денег на счет предприятия и даст возможность покрыть долги, регулярно выплачивать зарплату, поднимет материальную заинтересованность работников в расширении производства, укрепит их веру в свои силы.

Обсуждение вопроса вынесли на партийное собрание. Оно прошло очень активно. Наши планы строились на реальном расчете, поэтому вызвали всеобщее одобрение. Партийная организация подавляющим большинством голосов поддержала наше предложение, поручив партийному бюро и дирекции разработать меры по увеличению годового плана на 100 процентов. Неожиданно мы встретили возражение со стороны Министерства сельского хозяйства республики. Оно выступило против нашего плана, обвинив руководство завода в гигантомании и прочих грехах.

Но мы твердо стояли на своем. У нас была такая прочная опора, как коммунисты. Поддержал нас и Центральный райком партии, его секретарь Каркки. За разрешением спора пришлось поехать в Министерство сельского хозяйства Союза ССР. К нашей радости, Управление ремонтных предприятий министерства нас не только поддержало, но и выделило нужное количество металла и прочего сырья.

Теперь дело было за нами. «Взявшись за гуж, не говори, что не дюж». Работал коллектив с большим энтузиазмом. Уже к концу года завод превысил прежний план на 60 процентов. Это был результат перестройки всего технологического процесса.

Как и было намечено, производство станков перевели на малое серийное производство. Это резко повысило производительность труда. Были приняты меры к укреплению кадров. Бухгалтерский учет был поставлен слабо, особенно по складскому хозяйству. Никто толком не знал, что есть в наличии, чего не хватает. С большим опозданием выписывались счета за отгруженную продукцию, и деньги поступали очень нерегулярно. Пришлось заменить главного бухгалтера. К концу года завод избавился от задолженности, и коллектив впервые за многие месяцы стал регулярно получать заработную плату и даже премии.

Новый, 1952 год мы встречали в полной уверенности, что это только первые наши успехи. Теперь у нас имелась своя строительная бригада, правда немногочисленная, но все же достаточная для проведения на заводе внутреннего ремонта. Улучшили условия быта в общежитии. Завод испытывал острую нехватку жилья для своих работников. При поддержке Министерства сельского хозяйства Союза ССР были выделены капиталовложения на жилищное строительство. Ежемесячно на заводе проводился санитарный день. Теперь и территория его выглядела иначе. К нам потянулись люди, предлагавшие свои услуги. Пришли новые кадры, избавились от лодырей, которые больше кричали, чем делали. Все это способствовало сплочению коллектива. Так были преодолены основные трудности.

Еще более окрепла партийная организация. Регулярно с большой активностью проходили открытые партийные собрания. Вопросы обсуждались по-деловому, без длинных и пустых речей, принимали конкретные решения.

Решив основные проблемы, от которых зависело развитие производства, можно было вплотную подумать и об организации досуга рабочих и служащих. Весьма подходящей формой для этого явилась деятельность местной организации ДОСААФ. Для стрелкового спорта был приобретен соответствующий инвентарь; когда предприятие стало богаче, купили мотоциклы. Профком организовывал массовые поездки за город, в другие города.

Люди стали дорожить добрым именем своего завода. Раньше предприятию частенько предъявлялись претензии из-за плохого ремонта отдельных тракторных узлов, теперь упреки стали весьма редким явлением, да и не всегда обоснованными.

Люди менялись прямо на глазах. Работал у нас один молодой

специалист. Бесспорно, он знал дело, технику, но с людьми не ладил. И не считал, что это нужно. Резкий в разговоре с людьми, нетерпимый к критике, даже тогда, когда она была совершенно справедливой, он очень быстро изолировал себя от коллектива и общался только с «избранными». Я поговорил с ним по душам. Он не скрыл, что не удовлетворен работой, что его тянет кабинетная должность, что не для того он оканчивал высшее учебное заведение, чтобы прозябать в роли рядового инженера. Да и зарплата его не устраивала, хотя она была совсем не плохая; а во втором полугодии, когда начали выплачиваться премии, заработок его был достаточно высок для молодого инженера. Когда ему предложили поехать в деревню на укрепление инженерно-технических кадров МТС, он начал выискивать всевозможные причины, чтобы избежать этого, но ни в одной инстанции поддержки не получил. Его поведение оттолкнуло от него даже его дружков. И так как срок его работы на предприятии после вуза (три года) не истек, то в соответствии с существующим положением он был обязан все же поехать.

Но большинство работников завода вспоминаю с симпатией. Появилась у нас как-то даже учительница-историк. Не поладила она с кем-то на своей прежней работе и просила взять ее учеником токаря. Работала она более чем старательно, но токарь из нее так и не получился. Никто в цехе не иронизировал по этому поводу, старались даже ей помочь. Позднее ее перевели на более подходящую работу, и она хорошо себя чувствовала в заводском коллективе.

Так один интеллигент оттолкнул от себя людей, а другой нашел себя среди них.

Единый производственно-территориальный

Назначение на пост председателя Совнархоза. — Что писал о сланцах В. И. Ленин. — Энергогигант, работающий на сланце. — Вот что такое сланцы! — Цемент, рыба и специализация.

В июне 1957 года Верховный Совет Эстонской ССР принял закон, по которому в республике создавался один административно-хозяйственный район под руководством Совета народного хозяйства. Возглавить его доверили мне.

Перед Совнархозом были поставлены задачи: рационально развивать производительные силы, эффективно использовать природные ресурсы республики, капиталовложения и материальные ценности, специализировать и кооперировать производство, внедрять новую технику, комплексную механизацию, обеспечивать материально-техническое оснащение предприятий. Уже этот перечень дает полное представление о широте проблем, которыми должен был заниматься аппарат Совнархоза.

Мне были знакомы до некоторой степени эти задачи (читатель помнит, что я был поставлен во главе промышленного наркомата в июле 1940 года). Но как вырос за эти годы масштаб всех отраслей хозяйства!

Аппарат Совнархоза был подобран из опытных работников промышленности и работал по принципу главков. Начальники главных управлений были на уровне своих задач, текучести кадров не наблюдалось. Функциональные отделы также были укомплектованы благодаря поддержке Центрального Комитета КП Эстонии достаточно компетентными сотрудниками.

Реорганизация руководства промышленностью и строительством по производственно-территориальному принципу дала некоторые результаты, о которых я скажу ниже. Но она таила в себе отрицательные тенденции, которые затем дали о себе знать.

После перехода на территориальный принцип руководства промышленностью с самого начала появились известные трудности. Дело в том, что планирование производства было сосредоточено в руках Госплана СССР, что было совершенно правильно. Но создание и внедрение новой техники было от

Госплана отнято и передано заново созданным всесоюзным комитетам по новой технике (соответственно отраслям промышленности).

И здесь возникло существенное противоречие: поскольку комитеты не обладали реальными ресурсами, они должны были получать их от Госплана.

С самого начала у некоторых наших руководителей зародилось сомнение, насколько целесообразно подчинять совнархозам такие отрасли промышленности, как металлургия, черная и цветная, как угольная промышленность, тяжелое машиностроение, химия, энергетика и некоторые другие. Ведь совнархозы не в состоянии были руководить такими гигантами. Видимо, разумнее было бы сохранить для руководства ими отраслевые министерства.

Возникали и другие проблемы, которые приходилось решать по ходу дела. Основное внимание республика уделяла в то время вновь строящимся промышленным объектам — цементному заводу «Пунане Кунда», Прибалтийской ГРЭС, развитию химической промышленности, базирующейся на продуктах переработки сланца.

Для прибалтийских республик было крайне важно создание энергетической базы; в Белоруссии, Литве, Латвии, в Пскове и в других областях Северо-Запада база местного топлива была очень слабой, не хватало и водных ресурсов для строительства крупных гидроэлектростанций. И только в Эстонии имелись полезные ископаемые в виде горючих сланцев, на базе которых можно было широко развивать энергетику. Очень интересно заметить, что этими вопросами уже в то время глубоко интересовался Владимир Ильич Ленин.

Еще в декабре 1919 года В. И. Ленин писал председателю Петроградского Совета:

«Насчет сланцев раз Вы уже взялись, чудесно. Но меня удивило, что Вы пишете о транспорте сланцев. Транспорта (кроме как для *газа*: газа сланец дает-де больше, чем уголь) сланцы не выносят, надо-де электрифицировать на месте и на месте же перегонный завод поставить для получения нефти из сланца. Так мне здесь говорили. И я думал, что Питер при его ресурсах может и сладит с задачей электрификации и перегонки на нефть»^[34]

Прозорливо предсказывая сланцевой промышленности большое будущее, В. И. Ленин обращает на нее внимание ВСНХ. В письме в президиум ВСНХ в октябре 1922 года Ленин пишет:

«Тов. Красин прислал мне письмо, в котором сообщает о крупнейших успехах группы инженеров во главе с тов. Губкиным, которая с упорством, приближающимся к героическому, и при

ничтожной поддержке со стороны государственных органов, из ничего развила не только обстоятельное научное обследование горючих сланцев и сапропеля, но и научилась практически готовить из этих ископаемых различные полезные продукты, как-то: ихтиол, черный лак, различные мыла, парафины, сернокислый аммоний и т. д.

Ввиду того что эти работы, по свидетельству т. Красина, являются прочной основой промышленности, которая через десяток, другой лет будет давать России сотни миллионов, я предлагаю:

1. Немедленно обеспечить в финансовом отношении дальнейшее развитие этих работ.

2. Устранить и впредь устранять всяческие препятствия, тормозящие их, и

3. Наградить указанную группу инженеров трудовым орденом Красного Знамени и крупной денежной суммой.

О последующем прошу мне письменно сообщить через управделами СНК тов. Горбунова. В случае каких-либо препятствий немедленно сообщите мне через него же». ^[35]

Ленин уже в то время настоятельно рекомендует широкое использование горючего сланца. В середине 50-х годов было начато строительство Прибалтийской гидроэлектростанции — этого единственного в своем роде, уникального по технике энергогиганта. Прибалтийская ГРЭС пропускает через свои топки 10 миллионов тонн сланца и больше в год. В 1970 году Эстонская ССР дала свыше 11,5 миллиарда киловатт-часов электроэнергии. До 60 процентов ее отдается другим республикам и даже на экспорт. Вот как оправдались прогнозы Ленина о том, что это отрасль промышленности, которая через десяток-другой лет будет давать нам продукции на сотни миллионов рублей.

Прибалтийская ГРЭС — детище трудящихся — представителей всех республик. Большую научно-исследовательскую работу по усовершенствованию технологии использования сланца провели более полутора десятка союзных и республиканских институтов. Сланец надлежит сперва по принципу сухого теплоносителя превратить в жидкое топливо и в таком виде использовать для получения электроэнергии; при такой технологии электроэнергия обходится дешевле, кроме того, значительно сокращается потребность в металле для оборудования, удастся использовать почти 100 процентов содержащихся в сланце органических веществ. Сланец дает много золы, которая после термической обработки идет в дело. И в этой области у нас были осуществлены теоретические изыскания и практические испытания.

Сланец служит и делу развития сельского хозяйства. Урожайность полей повысилась в республике более чем вдвое по сравнению с буржуазным периодом: в те годы 12 центнеров зерновых с гектара получали только немногие хозяйства, теперь же 24 и более центнеров — средний урожай по республике, а в лучших хозяйствах получают по 30–40 центнеров с гектара. Одним из важных компонентов, позволивших добиться этого, является известкование кислых почв. Сланцевая зола — одно из лучших средств для таких целей, ибо она состоит, по существу, из извести и некоторой части других микроэлементов (калий и другие минералы). Все они нужны для известкования кислых почв. В Эстонской ССР подвергается известкованию до 100 тысяч гектаров земли в год, что явно недостаточно. Между тем есть возможности для расширения этой площади, поскольку лишь одна Прибалтийская ГРЭС дает до 6 миллионов тонн золы в год. С вступлением в строй Эстонской ГРЭС это количество удвоится.

Сланцевая зола используется и в других отраслях. Так, в Нарве на базе зольных отходов Прибалтийской ГРЭС работает завод железобетонных конструкций, дающий до 300 тысяч квадратных метров железобетона в год, без добавления цемента. Сланцевая зола получила широкое применение в производстве панелей для сельскохозяйственных построек, а также жилых домов.

Вторая важная отрасль, которая находилась в центре нашего внимания, — это цементная промышленность. В годы царского самодержавия в Эстонии производилось 120 тысяч тонн цемента, в буржуазный период — лишь половина этого количества: один из заводов был вообще закрыт. Производство цемента в ЭССР составляет около миллиона тонн в год и в дальнейшем значительно возрастет.

Предметом заботы Компартии и правительства Эстонии было в эти годы рыболовство. В Таллине построена новая рыбная гавань. Лов рыбы с каждым годом все более оживлялся, районы лова расширялись. Создан внушительный рыболовецкий флот, благодаря чему добыча рыбы увеличилась более чем в 10 раз. Создание широкой сети рыбообрабатывающих предприятий позволило резко повысить доходы от рыболовства.

Не могу не упомянуть в связи с этим бывшего начальника управления рыбной промышленности товарища Кулаженко. Сам он потомственный рыбак, работал прежде в больших бассейнах Дальнего Востока. Его опыт, умение выделять главное и сосредоточивать на нем все силы значительно способствовали успеху дела. Надо сказать, что именно благодаря ему мы смогли в столь короткий срок и без особенных «хождений по мукам»

построить в Таллине новую рыбную гавань, а также рыбообрабатывающие комбинаты в Пярну и в других местах.

Не сразу было найдено единое решение относительно дальнейшего развития машиностроения. И Центральному Комитету КПЭ, и Совету Министров республики, и руководству Совнархоза было ясно, что развивать его нужно. Речь шла о том, чему отдать предпочтение. Общее мнение сводилось к тому, что в республике следует развивать неметаллоемкое производство — приборостроение, вести курс на значительное повышение технического уровня машиностроения, поскольку удельный вес ручного труда был в этой отрасли в то время довольно велик.

Решение проблемы мы видели в дальнейшей специализации и усилении кооперирования со своими соседями. Так, мы специализировали производство отдельных узлов и деталей. Наш крупный электротехнический завод «Вольта», например, специализировался на выпуске электромоторов пятого габарита, причем в их производство внедрены новейшая технология и широкая автоматизация. Таллинский машиностроительный завод почти полностью специализировался на изготовлении отдельных частей нефтяного и химического оборудования, а также на производстве нефтеаппаратуры. Завод «Ильмарине» выпускает отдельные агрегаты и узлы топливного оборудования для электростанций.

Единственное крупное предприятие в республике, которое дает в большом объеме окончательную продукцию, — это Таллинский экскаваторный завод, выпускающий экскаваторы исключительно для целей мелиорации и прокладки средств связи (большая часть продукции завода идет на экспорт). Тартуский завод «Выйт» в какой-то степени специализировался на производстве сельскохозяйственных машин, преимущественно для нужд северо-западного района. Приборостроение сравнительно хорошо развито на заводе имени Пегельмана (в его продукции довольно высок удельный вес полупроводников), а также на заводе имени Калинина.

Плюсы и минусы реорганизации

Как ликвидировать разрыв с потребителем? — Проблема централизованного руководства созданием новой техники. — С чем мы столкнулись в строительстве. — Несколько слов о стиле руководства. — «Без отрыва от производства».

Развитие промышленности, по возможности комплексное, с использованием всех местных ресурсов в общем происходило успешно. Это относится и к таким сложным предприятиям, как предприятия машиностроения. Картина была здесь довольно пестрой, поскольку машиностроение в течение предыдущих периодов было раздроблено между многими министерствами. Но появился такой крупный недостаток, как разрыв предприятия с потребителем. Совнархоз не сумел наладить достаточно тесного контакта с другими совнархозами Северо-Западного района и вместе с ними создать необходимое содружество предприятий, которое позволило бы теснее кооперировать и специализировать предприятия.

Особенно важно это было в приборостроении, где каждое предприятие имело свой профиль и все выпускавшиеся приборы снабжались в весьма значительной степени производимыми на месте деталями. В результате — высокая себестоимость приборов, трудоемкость и большой удельный вес ручного труда в их производстве.

В качестве одного из важнейших недостатков совнархозов впоследствии приводилось отсутствие единого централизованного руководства созданием новой техники и внедрением ее в экономическом районе. Это обвинение, несомненно, справедливо. И хотя нельзя сказать, что внедрение новой техники в промышленность не проводилось, но могло бы быть сделано значительно больше. Возможности для этого были: из братских республик Советского Союза, а также из других социалистических стран в республику поступало много оборудования.

На одном таллинском заводе нам удалось организовать в те годы общий централизованный ремонтный цех для ремонта металлорежущих станков. А для централизованного производства форм, деталей было создано самостоятельное предприятие «Пионер». Это имело большое значение, поскольку отсутствие местной ремонтной базы вызывало раньше большие расходы на транспортировку станков для ремонта в другие республики.

Думаю, что отказ от такой централизации ремонта вследствие ликвидации Совнархоза не оправдан.

Совнархоз осуществил такие крупные мероприятия, как расширение Кундаского цементного завода, строительство Прибалтийской ГРЭС — она была пущена в тот период, — завершение восстановительных работ на Кренгольмской мануфактуре и начало строительства здесь отделочной фабрики. В результате Нарвская ордена Ленина Кренгольмская мануфактура имеет в настоящее время производственный процесс с завершённым циклом и даёт свыше 200 миллионов квадратных метров хлопчатобумажных тканей. Это, несомненно, большое достижение нашей текстильной промышленности.

Не удалось добиться нам существенного расширения производства пластмасс, которое планировалось на те годы. Дело в том, что в Латвийской ССР намечалось строительство крупного предприятия, способного снабжать всю Прибалтику. К сожалению, это предприятие тогда осталось непостроенным, и поэтому мы были лишены базы для производства пластмассовых изделий, особенно в области промышленности стройматериалов. Мало что изменилось в годы Совнархоза в строительстве и руководстве им. В какой-то мере это было наследием буржуазной диктатуры. Совсем отсутствовали кадры, почти не было строительной базы. Совнархоз не принял эффективных мер, считая, что быстрое расширение производства стройматериалов одновременно решит и проблему строительной базы, что, конечно, было неверно.

Подчинение строительства Совнархозу, видимо, было не совсем правильным решением вопроса, поскольку он являлся центром управления прежде всего промышленным производством. Строительство же требует особого, повседневного внимания. В довершение всего практика планирования строительства также недостаточно учитывала конкретные интересы Совнархоза: планирующие органы, составляя план строительства, максимально учитывали потребности всей республики, и Совнархозу волей-неволей приходилось бросать все силы на выполнение строительной программы других отраслей народного хозяйства, а строительная деятельность в промышленности отодвигалась на второй план. Этим можно объяснить и то обстоятельство, что за семь лет существования Совнархоза так и не нашлось возможностей для строительства каких-либо объектов здравоохранения и культуры, предназначенных для рабочих системы Совнархоза. В Таллине до сих пор нет даже дома техники, равно как не было построено в те годы ни одного рабочего клуба, ни одного профилактория, санатория, дома отдыха или другого ведомственного учреждения

здравоохранения для рабочих.

Единственным утешением, быть может, было закрытие в Таллине одной табачной фабрики. Ее помещение передали научно-исследовательскому учреждению.

Подводя итог, мы с удовлетворением констатировали, что почти все предприятия выполняли свой годовой план. Тех, кто с планом не справлялся, обсуждали на заседании коллегии главка или даже Совнархоза. Хорошим стимулом явилось решение Совнархоза и республиканского Центрального Совета Профессиональных Союзов о развитии соревнования и о премировании главков, предприятия которых выполняли годовой план по основным показателям. Фонд премирования не был превышен, а государственный бюджет выиграл.

Несколько слов о стиле руководства. Совершенно ясно, что готового стиля ни у кого из руководителей Совнархоза не было. Мы сразу же отрешились от обильного бумаготворчества, свойственного некоторым прежним министерствам. (Было решено, что оформляться письменно должно распределение материальных ценностей, определение ответственности отдельных звеньев аппарата за исполнение соответствующих функций, назначение и освобождение от занимаемой должности, ведение трудовых книжек и т. д.)

Особенно важно было четко распределить обязанности, определить меру ответственности каждого работника на своем участке. В первые месяцы все документы направлялись по общему адресу — в СНХ, о какой бы отрасли или группе промышленных предприятий ни шла речь. В каждом случае требовалось указание руководства СНХ начальнику того или иного главка, то есть снова неизбежна канцелярщина и волокита.

Со временем практика подсказала правильные методы организации и руководства. Работали мы с интересом, инициативно. Многое пришлось проанализировать, обобщить. Возникла мысль оформить это в научный труд, посвященный проблеме перспективного развития промышленности республики. На основе накопленного опыта я написал диссертацию, в которой широко использовал собранный мной огромный материал годовых отчетов СНХ на собраниях актива. Диссертация была пронизана идеями В. И. Ленина о предпосылках строительства социализма.

Жизнь ставила проблемы, которые требовали своего разрешения. Какие резервы таят в себе специализация и комплексное развитие производительных сил республики для интенсификации производства? Какие процессы происходят в народном хозяйстве по концентрации производства? Что

требуется для повышения производительности труда, для интенсификации производства? Как добиться роста продукции в результате повышения производительности труда, без привлечения дополнительных рабочих?

Эти проблемы стали предметом моего дальнейшего изучения. В 1961 году в Таллине вышла моя книга «Комплексное развитие и специализация промышленности эстонского экономического административного района». В 1963 году ученый совет Таллинского политехнического института, где я защищал диссертацию, рекомендовал ВАК присудить мне звание доктора экономических наук.

Таков был итог моей научной работы, проведенной «без отрыва от производства».

Мне думается, что такой отход от «классической» формы научного поиска имеет ряд неоспоримых преимуществ. Предмет исследования подобран более квалифицированно, он ближе к жизни, выдвинут ее нуждами и помогает решать более актуальные, наболевшие проблемы. Материал для разработки подбирается более качественный, а само исследование производится глубже, целеустремленнее, результативнее.

В Совете Министров республики

Снова по отраслевому принципу. — Заместитель председателя Совмина. — Сказывается инерция. — Господство социалистических производственных отношений. — Проблемы сельскохозяйственного строительства.

Благодаря повседневной заботе партии промышленность республики успешно справилась со всеми заданиями семилетки, ускорился технический прогресс, улучшилось размещение производительных сил, усилилась концентрация промышленности.

Однако в конце семилетки темпы роста валовой продукции в республике стали сокращаться, что явилось результатом ослабления централизованного руководства отраслями промышленности. Руководство промышленностью через Совет народного хозяйства уже исчерпало себя.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС (1965 года) признал необходимым перейти к отраслевому принципу управления промышленностью, упразднить совнархозы.

Ликвидация Совнархоза происходила организованно. Специально созданная комиссия регулировала денежные взаимоотношения с заказчиками, снабженцами и т. д., решала вопрос о подчиненности предприятий, о кадрах.

На базе Совнархоза ЭССР было создано восемь министерств и десять самостоятельных главков и комитетов. Кроме того, еще до ликвидации Совнархоза из него были выделены в качестве самостоятельных Главное управление строительства, реорганизованное в Министерство строительства, а также Главное управление энергетики, преобразованное в

Главное управление энергетики при Совете Министров ЭССР. Эти мероприятия в какой-то мере упростили работу ликвидационной комиссии (особенно выделение строительного главка со всеми его многочисленными, разбросанными по всей республике строительными объектами). Создание министерств не составляло каких-либо трудностей. Комплектование аппарата министерств также происходило в основном за счет кадров Совнархоза.

С ликвидацией Совнархоза меня назначили заместителем председателя Совмина. Характер работы был тот же: решение тех вопросов промышленности, строительства, коммунального хозяйства, которые не в состоянии были решить соответствующие

министерства, и все те оперативные дела, которыми так богата повседневная деятельность Совета Министров.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС (1965 год) значительно расширил права союзных республик в планировании и финансировании местной промышленности. Однако в работе министерств сказывались старые тенденции. Они стремились по различным поводам обращаться в Совет Министров, даже тогда, когда решение вопроса было в их компетенции. И поэтому работа волей-неволей превратилась на первых порах в канцелярскую. На продумывание и решение важных народнохозяйственных проблем оставалось меньше времени. Новым было то, что произведенная реорганизация не означала простого возвращения к тому, что было, полного восстановления старого принципа отраслевого руководства и отказа от принципа территориального руководства. Всесоюзные министерства, не говоря о других, должны были согласовывать свою деятельность с соответствующими территориальными директивными органами. Конкретно это означало, что все капиталовложения, которые союзные министерства намеревались освоить в нашей республике, должны были предварительно согласовываться с Советом Министров ЭССР и Центральным Комитетом КП Эстонии.

Это было особенно важно в связи с проблемой кадров. К тому времени почти все трудоспособное население республики было вовлечено в социалистическое общественное производство. В 1968–1969 годах оставалось не более 5 процентов трудоспособных, которые по той или иной причине не могли принимать участия в общественном производстве.

Это было результатом коренных изменений, внесенных в социально-экономический строй победой социализма. Из промышленности были полностью исключены частный капитал, частные предприниматели. Социалистические принципы ныне безраздельно господствовали во всем народном хозяйстве. Численность рабочих и служащих увеличилась в 3,5 раза и превысила 600 тысяч человек. Объем валовой продукции в 1969 году в 26 раз превосходил уровень 1940 года.

В сельском хозяйстве значение частного сектора стало ничтожным, поскольку крестьян-единоличников почти не осталось. Излишки продуктов, за исключением молока и мяса, получаемых с приусадебного участка и продаваемых колхозником, играли второстепенную роль.

В буржуазной Эстонии в сельском хозяйстве было занято до 600 тысяч человек. Преобладал, естественно, ручной труд. В социалистическом сельском хозяйстве Эстонской ССР, получившем довольно богатую техническую базу, количество

людей сократилось до 150 тысяч (вместе с обслуживающим сельское хозяйство населением — работниками лесного хозяйства, мелиораторами, работниками кооперации). А производство продукции значительно выросло, и это при условии, что среднегодовая продолжительность рабочего дня и в сельском хозяйстве была доведена до восьми часов. (Летом, правда, рабочий день был несколько длиннее, зато зимой соответственно короче.)

Ручной труд в сельском хозяйстве все активнее вытеснялся машинами, что высвобождало рабочую силу для других отраслей. Вспашка, сев и уборка зерновых были полностью механизированы. На полях появилось много картофелесажалок и картофелеуборочных комбайнов. Известные пробелы оставались еще в механизации животноводства, поскольку небольшие помещения зачастую не позволяли достаточно эффективно их механизировать. Но по мере того как в животноводстве осуществлялся переход на крупное производство по промышленному принципу, положение и здесь улучшилось. Первыми показали хороший пример птицефабрики, — одна птицефабрика стала давать государству больше продукции (как яиц, так и мяса), чем целый район. Производительность труда на таких птицефабриках в 10 раз выше, чем на обычной небольшой ферме.

Из года в год повышалась роль механизаторов в сельском хозяйстве, и одной из важнейших проблем оставалась подготовка сельских механизаторов и их бытовое устройство, поскольку старые жилые постройки начали разваливаться, особенно там, где не было настоящего хозяина и своевременно не производился ремонт. Лишь в последние годы колхозы — после того как возникли межколхозные строительные организации — начали строить и производственные постройки, и жилые дома для работников сельского хозяйства. Это, разумеется, в значительной степени сократило текучесть кадров, повысилась и эффективность труда работников сельского хозяйства.

В качестве заместителя председателя Совета Министров ЭССР я непосредственно занимался сельским строительством. Дело это было мне знакомо. Однако уже начинали сказываться годы, да и старые болезни, нажитые в «Батарее», все чаще напоминали о себе. Это сильно ограничивало возможность выездов на места, а без этого руководящая работа немыслима.

В Академии наук республики

Состав президиума Академии наук. — В отделениях академии. — Специфика организации работы научных институтов. — В тесной связи с академиями братских республик. — Оглядываясь на прошлое.

Степень доктора наук давала мне возможность получить формально право голоса в делах науки. Еще в 1964 году по рекомендации бюро Центрального Комитета КП Эстонии меня избрали членом президиума Академии наук ЭССР.

В 1988 году долголетний президент академии И. Эйхфельд по состоянию здоровья вынужден был уйти на пенсию. Бюро Центрального Комитета КП Эстонии предложило мне баллотироваться на этот пост. Я отнесся к этому без особого воодушевления: из-за здоровья и по возрасту я не чувствовал себя достаточно способным значительно пополнить свой научный багаж знаниями, особенно в тех областях, в которых ощущал свое отставание. В гуманитарных науках, особенно в таких, как экономика, история, в некоторой степени и философия, я чувствовал себя более или менее уверенно, чего нельзя сказать об естествознании. А без этих знаний, как я считал, не смогу в полной мере исполнять свои новые обязанности.

Выборы прошли вполне удовлетворительно. Очевидно, моя многолетняя работа в советских учреждениях, а также контакты с отдельными представителями научного мира, в частности в президиуме академии, создали для моего избрания достаточно благоприятную обстановку: при тайном голосовании не был подан ни один голос против.

Избранное общим собранием Академии наук руководство — президиум и академики — секретари отделений, по моему мнению, оказалось удачным, что позволило организовать работу с достаточным знанием дела и вместе с тем сохранить за президиумом его руководящую и направляющую роль. Так, первым вице-президентом Академии наук ЭССР, осуществляющим руководство научными областями, был избран принадлежащий к младшему поколению ученых, окончивший аспирантуру в советских высших учебных заведениях физик Ребане. На пользу делу шло и то, что он проживает в Тарту, где находятся наши важнейшие научно-исследовательские учреждения в области естествознания — Институт физики и астрономии, Институт зоологии и ботаники и т. д.

Вторым вице-президентом был избран доктор технических наук Н. Алумяз, длительное время участвовавший в работе Академии наук и обладавший значительным опытом. Некоторое время он руководил Институтом кибернетики, новым научным учреждением, кадры для которого нам еще предстояло готовить.

Третьей не менее важной является должность главного ученого секретаря президиума Академии наук. Вместо ушедшего на пенсию И. Хейля на эту должность был избран Виктор Андреевич Маамяги. Я считаю этот пост одним из самых ответственных в системе Академии наук. Главный ученый секретарь — это, в сущности, организатор руководства научной работой. Здесь требуются большие знания, такт, глубокая последовательность, строгая систематичность, чтобы не терять головы среди бесчисленных вопросов, которыми президиум заваливают все институты. И надо сказать, что в лице В. А. Маамяги мы сделали весьма удачный выбор. Он прекрасно справляется со своими нелегкими обязанностями. По специальности В. А. Маамяги историк.

В состав президиума входили также академики, работающие вне президиума академии: Г. Наан, в дальнейшем — главный редактор Эстонской Советской Энциклопедии, и А. Киппер — директор Института физики и астрономии, представитель старшего поколения ученых. В президиум входил, кроме того, О. Киррет, директор Института химии и академик — секретарь отделения. Надо сказать, что избрание товарища Киррета членом президиума вызвало в дальнейшем некоторые сложности, ибо он один был в трех лицах — директор Института химии, академик — секретарь отделения и член президиума. Это, конечно, перегружало товарища О. Киррета. Следует заметить, что довольно тесная связь Института химии с практикой порождала известные трудности. Так, при внедрении результатов исследовательской работы в производство обычно возникали трения с соответствующими министерствами, и в таких случаях не было, как говорится, беспристрастных.

В руководстве академией очень важным звеном являются отделения, в которые избраны лучшие специалисты республики. Это подлинный форум ученых одной области, чьи решения весьма авторитетны. Но руководство их работой было достаточно сложным делом, если иметь в виду, что не все ученые работали в системе академии, были загружены в другой системе. Привлечение их к решению стоявших перед академией крупных принципиальных вопросов требовало четкой организации работы. Поэтому выбор академиков — секретарей отделений приобретал весьма важное значение. Следует пояснить, что роль отделений

возрастает в связи с тем, что президиум по своему составу весьма пестрый. Каждому входящему в него, естественно, ближе проблемы своей отрасли науки. Поэтому в президиуме, хотя в нем и собраны крупные ученые, нельзя подчас получить достаточно квалифицированной оценки отдельных крупных научных проблем, ее может дать только коллектив специалистов, каковым и является отделение.

В системе республиканской академии три отделения. Первое — отделение физико-технических и математических наук — охватывает Институт кибернетики и Институт астрономии и физики, Институт термофизики и электрофизики и СКВ (специальное конструкторское бюро). Академиком — секретарем этого отделения был с 1968 года И. Эпик, доктор технических наук, профессор, работавший в Таллинском политехническом институте в области механики и энергетического машиностроения, знающий и инициативный ученый.

Именно в институтах этого отделения Академии наук республики разрабатывались наиболее важные фундаментальные проблемы естественных наук (физики, астрономии, астрофизики, термофизики).

Материально-техническая база институтов этого отделения постоянно обновлялась и оснащалась новой, совершенной техникой: было закончено строительство первой очереди обсерватории имени В. Струве в Тыравере. Началось строительство комплекса физики в Тарту и нового помещения для Института кибернетики в Таллине, возведен павильон Института термофизики и электрофизики в Таллине.

Во второе отделение — химико-технологических и биологических наук — входили Институт химии, Институт зоологии и ботаники, Институт экспериментальной биологии, Ботанический сад и Институт геологии. Возглавил отделение, как уже отмечалось, академик-секретарь товарищ Киррет. В те годы закончилось строительство зданий Института химии, а также строительные работы в Ботаническом саду.

Институт экспериментальной биологии в тесном содружестве с Институтом астрономии и астрофизики занимался проблемой фотосинтеза, а также разрабатывал вопросы генетики.

Наконец, в третье отделение входили гуманитарные научно-исследовательские учреждения: Институт истории, Институт языка и литературы, Литературный музей, Институт экономики. Академик-секретарь отделения Э. Пяльль долго работал в партийных и советских органах.

Центральный Комитет КПСС принял весьма важные, глубокие постановления по укреплению идеологической работы и

усилению борьбы против буржуазной идеологии. Поэтому у отделения было очень много дел и забот. В 1970 году был организован международный финно-угроведческий конгресс, в котором приняли широкое участие ученые Советского Союза и зарубежных стран. Конгресс был проведен на высоком научном уровне и удостоился высокой оценки как Академии наук Союза ССР, так и директивных органов республики. Все принятые конгрессом решения значительно укрепили ведущую роль советской науки в финно-угроведении. Особенно следует подчеркнуть тот факт, что в нем впервые приняли довольно активное участие представители разных финно-угорских народов нашей страны.

Организация научной работы в институтах Академии наук зависела от характера самого института: для естественных наук, где преобладают опытные работы с дорогой и дефицитной аппаратурой, условия совершенно другие, чем, скажем, для гуманитарных наук. Исследовательские работы, скажем, по физике настолько ушли вглубь, что решить проблему во всем объеме институту не под силу. Поэтому, как правило, исследование ведется по разделам со строгой специализацией и в кооперации с другими научными учреждениями.

Координируют эту работу Комитет по науке и технике Совета Министров СССР и Академия наук СССР, при которых работают так называемые проблемные комиссии, связанные с соответствующими комиссиями в академиях союзных республик. Таким образом, устраняется параллелизм, дублирование, ускоряется разработка проблемы, а следовательно, повышается и эффективность научной работы. Научные работники республики в результате тесных контактов с учеными страны находятся на высоком уровне, избавлены от опасности «варки в собственном соку», то есть безрезультатной работы вхолостую.

Ежегодно проводятся межреспубликанские совещания, симпозиумы, семинары, совещания по крупным проблемам с участием большого или ограниченного круга участников, специалистов данного участка науки. В 1969 году Академия наук СССР провела в Эстонии всемирный симпозиум по добыче и переработке сланца. Ученые нашей республики приняли в нем деятельное участие. Симпозиум принес большую пользу как для приезжих специалистов, так и для наших республиканских научных сил.

Вообще я горячий сторонник такого дельного, действенного контакта ученых. И считаю, что успешное развитие науки в Советской Эстонии стало возможным потому, что ученые республики работают в тесной связи с научными центрами других

союзных республик. Тематика работ эстонских ученых органически связана с общим планом научных работ в СССР.

Возьмем тематический план любого года. Все они свидетельствуют о том, что ученые Академии наук ЭССР решают включенные в этот план темы в сотрудничестве с более чем ста научными учреждениями братских республик.

Говоря о размахе и развитии науки в Эстонии, трудно удержаться, чтобы не оглянуться в прошлое и не сравнить науку нашего времени с тем, что она представляла собой в условиях буржуазной Эстонии. А была она не чем иным, как придатком при вузах, не имевшим ни собственной материально-технической базы, ни высококвалифицированных кадров. И даже ничтожные достижения науки некому было внедрять, некому было ими пользоваться, кроме частных предпринимателей.

Показательно, что после восстановления Советской власти, когда в Эстонии были национализированы предприятия, работавшие на горячем сланце, документации о научных работах, касающихся переработки сланца или перспективного развития этой отрасли, там не оказалось. Но это вовсе не означало, что на базе сланцев не производилось никаких исследовательских работ. Немногие оставшиеся в Ки-виыли специалисты рассказывали, что исследования велись. Но поскольку принадлежали они капиталистам — хозяевам этих предприятий, то вместе с хозяевами исчезла и вся документация...

Так обстояло дело не только в сланцевой промышленности, но и в других отраслях народного хозяйства. Буржуазная Эстония почти не имела, например, своих кадров в целлюлозной и бумажной промышленности. Руководители предприятий и специалисты с высшим техническим образованием были, как правило, приезжими и чувствовали себя здесь временными обитателями.

Как только Эстония стала Советской, началось бурное развитие и науки. В послевоенные годы начала создаваться солидная база для развертывания научных работ. Так, по состоянию на 1 января 1960 года только основные фонды Академии наук ЭССР составляли 2,1 миллиона рублей, на 1 января 1966 года — 3865 тысяч рублей и на 1 января 1970 года — 7336 тысяч рублей. В эти суммы входит только стоимость установок и аппаратуры, не считая стоимости помещений. В дополнение к этому в 1970 году мы получили еще много очень ценной аппаратуры.

Так же быстро росли и кадры научных работников во всех развивающихся в республике отраслях науки. Свидетельство тому — хотя бы рост числа сотрудников с ученой степенью в системе

Академии наук ЭССР. В 1960 году у нас было 16 докторов наук, через пять лет — 21, а в 1970 году — уже 40 (шесть уже защищенных докторских диссертаций были тогда еще на утверждении в ВАКе). Так же быстро росло число и кандидатов наук.

Это ли не яркое проявление ленинской национальной политики нашей партии, ее заботы о развитии национальных кадров ученых!

Важная производительная сила

В результате специализации. — Снова о сланцах. — Что сулит открытие доктора наук А. Фоминой.

Сегодняшняя наука все больше становится важной производительной силой.

Для сравнения я привел бы некоторые основные показатели роста народного хозяйства Эстонской ССР, особенно промышленности. Возьмем, к примеру, электроэнергию. В 1970 году в нашей республике было произведено 11,6 миллиарда киловатт-часов электроэнергии. В 1969 году Эстонская ССР по производству электроэнергии была среди союзных республик на седьмом месте. Это результат целенаправленной специализации союзных республик, использования всех местных ресурсов на благо всей Советской страны, на благо всего советского народа.

Все это стало возможно только в условиях социалистического содружества народов. Ибо в развитие производства электроэнергии в республике вложен труд всего советского народа — строителей, эксплуатационников, ученых.

Огромный рост производства электроэнергии связан у нас с исследованием и уточнением физико-химических свойств горючих сланцев, с активной разработкой технологии их термической обработки. Целым коллективам ученых не менее десятка лет пришлось биться над решением проблем, возникающих при использовании сланцев в качестве топлива для электростанций. А проблем было немало, особенно если учесть, что сланец сам по себе топливо не особенно ценное, дающее много золы. Надо было подумать над тем, как ее использовать, ибо невозможно обеспечить нормальные условия жизни населения, живущего рядом с ГРЭС, при таком количестве отходов. Очень остро встала на повестку дня проблема борьбы с загрязнением воздуха, почвы, проблема экономии воды.

Отвести миллионы тонн золы в жидком состоянии, обладающей сильными вяжущими свойствами, — дело нелегкое: зола забивает трубы, создавая тем самым трудности для их эксплуатации. К решению проблемы подключились создатели котлов, заготовители материалов и конечно же ученые. Именно они определили, какова должна быть система труб, какие необходимо использовать для их изготовления материалы.

И снова ответ был найден в совместных поисках с учеными братских республик. Уже длительное время ведутся крупные

исследовательские работы с участием республиканских и союзных научно-исследовательских институтов по изысканию новых технических и технологических решений для использования горючих сланцев как в качестве топлива, так и сырья для химической промышленности.

Эта большая работа принесла свои плоды. Работает опытно-промышленный завод, сконструированный и построенный с использованием данных, полученных лабораторным путем, на основе так называемого твердого теплоносителя. Новый способ обеспечивает значительное упрощение технологии сжигания сланца, дает значительную экономию металла. Существенно снижается себестоимость термической обработки сланца, поскольку тепло, содержащееся в сланцевой золе, направляется на нагревание новых партий сланца, а это дает большую экономию топлива. Получаемое при нагреве жидкое топливо — сланцевое масло, хотя и содержит какое-то количество золы, вполне пригодно в качестве топлива для электростанций. При обработке сланца легкие фракции предварительно отделяются. Таким образом, одновременно производится и сырье для химической промышленности, и топливо для электростанций.

Но ученые не ограничились только усовершенствованием существующей технологии. Они проложили совершенно новый путь для химической обработки горючих сланцев, разработали способ получения химическим путем ценного сырья из горючих сланцев.

Особенно большие заслуги в этой области принадлежат доктору химических наук А. Фоминой. В течение многих лет с группой химиков она работала над этой проблемой и лабораторным путем добилась положительных результатов в получении ценного сырья из сланцев. Эти исследования закреплены будут уже полупромышленным путем. Расскажу немного, о чем идет речь, чтобы представить значение этого открытия. Ученые разработали метод получения насыщенных дикарбоновых кислот из органической части горючего сланца, в том числе янтарной кислоты, а также сопутствующего продукта — стимулятора роста растений. Метод освоен на опытной установке производительностью до 10 тонн кислот в год. Кислоты прошли испытание в Научно-исследовательском институте пластических масс (в Москве), где установлено, что на их основе могут изготавливаться морозоустойчивые пластификаторы. Проводились испытания и во Владимирском научно-исследовательском институте синтетических смол.

При организации производства из сланца 25 тысяч тонн кислот экономический эффект составит 28 миллионов рублей,

причем капиталовложения окупаются в течение одного года.

Академия наук СССР провела в Таллине общесоюзное совещание, которое подвело итоги применения препарата нерозин против эрозии почв и в борьбе против снежной плесени, наносящих большой ущерб сельскому хозяйству.

Следует отметить, что за предыдущие пятилетки структура основных промышленнопроизводственных фондов основательно изменилась. Резко выросли основные фонды в отраслях производства электроэнергии, химической, пищевой, в том числе особенно в рыбной и рыбоперерабатывающей, в молочной и легкой промышленности.

Нельзя не отметить, что наша республика имеет заметно больше основных фондов для производства предметов потребления, чем в среднем по Союзу. Благодаря этому создались условия для дальнейшего непрерывного и быстрого роста производства товаров народного потребления, а следовательно, и для решения одной из важнейших задач сегодняшнего дня, поставленной Коммунистической партией, — повышения материального благосостояния советского народа.

Во всех успехах республики имеется и доля труда научных работников.

Самая убедительная пропаганда

С лекциями в финских университетах. — Международный конгресс в Эстонии. — Поездка в рыболовецкий колхоз. — «Я увидел, где правда и где ложь». — За расширение творческих контактов.

Ученые республики не отгораживаются от запросов, которые диктует производство. Не стоят они в стороне и от бурной общественной жизни. Многие наши ученые являются лекторами, страстными пропагандистами советского образа жизни.

В связи с этим вспоминается ряд встреч с зарубежными коллегами. По приглашению Общества советско-финской дружбы мы выступали с докладами в ряде высших учебных заведений Финляндии. Эта поездка была во многих отношениях интересной. Особенно ценными были следовавшие за докладами беседы. Большинство вопросов свидетельствовали об искреннем желании узнать побольше о нашей республике. Я делал доклад о путях и темпах строительства социализма в национальных республиках Советского Союза — на материалах Эстонской ССР. Об экономике Советского Союза в целом в Финляндии имелось более или менее ясное представление, но об экономике союзных республик этого сказать нельзя. Слушатели интересовались тем, как в союзной республике ведется текущее и перспективное планирование, как происходит распределение материальных ресурсов и т. п. Когда я сообщил, что за послевоенные годы капиталовложения в народное хозяйство Эстонской ССР превысили 4,5 миллиарда рублей и притом у республики нет ни копейки долга, в зале послышались возгласы изумления.

Мне пришлось подробно освещать такие проблемы, как конституционные права и обязанности республики, технология составления и утверждения народнохозяйственного плана, государственного бюджета. Особенно обстоятельно комментировались названные мною цифры, что 90–95 процентов доходов государственного бюджета Советского Союза и его республик дает народное хозяйство и только 5–10 процентов поступает за счет налогов с населения. Большой интерес вызвало также сообщение о том, что если какая-нибудь союзная республика не в состоянии покрыть за счет доходов от своего народного хозяйства запланированные ею капиталовложения, то ей оказывается различная помощь, и в первую очередь посредством соответствующего регулирования союзного налога с

оборота.

Активно интересовались слушатели проблемой производства и распределения в народном хозяйстве. Видимо, дал себя знать затрепанный лозунг белоэмигрантской пропаганды, будто в Советском Союзе в целом и в каждой республике в отдельности много производят, но народ получает из всего лишь незначительную долю. Для экономистов абсурдность этого утверждения ясна, но на недостаточно компетентных людей оно производит некоторое впечатление. Задавались мне и вопросы, в которых явно ощущалось влияние враждебной пропаганды. Но на них довольно легко было давать удовлетворяющий большинство слушателей ответ.

Через несколько месяцев после этой поездки из Финляндии поступила просьба прислать экономиста для серии докладов об экономической политике Советского Союза. Мы направили в Финляндию директора Института экономики доктора экономических наук А. Кээрна, который весьма успешно выступил с докладами в ряде университетских и других аудиторий.

Расширяя контакты с учеными зарубежных стран, Академия наук ЭССР, естественно, не забывала проблем идеологической борьбы. В 1969 году совет координации Академии наук ЭССР предложил нам в научно-исследовательской работе обратить больше внимания на экономику и культуру наших северных соседей. Это представляло тем больший интерес, что контакты с Финляндией имели давнюю традицию. Этому способствовали и поездки, об одной из которых я рассказал выше.

Что касается Швеции, то более тесные взаимоотношения с ней могли бы содействовать нейтрализации проживающих там враждебно настроенных к СССР эстонцев. Среди них участники кровавых злодеяний фашистов над трудящимися в нашей республике и другие злобствующие элементы. Они распространяют контрреволюционную клевету о положении в Советской Эстонии, которую доверчиво воспринимают обыватели, особенно в среде интеллигентов, бежавших от войны и искавших в Швеции «спокойного мира». В Швеции оказался ряд эстонских писателей, филологов, музыкантов. Наши республиканские учреждения культуры со своей стороны уже вступили в контакт с некоторыми из них. Так, композитор Э. Тубин написал оперу «Барбара фон Тизенхаузен», которая была поставлена в Таллине и оценена как высокохудожественное произведение, прогрессивное и в идеологическом отношении. Были предприняты и другие шаги подобного рода, особенно в отношении деятелей языка и литературы. Поэтому предложение Академии наук ЭССР наладить более тесные контакты с нашими северными соседями вместе с

тем открывало хорошие возможности для воздействия на тех из эмигрантов, кто очутился за рубежом случайно.

В этом плане мы широко использовали и уже упоминаемый мной международный конгресс. Приглашения прибыть на конгресс в качестве гостей были посланы живущим в эмиграции бывшим гражданам Эстонской ССР, в том числе известному в Эстонии литературоведу и финноугроведу профессору Мягисте из Швеции.

Учитывая, что среди эмигрантов довольно широко распространена клевета о «железном занавесе», что мы якобы не позволяем гостям близко изучать действительность Советской Эстонии, мы решили предоставить делегатам конгресса возможность увидеть все, что они захотят, любой колхоз или совхоз (о колхозах и вообще о сельском хозяйстве Эстонии в Финляндии и в Швеции распространялось особенно много лжи). Поездки мы никому не навязывали, это было делом совершенно добровольным. Кто хотел, мог принять участие; кто не хотел, мог выразить другое желание, которое мы старались удовлетворить. Однако абсолютное большинство охотно согласилось совершить поездку в хозяйства. Мы предупредили, что из-за экономии времени покажем им колхозы, расположенные недалеко от Таллина.

С группой зарубежных гостей я побывал в рыболовецком колхозе и в одном из совхозов. И надо сказать, что это была самая убедительная пропаганда. Рыболовецкий колхоз «Маяк» довольно внушительное хозяйство. 17 его судов ловили рыбу даже в океанах. В колхозе хорошо оборудованный цех по обработке рыбы, настоящий комбинат, автопарк на 50 грузовых машин. Знакомство с хозяйством началось с того, что председатель в колхозном клубе показал нам фильм о развитии хозяйства. В фильме откровенно показывались и трудности, которые колхоз испытывал на первых порах. Но все это осталось позади. Колхоз крепко стал на ноги, его денежный доход достиг в 1970 году, если память мне не изменяет, 17 миллионов рублей. Труд колхозников хорошо оплачивается. Многодетные семьи получают пособия. В школе дети обеспечены бесплатными завтраками, учебниками и т. д., во время летних каникул ребята старшего возраста помогают в обработке рыбы, конечно, за соответствующую плату.

Затем был устроен обед. Стол был богато накрыт, преобладали блюда из колхозной продукции — рыба и овощи. Колхозники показали гостям свою художественную самодеятельность, выступал квартет, декламаторы. Гости были поражены всем увиденным и не скупились на похвалы. Пожилой профессор из Швеции сказал, что он уже давно живет на северном

берегу моря, много видел в жизни; и из того, что он читал и слышал, у него сложилось превратное мнение о жизни в Советской стране. И вот теперь здесь, в эстонском колхозе, он увидел, где правда и где ложь. В заключение ученый пошутил:

— Еще не совсем ясно, что произвело на меня большее впечатление — то, что я видел и слышал, или то, что попробовал за столом. Во всяком случае, мое прежнее представление о вашей жизни дало сильную трещину. И я рад сказать об этом. Я сам вырос в нужде и поэтому особенно рад видеть, когда хоть где-нибудь делается что-то серьезное для трудового человека.

Выступали и другие гости. Все они с одобрением отзывались о том, что увидели в колхозе. А профессор Юлиус Мягисте сказал мне:

— Какие же это колхозники, это же настоящие буржуи! Мы посмеялись, потом он уже серьезно заявил, что у него создалось самое хорошее впечатление о колхозной жизни. Он доволен, что увидел все это своими глазами.

— Это большое дело, что вы тут делаете. Я от всего сердца желаю вам дальнейшего быстрого развития, — сказал ученый на прощанье.

Экскурсантов особенно тронули искренность, непринужденность и гостеприимство колхозников. Очень впечатляющим было и посещение Таллинского музея под открытым небом, где экспонируются свезенные с разных концов Эстонии старые дома, хозяйственные постройки. Здесь выступали девушки и юноши в национальных костюмах тех уездов, откуда привезли эти строения. Гости с большим интересом смотрели танцы, слушали музыку и беседовали с участниками самодеятельности.

Представители социалистических стран, в том числе Венгрии, увозили с собой тепло эстонских колхозников. Венгры активно интересовались успехами Эстонии, сравнивали их с собственными достижениями. Делегаты могли ознакомиться с довольно богатой литературой по финноугроведению, изданной в различных странах. Разумеется, большинство среди них составляли советские книги. Было принято решение созвать следующий конгресс в Венгрии, где продолжить плодотворный обмен мнениями, начатый в Эстонии.

Интерес наших братских стран к эстонскому опыту вызвал мою поездку в Народную Республику Болгарию. Это была моя вторая встреча с Болгарией. За год до этого я присутствовал на юбилейном заседании болгарской Академии наук. Теперь же представилась возможность подробнее ознакомиться с социалистической экономикой Болгарии и обменяться с

коллегами своим опытом. Продолжавшаяся двадцать дней поездка по крупнейшим городам, а также по селам страны дала мне яркое представление об исключительно плодотворном строительстве социализма в дружественной, братской Болгарии. Хотя по климатическим и природным условиям Болгария расположена в значительно лучших условиях, чем Эстонская ССР, но и у нее имеется еще, особенно в сельском хозяйстве, и в частности в животноводстве, ряд проблем, ждущих своего разрешения. Короче говоря, эта поездка оказалась плодотворной как для меня, так, по-видимому, и для ученых Болгарии. Мы договорились о расширении наших связей. Следует сказать, что ученые Болгарии оказали ценную помощь своим строителям. Возведенные ими за последние годы здания, целые кварталы и города могут служить превосходным примером того, что дает народу свободный труд. Из некогда отсталой страны, аграрного придатка Запада социалистическая Болгария за короткий срок превратилась в промышленно-аграрную страну с передовой индустрией и наукой.

В последние годы мне довелось бывать и в братских советских республиках. Знакомство с постановкой там научной работы дает много ценного. Думается, что более тесное сотрудничество между академиями наук республик СССР открывает новые перспективы, ибо все республики вносят достойный вклад в советскую и даже мировую науку.

Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС товарищ Л. И. Брежнев в своей речи на торжествах в честь 50-летия Коммунистической партии Армении справедливо отметил, что ученые Армянской ССР занимают выдающееся место в области астрофизики в международном масштабе. Достижения ученых всех республик являются наглядной демонстрацией успешного осуществления национальной политики в Советском Союзе. В качестве пожелания на будущее хотелось сказать, что обмен опытом между республиканскими академиями наук, научными институтами должен расширяться, так как он способствует развитию советской науки в целом, быстрейшему внедрению в жизнь ее достижений.

Взаимные контакты дают возможность организовать кооперирование по отдельным тематическим планам. В известной мере это практикуется. Так, наши историки и экономисты работают в довольно тесном контакте с учеными Латвии и Литвы. Желательно такое же сотрудничество в области языка и литературы. Это, между прочим, позволило бы значительно расширить издательское дело, поскольку наши республики имеют сравнительно небольшое число читателей, что отражается на

себестоимости книжной продукции.

Творческое содружество ученых, бесспорно, принесет свои плоды во всех областях науки.

Заключение

Как мог убедиться читатель, мне довелось жить во время, обильно насыщенное событиями, быть свидетелем огромных изменений во всем. Жизнь, какой я ее застал, была совершенно не похожа на нынешнюю. Ей посвящена первая глава книги.

На моих глазах происходил поворот в эстонском сельском хозяйстве, которое развивалось по прусскому пути. Из крестьянских хозяйств, разбросанных по окраинам обширных баронских поместий, постепенно выделялась небольшая группа кулаков — в народе их называли «серыми» баронами, — которые всячески старались уподобиться помещикам. Жадно обогащались «люди нового времени»: открывали торговлю в городе, приобретали многоквартирные дома для сдачи жильцам. Это было время накопления капитала меньшинством, время тяжелого труда и жалкого существования для большинства.

Великий перелом наступил в жизни трудового народа Эстонии после Великой Октябрьской революции. К власти повсеместно пришли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Безземельные и мызные батраки, захватив имения, приступили к совместному труду в имениях, но из-за краткости первого периода Советской власти в Эстонии этот опыт не успел дать вполне реальных результатов. Экспроприация помещиков оставила неизгладимый след в сознании трудящихся деревни, и его не смогли потом стереть годы буржуазной диктатуры, в частности буржуазная земельная реформа с ее неблагоприятными для трудового народа результатами. Если раньше крестьянин работал на помещика-барона, то после проведения буржуазной земельной реформы он, получив клочок земли, вынужден был фактически работать на капиталиста-банкира, поскольку за землю надо было выплачивать. Жизнь крестьянина ничуть не стала легче.

На последующих страницах я пытался рассказать о революционной борьбе в условиях буржуазного подполья.

Долгие годы тюремного заключения, а для многих друзей и товарищей военно-полевые суды и смертные приговоры — все это пришлось пережить сынам и дочерям рабочего класса в те годы. Белый террор в Эстонии был исключительно жестоким, безжалостным в отношении всех противников буржуазного строя. Так было и в соседней Латвии, и во многих других странах, в которых мне пришлось побывать и где довелось видеть многочисленные монументы, поставленные погибшим в неравной борьбе революционерам.

Рассказывая о жизни в тюремных стенах, я старался не давать хроники, а показать отдельные, типичные эпизоды, воссоздать атмосферу тюрьмы, нарисовать образы нестигаемых революционеров-ленинцев, их преданность идеям коммунизма.

Большое счастье — добиться победы после долгих лет борьбы. В Советской Эстонии наша жизнь насыщена работой и воодушевлением. Радостно было видеть, как поднимаются ростки нового общества, как новое сокрушает сопротивление остатков старого строя — это было неразрывной частью, началом того строительства, которое продолжается в настоящее время. Нам, ветеранам революционной борьбы, отрадно сознавать, что эстафету из рук старшего поколения берет охваченная жаждой деятельности молодежь, несущая ее вперед, к коммунизму.

Трудящиеся республики в великом содружестве с братскими республиками, в едином Союзе ССР за 25–30 лет построили новое, социалистическое общество, о котором мечтали лучшие умы, за которое боролись десятки лет, если не больше, передовые люди трудового народа. В этом обществе живут и трудятся совершенно иные люди, свободные, не знающие эксплуатации. Каждый день труда приближает нас к коммунизму. Порой молодежь проявляет нетерпение — быстрее бы достичь коммунистического идеала!.. Это нетерпение не таит в себе ничего худого, его лишь надо правильно направить, разъяснив молодежи, что хорошая жизнь не приходит сама. У каждого поколения свои задачи, а стало быть, и свои трудности, которые надо преодолеть.

Иной раз я думаю: как полезно было бы молодым людям собственными глазами взглянуть на жизнь трудящихся самых богатых стран капитализма. Они тогда еще лучше научились бы ценить то, что уже создано в нашем государстве. Взгляните на улицы наших городов: люди одеты совсем не так, как в далеком или даже в недалеком прошлом. Ведь это труд советских людей воплощен в кварталах новых районов. Взгляните на новую технику, которая имеется в распоряжении трудящихся. А техническая база советской науки, которая позволяет вести исследования не только на земле, но и в космосе, посылать технику на Луну и направлять там ее работу. Какое это могучее достижение человеческого гения! Техника обладает ныне фантастической силой, и надо сделать все возможное, чтобы она не стала средством разрушения в руках империалистических маньяков, а служила бы прогрессу человечества.

Мы — оптимисты и уверены, что народы в состоянии обуздать реакцию, заставить ее отступить перед силами прогресса. Огромные успехи Советского Союза и других

социалистических стран, рост рабочего движения в странах капитала, национально-освободительная борьба угнетенных народов — залог новых побед коммунизма на земле.

И когда думаешь об этом, то убеждаешься, что твоя жизнь прожита интересно, прожита не напрасно: она отдана борьбе за коммунизм.

notes

Примечания

Так назывались земли, отобранные помещиками после реформы 1861 года из общинных земель крестьян для расселения своих батраков или для продажи.

Кару — медведь (*эст.*).

«Постимээс» — консервативная буржуазная газета, издававшаяся в Эстонии.

Эстонские национальные части российской армии были созданы при Временном правительстве. Эстонская буржуазия возлагала на них большие надежды, значительная часть офицеров была настроена националистически.

«Интернационал» был переведен на эстонский язык в 1906 году, автор перевода Ганс Пээгельман, известный эстонский большевик.

Речь идет о постановлении конференции безземельных крестьян Эстонии, состоявшейся в августе 1917 года («Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии». Сборник документов и материалов. Таллин, 1958 (на эстонском языке), стр. 286).

См. Ленинский сборник XXXIV, стр. 234.

Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР (ЦГАОР ЭССР), ф. 1108, оп. 4, ед. хр. 419.

Сотсами в народе называли правых социал-демократов

О названных товарищах пойдет речь и дальше. Здесь лишь скажу, что Яан Томп являлся председателем Центрального союза рабочих объединений Эстонии и членом Государственного собрания, после III съезда Компартии Эстонии его ввели в состав Центрального Комитета партии. Хендрик Аллик, как и Иоханнес Лауристин, также после III съезда КПЭ был кооптирован в состав ЦК, оба они входили в состав редакции газеты «Теэлине».

Лауристин был первым председателем Совета Народных Комиссаров Эстонской ССР, погиб в августе 1941 года во время эвакуации Таллина. Аллик здравствует, работает заместителем председателя Совета Министров ЭССР и председателем Госплана республики. Пауль Кээрдо работал народным комиссаром финансов Эстонской ССР. Умер.

Оскар Сепре, Антон Вааранди, Ольга Кюннапу (Лауристин) — впоследствии видные деятели революционного движения. В Советской Эстонии они находились на крупной государственной работе. Сепре являлся председателем Госплана, исполняющим обязанности председателя Совета Народных Комиссаров Эстонской ССР, затем он работал в Институте экономики Академии наук ЭССР, являясь членом-корреспондентом этой академии. Ольга Кюннапу (Лауристин) возглавляла Министерство кинематографии ЭССР, а затем Общество культурной связи с зарубежными странами. Антон Вааранди был заместителем председателя Совета Министров республики, затем много лет редактировал журнал эстонских писателей «Лооминг», ныне снова работает в Совете Министров Эстонской ССР.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 179–180.

Наиболее полный список политических процессов и подсудимых составил по архивным материалам бывший политзаключенный, активный участник рабочего движения Александр Резев.

Силленберг полностью отсидел этот срок, вышел на свободу в 1938 году. В это время шла гражданская война в Испании, и он направился добровольцем в армию республиканцев, сражавшихся в Испании против фашистских мятежников. Силленберг воевал там всю гражданскую войну. Вместе с другими бойцами героической Интернациональной бригады он отступил на территорию Франции, где некоторое время пробыл в концентрационном лагере. Оттуда их выслали в Советский Союз. В годы Великой Отечественной войны Силленберг вступил в Советскую Армию и сражался против немецко-фашистских захватчиков. Теперь он персональный пенсионер, живет в Таллине.

В «Очерках по истории Коммунистической партии Эстонии» сказано: «Деятельность партии активизировалась и в южной Эстонии. В 1923 году в Валгаском, Выруском и Петсериском уездах партийным организатором работал Арнольд Веймер» («Очерки истории Коммунистической партии Эстонии», часть II. Таллин, 1963, стр. 101). — *Ред.*

Яан Креукс — видный революционный деятель, член ЦК Компартии Эстонии. Он был застрелен прямо на улице наймитами буржуазии.

С 1 января 1928 года золотое содержание кроны определялось в 0,408226 г, следовательно, отношение золотой кроны к золотому рублю равно 1,92; после девальвации кроны в 1931 году золотое содержание кроны было уменьшено на одну треть.

Мы придем к этому же выводу, если проанализируем возраст промышленных предприятий. По данным экономической переписи 1936 года, из общей суммы основного капитала крупной промышленности 67,5 процента было вложено в предприятия, учрежденные до 1918 года, 20,9 — в предприятия, основанные в период с 1918 по 1924 год, 8,4 — в учрежденные за период с 1925 по 1930 год и только 3,2 процента было вложено в предприятия, созданные в 1931–1937 годах.

«За решеткой» (Сборник воспоминаний и материалов о пребывании коммунистов Эстонии в тюрьме). Таллин. 1962.

Речь идет о напечатанных в швейцарской газете «Арбайтер Цайтунг» критических статьях относительно царящего в Эстонии белого террора, в ответ на которые министр юстиции буржуазной Эстонии, выступая в Государственном собрании, открыто сообщал ложные данные, которые, в свою очередь, были разоблачены в газете.

Архив Института истории партии при ЦК КП Эстонии
(ПАКПЭ), ф. 27, оп. 27–1, ед. хр. 721.

ПА КПЭ, ф. 27, оп. 27–1, ед. хр. 721. 134

ПА КПЭ, ф. 24, ед. хр. 749, л. 31.

Выйдя из тюрьмы, он уехал в Советский Союз, где работал механизатором сельского хозяйства, а позднее, после восстановления Советской власти, вернулся в Эстонию и сейчас работает преподавателем в Таллинском политехническом институте.

Надо полагать, что автором этого письма является Ольга Кюннапу (Лауристин), других женщин-политзаключенных в то время в Вильянди не было.

Через несколько лет этот факт печально отразился на Х. Аллике: взгляды немецкой троцкистки в подготовленной им публикации были приписаны ему, и потребовалось немало времени, чтобы это обвинение было снято.

К сожалению, до сих пор в архиве не удалось найти документов, проливающих свет на историю издания закона об амнистии, и поэтому она и по сей день остается недостаточно ясной.

Летом 1938 года в партийный центр были кооптированы Герман Арбон и Пауль Кэардо, и он стал именоваться Нелегальным бюро. Весной 1940 года в него был кооптирован Оскар Сепре. В течение 1938–1940 годов бюро выполняло функции Центрального Комитета КПЭ.

После восстановления в Эстонии Советской власти он поступил на фабрику. Здесь после национализации предприятия он по предложению рабочих был выдвинут уполномоченным Комитета по национализации — комиссаром предприятия, а затем стал директором этой фабрики. В годы Великой Отечественной войны Юлиуо сражался в рядах Красной Армии, а демобилизовавшись, снова вернулся на родное предприятие.

В 1941 году, когда я уже был народным комиссаром легкой промышленности, моя бывшая хозяйка, госпожа Рахамяги, разыскала меня и выразила желание... вступить в Коммунистическую партию, прося меня дать ей рекомендацию. Она была не очень удивлена, когда я отказал ей...

Имеются в виду декларация о государственной власти в Эстонии, декларация о вступлении Эстонии в Союз Советских Социалистических Республик, декларация об объявлении земли всенародным достоянием, декларация о национализации банков и крупной промышленности и постановление Государственной думы по вопросу о президенте республики.

Сюда входила и организация руководства государственными лесами, торфяными предприятиями, строившимся фосфоритным комбинатом.

Товарищ Мыттус был находчив и остроумен. Однажды во время горячего спора с коллегой из соседней республики его вывело из равновесия высокомерное отношение его оппонента к Эстонии. Тот безудержно хвалил свои совхозы, утверждая, что только у них и есть чему поучиться. Мыттус, спокойно выслушав это хвастовство, заметил:

— Да, да, у вас все лучше, даже соседи!

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 99.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 224.